В монографии описывается структура общелезгинского языка-основы на уровне морфологии и синтаксиса. Прослеживается развитие категорий падежа, числа и класса в имени, класса, вида, наклонения и времени в глаголе. Дается историческая характеристика других частей речи.

Рецензенты:

Г.А. КЛИМОВ, Б.Б. ТАЛИБОВ

А $\frac{4602000000-060}{042(02)-85}$ 254—85—I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография посвящена рассмотрению в сравнительно-историческом аспекте двух структурных уровней лезгинских языков — морфологии и синтаксиса. Естественно, исследование каждого из них обладает определенной автономностью, поскольку характеризуется как спецификой самого материала, так и методов его изучения. Однако нельзя отрицать и значительную обусловлениость принимаемых решений по целому ряду вопросов исторической морфологии и синтаксиса от разработки исторической фонетики и лексикологии. Соответственно автор рассматривает свою работу как составную часть более обширного труда, объединяющего, помимо представленных в монографии глав "Морфология" и "Синтаксис", сравнительное исследование фонетики и лексик.і лезгинских языков.

Во введении рассматриваются не только вопросы морфологического и синтаксического характера, но и весь круг проблем, связанных с лезгинской компаративистикой, в том числе и вопросы классификации лезгинских языков. Такая зависимость сопряжена с необходимостью обоснования большинства предлагаемых в работе реконструкций с точки зрения исторической фонетики. Между тем специальное исследование вопросов, входящих в сферу последней, не являлось задачей настоящей монографии: предлагаемая здесь концепция целиком строится на соответствующей разработке из уже существующих[1]. Однако подробное обоснование такого рода заметно отвлекло бы от непосредственного предмета исследования, в связи с чем необходимо сделать следующую оговорку: аргументация правомерности того или иного сопоставления с точки зрения исторической фонетики, равно как и библиографические комментарии, дается в работе лишь в наиболее нетривиальных случаях.

За основу используемой в настоящей работе транскрипции принята стандартная лезгиноведческая транскрипция (см. Талибов 1980 и др.) с рядом дополнений и изменений:

1) непридыхательные, или преруптивы (*п̄, т̄, ц̄* и др.), и геминаты (сильные), т.е. ц̄I, ч̄I, с̄, ш̄ и др., а также долгие гласные (а̄, ӯ, ӣ и т.п.) обозначаются чертой над буквой;

2) фарингализованные гласные, а также увулярные и ларингальные согласные (*къI, хъI, кьI, к̄ьI, гъI* и др.) обозначаются добавлением знака *I* справа;

---

[1] Пользуясь случаем, приношу благодарность к.ф.н. С.А. Старостину, с которым неоднократно обсуждались все словарные сопоставления, представленные в монографии. Ему же принадлежит реконструкция их фонетического облика.

3) твердые шипящие удинского языка обозначаются добавлением знака ъ справа (*джъ, чъ, жъ* и др.);

4) правым подстрочным знаком, обозначается палатализация;

5) обозначение некоторых специфических звуков: латералы: *дл* (звонкая), *лI* (глухая), *лъI* (абруптивная) — аффрикаты; *лъ* (звонкий), *лъ* (глухой) — спиранты; фарингальные согласные агульского языка: *г̨* (звонкий), *х̨* (глухой); эмфатические ларингалы: ъ — смычный, *ъI* – звонкий и *х*˙ (глухой) — спиранты; велярный звонкий спирант *ӻ*; гортанная смычка ˙; гласный среднего ряда среднего подъема *ә*;

6) в транскрипции не отражены различия в произношении, не противопоставленные фонологически в одном и том же языке: а) геминаты (в табасаранском, агульском, цахурском и аффрикаты и спиранты в арчинском) и преруптивы (в лезгинском, смычные в арчинском); б) лабиализованные и дентолабиализованные (шипящие в табасаранском); в) лабнолабиальный и лабиодентальный (позиционно) *в*; г) непридыхательный глухой и звонкий *къ*;

7) принята трактовка удинских смычных как непридыхательных, т.е. преруптивов (см. Талибов 1974).

ВВЕДЕНИЕ

К лезгинским языкам, составляющим южное ответвление дагестанской семьи языков, традиционно относят собственно лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, удинский и хиналугский языки.

Территория распространения лезгинского языка, на котором говорит, по переписи 1979 г., 383 тыс. чел., включает Сулейман-Стальский, Магарамкентский, Курахский и Ахтынский районы, а также отдельные селения Хивского и Рутульского районов ДагАССР и Кубинский, Кусарский и другие районы АзССР, где лезгины проживают вперемежку с азербайджанцами.

Лезгинский язык — один из наиболее исследованных дагестанских языков. Первая грамматика лезгинского языка была составлена П.К. Усларом, описавшим один из говоров яркинского диалекта, и опубликована в 1896 г. До этого А. Шифнером (1873) был выпущен на немецком языке краткий конспект этой грамматики. В 1941 г. вышло в свет грамматическое описание лезгинского языка Л.И. Жиркова, сумевшего в значительной степени систематизировать факты лезгинского языка.

Немало работ посвящено отдельным вопросам структуры лезгинского языка. Так, к настоящему времени подробно исследована фонетика: звуковой строй (Гайдаров 1957а; 1959), фонетические процессы (Гайдаров 1957б; Талибов 1962; Топуриа 1974), ударение (Жирков 1940). В области морфологии прежде всего следует назвать монографию У.А. Мейлановой (1960), посвященную категории падежа, и монографию Г.В. Топуриа (1959) о глагольных категориях.

Отметим также несколько статей, в которых вопросы лезгинского языка освещаются, в частности, и в историческом аспекте (см.: Гаджиев 1958; Мейланова 1962; Талибов 1958; 1960б; Топуриа 1957; 1967). В работах М.М. Гаджиева (1954; 1963) основательную разработку получили вопросы синтаксиса, в работах Р.И. Гайдарова (1966б; и др.) — лексики; в работах А.Г. Гюльмагомедова (1978 и др.) — фразеологии. Были составлены русско-лезгинский (Гаджиев 1950) и лезгинско-русский (Талибов, Гаджиев 1966) словари, а также фразеологический словарь (Гюльмагомедов 1975).

Диалекты лезгинского языка (см. Мейланова 1964б, 42) распадаются на три группы: кюринскую, включающую гюнейский, лежащий в основе литературного языка (письменность с 1928 г.), яркинский и курахский диалекты, а также смешанные гилиярский и гелхенский говоры; самурскую, в которую входят докузпаринский и ахтынский

диалекты, а также фийский и курушский говоры; кубинскую. Основанием для подобной классификации служат в основном фонетические признаки, некоторые диалектные единицы четко обособляются и с точки зрения морфологии. По лезгинской диалектологии существует достаточно обширная литература: помимо сводного очерка У.А. Мейлановой (1964б) и учебного пособия Р.И. Гайдарова (1966а), можно назвать монографии по ахтынскому (Гайдаров 1961), фийскому (Абдулжамалов 1965) и гюнейскому (Мейланова 1970) диалектам и целый ряд описаний более дробных диалектных подразделений (Гаджиев 1957; Ганиева 1972б; 1980; Генко 1929; Гюльмагомедов 1966; 1967; 1968; Мейланова 1957; 1959; Саадиев 1961а). Вместе с тем пока еще недостаточно строго определен лингвистический статус (диалект или говор?) некоторых диалектных единиц.

Табасаранцы (по переписи 1979 г. 75 тыс. чел.) населяют Табасаранский и частично Хивский районы ДагАССР. Первое исследование табасаранского языка было осуществлено П.К. Усларом (опубликовано в 1979 г.). Помимо труда П.К. Услара, в настоящее время мы располагаем рядом грамматических описаний и других авторов (Дирр 1905; Боуда 1939; Жирков 1948; Магометов 1965; Ханмагомедов 1966). Хотя библиография работ по табасаранскому языку не столь обширна по сравнению, например, с лезгинским, многие аспекты структуры этого языка получили освещение в специальной литературе: фонетический строй (Магометов 1959 и др.), падежная система (Ханмагомедов 1958а; 1958б; 1958в), структура глагола (Магометов 1960; 1961; Курбанов 1981), синтаксис (Ханмагомедов 1970), лексика (Загиров 1977; 1978; 1981).

В табасаранском языке принято различать два диалекта — северный и южный. Последний (точнее, его нитрикский говор) лег в основу литературного языка (письменность с 1932 г.). Различия между диалектами наблюдаются в сфере фонетики и глагольной морфологии (см. Магометов 1965, 15—16). Имеются некоторые основания выделять в качестве самостоятельный диалектной единицы также этегский диалект (Шалбузов 1968).

На агульском языке согласно переписи 1979 г. говорит около 12 тыс. чел., проживающих в Агульском и частично Курахском районах ДагАССР. Грамматическому описанию агульского языка посвящено несколько монографий (Дирр 1907б; Шаумян 1941; Магометов 1970), а также ряд специальных статей (Шаумян 1936; Магометов 1962; 1966; 1968; Сулейманов 1979 и др.), касающихся отчасти и истории рассматриваемых явлений. С точки зрения диалектных различий в агульском языке принято говорить о собственно агульском (тпигском), керенском, кошанском, буркиханском и фитинском говорах (Магометов 1970, 15).

Рутульский язык, на котором, по переписи 1979 г., говорит около 15 тыс. чел., представлен в основном в Рутульском р-не ДагАССР. Несколько рутульских селений расположено в сопредельных районах ДагАССР и АзССР. Анализу структуры рутульского языка посвящены исследования А. Дирра (1911), Е.Ф. Джейранишвили (1966а), Г.Х. Ибрагимова (1978) и, кроме того, ряд специальных работ, касающихся в

основном фонетики (Джейранишвили 1953; 1959; 1964; 1966б; Ибрагимов 1972а; 1979; Исаев 1973; Алексеев 1981 и др.).

По классификации Е.Ф. Джейранишвили (1966а, 7) в рутульском языке можно выделить следующие диалекты: собственно мухадский (верхне- и нижне-рутульский), шиназский, мухрекско-ихрекский и борчский. Г.Х. Ибрагимов (1978, 15) придерживается той же схемы, выделяя вместе с тем мюхрекский и ихрекский диалекты как самостоятельные единицы.

Цахурцы (14 тыс. чел. по переписи 1979 г.) населяют западную часть Рутульского р-на ДагАССР, а также отдельные села Закатальского и Кахского районов АзССР. Цахурская письменность, созданная в 30-х годах (см. Генко 1934), не получила в дальнейшем распространения. Первое исследование грамматики цахурского языка было осуществлено А.Дирром (1913). Ныне кавказоведение располагает рядом работ, посвященных различным вопросам структуры цахурского языка, из которых особого внимания заслуживают следующие диссертации: Е.Ф. Джейранишвили (1966а), содержащая сравнительное исследование фонетики и морфологии цахурского и рутульского языков, Б.Б. Талибова (1955) по глаголу, А.И. Курбанова (1966) по склонению, А.Г. Караева (1969) по фразеологии и монография Г.Х. Ибрагимова (1968) по фонетике цахурского языка.

В цахурском языке, по мнению Е.Ф. Джейранишвили (1966а, 7), четыре наречия: цахурское, мишлешское, микикское и гельмецское. Г.Х. Ибрагимов (1968, 59) выделяет три диалекта: цахурско-сувагильский, сабунчинский и гельмецский.

Среди бесписьменных дагестанских языков одноаульный арчинский язык (с. Арчиб Чародинского р-на ДагАССР), на котором говорит менее 1000 чел. (Кибрик и др. 1977а, 5), является в настоящее время наиболее изученным, хотя до недавнего времени единственным источником по этому языку служила монография А. Дирра (1908). В 1967 г. было опубликовано исследование К.Ш. Микаилова. Работы О.И. Кахадзе (1958; 1962; 1964; 1967 и др.) были обобщены им в диссертации (1973; 1979). Вопросы склонения в арчинском языке рассматриваются в статьях С.М. Хайдакова (1965) и М.Е. Алексеева (1979). Итогом многолетней работы коллектива авторов МГУ явилось создание трехтомного труда по грамматике и лексике арчинского языка (Кибрик и др. 1977а), с которым тесно связан сборник арчинских текстов со словарями — арчинско-русским и русско-арчинским (Кибрик и др. 1977б).

На крызском языке говорит около 8000 чел. (Талибов 1980, 7), живущих в нескольких селах Кубинского, а в последнее время и некоторых других районов АзССР. Первые сведения о грамматическом строе крызского языка были опубликованы Р.М. Шаумяном (1940). В дальнейшем научное освещение получили вопросы склонения имен (Саадиев 1953; 1961б), глагольного словоизменения (Хидиров 1961 и др.) и лексики (Саадиев 1954; 1959). Наконец, полное исследование грамматического строя и лексики крызского языка было предпринято в диссертации Ш.М. Саадиева (1972). Крызский язык представлен четырьмя относительно слабо дифференцированными диалектами: собственно крызским, джекским, хапутлинским и алыкским.

В меньшей степени изученным является будухский язык, на котором говорит около 1000 жителей с. Будух Кубинского р-на АзССР: помимо статьи Р.М. Шаумяна (1940), можно назвать лишь несколько статей, посвященных отдельным фрагментам грамматики этого языка (Мейланова 1977; Панчвидзе 1953; 1974б). Определенное представление о структуре будухского языка дает также краткий очерк Ю.Д. Дешериева (1967).

Удинский язык представлен в основном в селах Нидж и Варташен АзССР. Число говорящих на этом языке достигает 5000 (Талибов 1980, 8). Первое исследование удинского языка было опубликовано А. Шифнером еще в 1863 г. В дальнейшем к изучению удинского языка обращались А. Дирр (1904), Д. Карбелашвили (1935), Б.К. Гигинейшвили (1959), Б.Б. Талибов (1974). Подробные грамматические очерки были созданы В.Н. Панчвидзе (1974а) и Е.Ф. Джейранишвили (1971), написавшими также ряд специальных статей (Панчвидзе 1904а; 1940б; 1942а; 1942б; 1943; 1944; Джейранишвили 1948; 1956). Лексика удинского языка была собрана в удинско-азербайджанско-русском словаре В.Л. Гукасяна (1974). Обычно различают два диалекта удинского языка — варташенский и ниджский. Описанию фонетических и морфологических особенностей последнего посвящена диссертация В.Л. Гукасяна (1966).

Следует отметить, что так называемый агванский язык, представленный не дешифрованными пока немногочисленными эпиграфическими памятниками, согласно наиболее распространенному в кавказоведении мнению отражает раннее состояние удинского языка (см.: Абрамян 1964; Абуладзе 1938; Гукасян 1974; Климов 1972б; Шанидзе 1960).

На хиналугском языке говорит около 2000 жителей с. Хиналуг Кубинского р-на АзССР. Среди работ, посвященных этому языку, следует назвать грамматические очерки Ю.Д. Дешериева (1950) и коллектива авторов МГУ (Кибрик и др. 1972), а также несколько специальных статей (Шаумян 1940; Дешериев 1974; Магометов 1976).

Первые попытки сопоставления отдельных лексем и грамматических показателей различных лезгинских языков предпринимались уже в конце XIX — начале XX в. В частности, замечания сравнительно-исторического характера можно обнаружить в ряде работ А. Дирра: так, в очерке цахурского языка он приводит сравнительную таблицу превербов цахурского, рутульского, агульского и табасаранского языков (Дирр 1913, 5). Довольно интересны его рассуждения о месте в генеалогическом древе дагестанских языков арчинского (Дирр 1908, I—IV). Вместе с тем сравнительно-исторические штудии тех лет в целом не шли дальше простой констатации словарных и грамматических схождений между лезгинскими языками: работа велась в основном в русле накопления материала. В этом отношении показателен сравнительный словарь А. Дирра (1907б, 156—167), содержащий более 150 лексем всех десяти языков, традиционно причисляемых к лезгинской группе, в котором отсутствуют какие-либо попытки дифференцировать генетически общие и просто совпадающие по значению лексемы. Естественно, что и классификация лезгинских языков в тот период

(см., например, Эркерт 1895) основывалась не на сравнительно-исторических, а на географических принципах.

Создание в XIX — начале XX в. описательных грамматик ряда дагестанских языков, хотя и во многих отношениях несовершенных (критика работ А. Дирра, в частности, стала общим местом в исследованиях по дагестанским языкам), подготовило почву для собственно сравнительно-исторических изысканий. Возникновение дагестанской (и соответственно лезгинской) компаративистики справедливо увязывают с именем Н.С. Трубецкого, давшего прекрасный образец сравнительно-исторического изучения языков, не имеющих сколько-нибудь длительной письменной традиции.

В статье, посвященной латеральным согласным (Трубецкой 1922), ученый предложил несколько формул звукосоответствий (приводим здесь рефлексы только лезгинских языков):

а) арч. *лъ* = цах. *хь* = рут. *хь* = агул. *хь* = таб. *хь/ш* = лезг. *хь, й, ж* и (после *р?*) *г̌* = крыз., буд.? = уд. *х* (**хьв* > *ф* в лезг., агул., таб., буд. и крыз.);

б) арч. *лъI* = лезг. *кI/к* = агул. *к̄* = таб. *к̄* (*ч̄*) = рут. *к/г* = цах. *к/к̄* (*к̄I, гг*) = = крыз, *к* = буд. *к* = уд. *кь;*

в) арч. *лI* = лезг. *г̌* = таб. *г̌* и *ж* = агул. *й* = рут. *в* и *г̌* = цах. *в, г̌* и, возможно, *л* = крыз. *г̌, й* = буд. *г̌, й* = уд. *гь* (пользуясь неправильными записями А. Дирра, Н.С. Трубецкой в некоторых случаях отмечал вместо *г̌ гь*).

На основе этих сопоставлений Трубецкой реконструировал фонемы **хь*, **х̄ь̄* (велярные спиранты), а также **лъI* и **лI* (латеральные аффрикаты).

Значительное место занимает материал лезгинских языков и в других работах Трубецкого по дагестанской исторической фонетике (Трубецкой 1930; 1931). Менее заметен его вклад в разработку исторической морфологии дагестанских языков: здесь можно упомянуть лишь одну статью (Трубецкой 1929), в которой, в частности, предлагалась трактовка некоторых формантов глагольного спряжения в качестве исторических показателей причастий. Касаясь состояния сравнительно-исторических исследований дагестанских языков в 30-е годы, нельзя не упомянуть также работы Ж. Дюмезиля (1933; 1939), представляющие особую ценность наблюдениями в области исторической морфологии.

Дальнейшее развитие сравнительно-исторического изучения лезгинских языков (как и дагестанских в целом) связано с деятельностью по их более углубленному синхронному описанию, которая развернулась в полном объеме начиная с 50-х годов.

Разработка вопросов исторической фонетики лезгинских языков велась по нескольким направлениям. Непременный компонент любого сравнительно-исторического исследования — выявление генетически общего лексического фонда. При этом на первом этапе решающим в вопросе определения генетического родства оказывается критерий фонетического сходства. В собственно фонетических исследованиях его применение нельзя признать достаточным, поэтому в этой области компаративистики его удельный вес сравнительно невелик. Однако в работах по лексикологии его роль заметно возрастает: достаточно широко, например, этот критерий используется в словаре С.М. Хайдакова (1973), в котором выделяются фонетически близкие корневые

элементы в лексемах тождественной семантики и на основании этой близости предполагается генетическая общность сравниваемых лексем. В этом же аспекте рассматривалась особо лексика табасаранского (Загиров 1978), крызского (Саадиев 1959) и рутульского (Гаджиева 1966) языков. Поскольку в такого рода исследованиях обычно привлекается к сопоставлению новый лексический материал, они являются весьма полезным источником информации о лексических связях исследуемых языков (особо в этом отношении следует подчеркнуть исключительную полноту вышеупомянутого словаря С.М. Хайдакова). Вместе с тем ограниченность задачи усиливает в них вероятность ошибочных отождествлений: например, Э. Гаджиева (1966, 159) сопоставляет с рут. *хиьв*, таб. *хаьв* и лезг. *регъуь* 'вымя' арч. *хъвал* (то же), хотя фонетически арчинская форма никоим образом не может относиться к цитированным выше лексемам (скорее всего она является заимствованием из авар. *гъвари* или лак. *къвал*).

Задача установления фонетических соответствий между отдельными лезгинскими языками решалась в специальной литературе по-разному. В одних случаях использовалась методика "парного сопоставления", например лезгинского и крызского (Саадиев 1969) или арчинского и аварского (Микаилов 1968; 1972), в других за основу бралась фонетическая система одного из языков, фонемам которого находились соответствия в сопоставляемых языках. К работам последнего типа можно отнести, например, статьи И.И. Церцвадзе (1964), где устанавливается нулевое соответствие аварско-андийскому *лъI* в удинском, А.А. Магометова (1966), где прослеживаются рефлексы агульских фарингализованных согласных в других лезгинских языках, Б.Б. Талибова (1960а), определившего соответствия хиналугским *кI, кь, з* и *цI* в лезгинских языках.

Объяснение выявленных соответствий предполагает выведение определенного рода фонетических процессов, имевших место в истории различных лезгинских языков, как следующую ступень исследования. К важнейшим результатам работ, концентрировавших внимание на решении данной задачи, можно отнести следующие: а) определение закономерностей изменения лабиализованных согласных (Джейранишвили 1966б; 1974; Талибов 1972; Гюльмагомедов 1974 и др.); б) установление процессов оглушения звонких согласных в ряде языков (Талибов 1977); в) выявление случаев редукции согласных (Талибов 1976) и др.

Специфическим способом объяснения звукосоответствий является реконструкция соответствующей праязыковой фонетической системы. Существует несколько вариантов реконструкции фонемного инвентаря пралезгинского языка. По мнению Б.Б. Талибова (1980), в пралезгинском имелись следующие согласные: *р, л, м, н* (сонорные); *б, п, пI, д, т, тI, г, к, кI* (смычные); *дз, ц, цI, ц̄I, дж, ч, чI, ч̄I, къг, хъ, кь, к̄ь, лъI, л̄ъI* (аффрикаты); *з, с, ж, ш, гъ, х, г, хь* (спиранты). Несколько иначе выглядит консонантная система в реконструкции Б.К. Гигинейшвили (1977, 151), рассматривавшего ее в свете исторических трансформаций общедагестанского консонантизма. Реконструкция гласных фонем пралезгинского языка была впервые предложена Е.А. Бокаревым (1965). По его мнению, она включала девять единиц: *а, аь, аI, е, и, уь, о, у, уI*. Нельзя не

отметить работы по восстановлению общедагестанской фонетики (Бокарев 1961; 1981; Лексика 1971), в значительной степени предопределяющие суждения о пралезгинском фонемном инвентаре.

В данной монографии принята реконструкция фонетики пралезгинского языка, предложенная С.А. Старостиным (1975а; 1975б). Основные звукосоответствия между лезгинскими языками с соответствующими пралезгинскими архетипами см. в табл. 1.

Поскольку принятая в данной монографии реконструкция во многом отличается от вышеупомянутых, следует сделать несколько замечаний об имеющихся различиях. Прежде всего, существующие реконструкции не включали постувулярные согласные. В одной из них находим попытку реконструкции прадаг. *гь (Лексика 1971, 58). Б.К. Гигинейшвили (1977, 116, 124) обсуждает возможности восстановления общедагестанских *гI* и *гь*, однако считает их существование в прадагестанском маловероятным. По мнению Б.Б. Талибова, постувулярные *гI, х·* и *гь* "являются продуктом позднего развития и восходят к разным источникам; они могут быть рефлексами в одних случаях увулярных, в других случаях — заднеязычных спирантов" (1980, 327). Не рассматривался в предшествующих исследованиях и вопрос о реконструкции **й*.

Во-вторых, в данной работе иначе интерпретируется соотношение звонких, глухих и абруптивов. Наблюдаемые в лезгинских языках соответствия "звонкий~преруптив" среди смычных и аффрикат и "звонкий~глухой" (по некоторым языкам сюда добавляется и сильный глухой) среди спирантов, интерпретируемые Б.Б. Талибовым (1977) как результат оглушения звонких, по нашему мнению, указывают на первичность преруптивов. Такой вывод можно сделать, с одной стороны, приняв во внимание наличие корреляции "сильный~слабый" среди абруптивных аффрикат, и, с другой стороны, учитывая специфические соответствия в местоименной и звукоподражательной лексике, отличные от соответствий геминированных: ср., например, **йаǩв* 'бок, сторона' (>лезг. *йагв, йаǩуни*), но **бугьбугь* 'овод, слепень' (>лезг. *бугьубугь*). Не может быть принята и реконструкция прадагестанских звонких, предложенная Б.К. Гигинейшвили (1977, 74 и след.), поскольку она не учитывает возможности соответствия *в~б* также и в конце слова (ср. **сыва* 'гора', *čыв 'рот', **кьIвив* 'бутень'). Естественнее также предполагать, что в пралезгинском имелись латеральные, а не заднеязычные спиранты (Талибов 1980, 320—324), поскольку в последнем случае и латеральный, и заднеязычный ряды оказываются дефектными (в первом только аффрикаты, во втором — спиранты и смычные).

Что же касается реконструкции вокализма, то предложенная Е.А. Бокаревым (1965) система пралезгинских гласных имела предварительный характер и, естественно, в ней не могло найти отражение все многообразие звуковых изменений, имевших место в истории лезгинских языков.

Из работ по сравнительно-исторической морфологии лезгинских языков прежде всего следует назвать статью Е.А. Бокарева (1960а), посвященную реконструкции пралезгинской падежной системы, в которой были восстановлены дательный падеж (*-*с*/-*з*), родительный

Таблица 1

Фонемный инвентарь языка (по С.А. Старостину)

ПЛ	Л	Т	А	Р	Ц	Ар	К	Б	У
*п	п	п	п	п	п	п	п	п	п
*п̄	*п̄/б	б/в	б/в	б	б	б	б	б	б/п̄
*пI	пI,-б	пI/п̄/п	пI,-б-/-в-	пI,-б	пI-, -б	пI	пI-, пI/б	?-, пI	?-, п̄
*б	б	?	?	б	б	б	б	б	б
*т	т/ц	т/ч	т	т	т	т	т/ч	т/ч	т/ц
*тв	т	т	т	т	т	тв/т	т	т	?
*т̄	т̄,-д/ц̄	д/й, в/дж	д/р	д	д	д-, -т̄-, -т	д/дж	д/дж	д(/т̄)/ц-?
*т̄в	т̄(в),-д	д/й	д/р	д	д	-т̄(в)-	д	д	?
*тI	тI/цI	тI/чI	тI	тI	тI	тI	тI/чI	тI/чI	т̄
*тIв	тI(в)	тI	тI	тI(в)	тI	тI	тI	тI	?
*д	д	д	д	?	?	д	?	д	?
*к	к	к	к	к	к	к, -к̄-	к	к	к
*кв	к(в)	к(в)	к(в)	к(в)	к(в)	к(в), -к̄-	к(в)	к	к
*к̄	к̄,-г	г,-ґ-/-г-	г	г	г, -г̆-/-ґ-	г-, -к̄-, -к	г	г	г/к̄
*к̄в	к̄(в),-г(в)	г(в)	г(в)	г(в)	г(в), -г(в)-/-г̆(в)-	г(в)-, -к̄(в)-, -к(в)	г	г	-к̄
*кI	кI	кI	кI	кI	кI	кI	кI	кI	к̄
*кIв	кI(в)	кI(в)	кI(в)	кI(в)	кI(в)	кIв	кI(в)	кI	к̄
*г	г	г/дж/к̄	г/к̄	г	г	г	г	г	к̄
*ґв	г	к̄(в)/г(в)	к̄(в)/г(в)	?	?	г(//-к̄-)	?	?	?
*ц	ц	ц	ц	ц-,-с/-ц	ц-/с-, ц	с	?-, с	-ск̄	?-, с
*цв	ц(в)/кв	ч̄в/ц	ц	ц	?	с	ц	-с-	?-, с
*ц̄	ц̄,-з	дз/з	з	з/дз	з	ц	з-/дз-, з	з	ц-, з/жъ
*ц̄в	ц̄(в)/к̄(в),-з	джв/жв	зв/з	з(в)	з	ц	з	з	з
*цI	цI	цI	цI	цI	цI	цI	цI	цI	ø, -ц̄
*цIв	цI(в)/кI(в)	чIв	цI(в)	цI	цI	цI	цI	?	?
*ц̄I	тI/цI/т̄/ц̄, -т	ц̄-/з-, ц̄	т̄	д-, -дд-/-т-, -т	д-, -т̄-, -т	цI, -ц̄I-	т	т	ц̄(ч̄/чъ)
*ц̄Iв	тI(в)/т̄(в), -т	чв-/жв-/дз-, чв/жв	т̄	д-, -дд-	д-, -т̄-, -т	цI, -ц̄I-	т	т	ц̄

*ч	ч-/ш-, ч	ч	ч(/-ш?)	ч-/ш-, ч	ч	ш	ч-/ш-, ч	ш-, ч	ч-, -ч/-чъ/-ш/-шъ
*чв	ч	чв(/ч)	ч(в)/к,	ш-	ч-	ш	ш-	ш-	ч
*ч̄	ч̄, -ж	дж/ж	дж/ж	дж	тж-, -дж-/-ж-	ч	дж	дж	ч̄(?)
*ч̄в	ц̄(в)/к̄(в)/ч̄(в),-ж(в)	джв/жв	дж(в)/ж(в)	дж(в)	дж(в)-, -дж-/-ж-	ч(в)	дж-	дж-	-жъ-
*чI	чI	чI	чI	чI	чI	чI	чI	чI	∅/ч̄/ч̅ъ̅
*чIв	цI(в)/кI(в)/чI(в)	чIв/чI	чI(в)/ҡI	чI(в)	чI	чI(в)	чI	чI	∅/ч̄
*ч̄I	*ч̄I-/ч̄-, -чI-/-т̄-	ч̄-/дж-, ч̄	ч̄	ч	ч?	-чI-	ч-	?	ч̄-, -ч-
*лI	г	к/хь/ш	ҡ/хь/ш	хь	к-, хь	лъ	хь	хь	-къ/-хъ
*лIв	ф	к(в)	кв	?	?	?	?	?	?
*л̄I	г/ж/в	г/г̂/ж	й/г/∅	г̂/в/й	г-, г̂-/-л-	лI	г/в	й	хъ-, -гъ
*л̄Iв	г	г/г̂	-в-, -гъв	г	?	лI	г̂	?	?
*лъI	кь/кI	кI/чI	кI	кь	кь/кI	кI	кь/кI	кь/кI	∅(/к̄-)
*л̅ъ̅I	кI/к̄, -к	к̄/г/ч̄/дж	к̄	г, -к	г-, -к̄-, -к	лъI	к	к	къ
*л̅ъ̅Iв	кI(в)/к̄(в)	к̄(в)	к̄(в)	?-, -г(в)-, -к(в)	г-, -к̄-, -к(в)	лъIв-	к	к	-къ
*лъIв	-кь	?	-кIв	?	?	-кIв	?	-кь	?
*хъ	хъ	хъ	хъ	хъ-, х	хъ	х	хъ	-хъ-	хъ-, -къ?
*хъв	хъв-, -гъв	хъ(в)	хъ(в)	хъв-, -хв	хъв	хв	-х	-х	-хъ
*къ	къ, -гъ	къ/гъ	гъ/гI	къ/гъ	къ/гъ	хъ	къ-, -гъ	къ-, -гъ	гъ
*къв	къ(в), -гъ(в)	къ/гъв	гъ(в)/гI(в)	гъв	-гъ-	хъв	?	?	гъ
*кь	кь	кь	кь	кь	кь	кь	кь	кь	∅
*кьв	кь(в)	кь(в)	кь(в)	кь(в)	кь(в)	кьв, -кь(в)	-кь	кь	-л̄
*к̅ь̅	кь-/къ-, -кь-/-къ-	къ	къ	къ	къ	кь-, -к̅ь̅-	?-, -хъ-	хъ	къ
*к̅ь̅в	кь(в)-/къ(в)-, -кь-/-къ	къ(в)	къ(в)	къ-, -хъв-	къ-	кь(в)	-хъв-	къ-?	къ-
*хъI	хъ-, -хъ-	хъI	хъI	хъI-, -хъI-	хъI	хI	хъ-	хъ-	гъI-
*хъIв	хъв-, -гъ(в)	хъI(в)	хъI(в)	хъIв, -хI(в)	хъI	хI(в)	-гъ?	-ъ	-хъI/-хI
*къI	къ, -гъ	къI/гъI	ҁ/гъI/гI	гъI	къI/гъI	хъI	къ-, -гъ	къ-	гъ(I)
*къIв	къ(в)-	къI-/гъI-	ҁ/гъI/гI	гъI-	къI/гъI	хъI(в)	?	?	?
*кьI	кь	кьI	кьI/ъ	кьI	кьI	кьI	кь	кь	?
*кьIв	кьв	кьI(в)	кьI(в)/ъ	кьI (в)	кьI	кьI(в)	кь(в)	кь	п̄/∅, гъI-
*к̅ъ̅I	кь/къ, -хъ	къI	къI/къ	къI, -хъI	-къI-, -хъI	-к̅ъ̅I-, -кьI	хъ	хъ	къI/гъI
*к̅ь̅Iв	-кьв-/-къв-, хъ	къI	къI(в)/къ(в)	къIв-, -хъI	-къI-, -хъI	-к̅ъ̅I,-кьI	-хъ	-хъ	къI/гъI

Таблица 1 (окончание)

ПЛ	Л	Т	А	Р	Ц	Ар	К	Б	У
*с	с	с	с	с	с′	с	с	с	∅
*св	с	шв	с(в)	с	с	?	с	с	-шъ-
*c̄	с/з	с/c̄/з	с/c̄	с	с, -c̄-	c̄, -с	с	с, -з	ш-, -с-, -с/-ц
*c̄в	с(в)/з(в)/ж(в)	шв/жв	с/c̄	с(в)-, с	с-	c̄, -с	с	с-	ш-/шъ-
*з	з	з	з	з	з	з	з	з	з
*ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	∅
*шв	ш-	шв	-ш-	ш(в)	ш	ш(в)-, -ш	ш	ш	-шъ-
*ж	ж	ж	?	дж	дж	ж	дж	?	З
*жв	зв	?	?	дж	дж	жв	?	?	жъ
*лъ	хь	хь/ш	хь	хь	хь	лъ	хь/ш	хь/ш	х
*л̄ъ	г/й/ж	хь/х̄ь/ш/ш̃	хь/х̄ь/ш̃	хь	хь, -х̄ь-	л̄ъ, -лъ	хь	хь	х
*лъв	ф/хьв-	ф/хь	ф	хьв/ф	хь(в)	лъ(в)	ф(-хь)	ф/хь	?
*л̄ъв	ф/в/ж	ф/ф	ф/ф	хьв/ф	хь-, -х̄ьв-	л̄ъ(в), -лъв	ф/хь(в)	ф/хь	хъ-
*х	х	х	х	х	х	х	х	х	∅
*хв	х(в)	х(в)	х(в)	х	х(в)	х(в)	х	х	х-
*х̄	х/гъ	х/х̄/гъ	х/х̄/гъ	х	х, -х̄-	х̄в˙, -х(в)	х	-х-	х/хъ
*х̄в	хв/гъ(в)	х(в)/х̄(в)/гъ(в)	х(в)/х̄(в)/гъ(в)	х	хв-	х̄в, -х(в)	хв-	х-, -гъ	х
*гъ	гъ	гъ	гъ	гъ	гъ	гъ/гь	гъ	гъ	гъ
*гъв	?	гъ(в)	?	гъ(в)	?	гъ/гь	гъ	гъ	-∅
*хI	х	хI	х̌/хI/х˙	хI	хI	хI	х/х˙	х/х˙	∅
*хIв	-х(в)	-хI	ҳ/хI/х˙	-хI(в)	-хI	-хI	-х	-х	?
*х̄I	х/гъ	хI/х̄I/ гъI	ҳ/хI/гI	хI	хI, -х̄I-	х̄I, -хI	х˙	х˙/гI	х(I)
*х̄Iв	хв/гъв	х̄I/гъI	х/хIв/гI	хI(в)	хI-, -х̄I-	х̄I(в), -хIв	х˙	(х˙)/гI	х(I)
*гъI	гъ	гъI	гъI ˆ	гъI	?	гъI	?	?	?
*'	'-/й-, -'/-∅	'(/й-)	'-/й-, -'/-ъ	', -∅	', -∅	'-, ∅	'/й-, -гI	'-/й-, -'-, -гI	'-, ∅
*'в	в-/'-, -'-	'	'	'	'	гь	гI	гI	п
*'I	й-/'-, -кь/-'	'-	'-/й-	'	'	й	'	'	'-
*'Iв	в-, -гь-	'-	'-/й-	'	'-, -гь-	й-/в-	х'-, -гь-	в-	'-

*гь	гь	гь	гь-, -гь/-х˙	гь(/й-)	гь, -й(/й-)	гь, -й	гь-, гI(/'-)	гь-, гI	гь-
*гьI	й-/гь-/'-	'	'-/гI-, -гI/-ъ/-'	-'	гь-/'-, -гьI	'-/гь-, -й	гI-	гь-/'-?	'-, -∅
*ъ	'-	'I/'	гI/ъ/'	й-, -∅I	-∅	'I/'-, -й	гI-/й-, -гI	?	'-, -∅
*ъв	в-/'-	?	гI/ъ/'	'I	'I	-гьI-	?	?	?
*х˙	гь/'	гьI/гь	х˙/гь	'-/й-,-∅	й-/'-	'I-, -∅I	гI-/й-, -гI	й-, -х˙	'I
*м	м	м	м	м	м	м/б	м	м	м
*м̃	-п̄-/-б	б/в	б/в	б	м	м	б	б	м
*в	в	в	в	в	в	б	в	в	б-, -в
*ў	в/∅	в/й	в/∅/й	в/й/∅	в/й/∅	в/∅	в/й	в/й	в/∅
*н	н	н	н	н	н	н/д	н	н	н
*н̄	-т̄-/-д̄-, -д	д/й/дж	д/р	д	н	н	д/дж	д/дж	н
*р	р	р	р	р	р/й/в/∅	д-, р	р	р	∅/й/р
*й	й/∅	й, -й/-∅	й-/∅-, -й-, -й/-∅	й, -й/-∅	й,-∅	∅	й-, -∅	й-, -∅	∅, -й-?
*л	л	л	л	л	л/д/в	л	л	л	л(-∅-)
*л̄	л	л	л	л	л/д/в	-т̄-, -т	л	л	л
*и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
*иI	и	е/и	и	и	ьI/е	и	е/и	и	?
*е	е	е/и	е/и	и	е	е/а/и	е	е	и
*еI	и	е	и	и	?	?	е	?	?
*аь	е	и	е/и	аь	е/а	а/е	аь/а/е	а/е	е/а
*аьI	е/и	аI/и	е/и/аI	аь	е	аI	е	е	е/а
* ьь	и	и	и	ьь	ьь/и	о	и	и	у
* ЬЬ	и/е	(и)	?	?	?	оI	и	е	?
*у	у	у	у	у	у	у	у/ьь	у	у
*о	у/ы	у	у	ы	ь	о	ь	у/ьь	о/у
*оI	у/и	уI/у	уI/у	ыI/и	ыI	оI/о	(и)	ЬЬ	у
*а	а	а	а	а	а	а/о	аь/а/е	а/е	а
*аI	а/е	а/аI/е	аь/аI/е	аь/а	аI/а	аI/а	е/а, аь	е/а	(а)

падеж (*-*н*), эргативный падеж, представлявший собой косвенную основу, именительный падеж, равный прямой основе, местные падежи со значениями 'позади чего-л.' (*-*хъ*//-*х*), 'под чем-л.' (*-*лъI*), 'на поверхности чего-л.' (*-*л*), 'внутри чего-л.' (*-*а*//-*аь*), 'около чего-л.'. В последующих работах некоторые выводы Е.А. Бокарева были уточнены: в частности, было установлено, что пралезгинский местный падеж со значением 'внутри' имел показатель *-'(Ханмагомедов 1958в, 20; Топуриа 1967, 207).

Специально рассматривались вопросы происхождения отдельных падежей: Б.Г.-К. Ханмагомедов (1958а; 1958г), основываясь на материале лезгинского, табасаранского и агульского языков, высказал предположение о том, что исходным показателем эргатива (resp. косвенной основы) являлся гласный -*и*-; В.Н. Панчвидзе (1940а) проследил формирование в удинском языке аккузатива на базе одного из локативных падежей.

Различные показатели мн. числа имен, наблюдаемые в современных лезгинских языках, как полагает Г.В. Топуриа (1973, 261—262), восходят к общелезгинским классным показателям *-*б*- и *-*д*-. Исконным формантом мн. числа, по его мнению, является лишь сохранившийся в удинском языке показатель -*х*. С другой стороны, были обнаружены некоторые факты, позволяющие предполагать для общелезгинского состояния противопоставление ограниченного и неограниченного мн. числа (Ибрагимов 1974а).

Пралезгинская система личных местоимений характеризовалась оппозицией инклюзивной и эксклюзивной форм мн. числа (см., например, Магометов 1963), хотя эта точка зрения и оспаривается Г.В. Топуриа (1969), считающим эту оппозицию результатом морфологизации фонетических процессов. В специально проведенном исследовании данного вопроса на материале дагестанских языков в целом (Гулыга 1979) высказывается предположение о наличии в общедагестанском (и пралезгинском) также двух форм местоимений мн. числа 2-го лица: нейтрального (**ви-х'ваьн*) и ограниченного (**джваь-н*). Там же реконструируется парадигма личных местоимений. Вопросительные местоимения лезгинских языков составляют предмет исследования Е.Ф. Джейранишвили (1955), установившего сложное строение их основы в некоторых языках: в частности, им выделяется элемент *гьа*-//*гьи*-, выражающий указание или категоричность.

Достаточно отчетливо выраженная тенденция к утрате категории класса некоторыми лезгинскими языками стимулировала написание ряда специальных статей, посвященных выявлению реликтов этой категории в языках, ее утративших. При этом особое внимание было обращено на выделение в составе именных основ окаменелых классных показателей (см.: Шаумян 1936; Джейранишвили 1956; Гаджиев 1958; Магометов 1962; Мейланова 1962; 1964а; Алипулатов 1974). Как отмечалось в специальной литературе (Талибов 1969, 83), об окаменелых классных показателях в составе имен можно говорить лишь допуская их отглагольное происхождение.

Глагольная морфология лезгинских языков до настоящего времени не была предметом специального исследования с исторической

точки зрения, хотя и нельзя не отметить нескольких статей, посвященных выявлению в некоторых языках окаменелых формантов некогда продуктивных категорий (Талибов 1958; 1960б; 1969; Джейранишвили 1956), а также целую серию статей В.С. Хидирова (1974; 1976), в которых проводится историко-типологический анализ некоторых глагольных категорий лезгинских языков. В сравнительно-историческом аспекте рассматривалось образование запретительного наклонения в лезгинских языках (Топуриа 1972). Г.В. Топуриа (1979) принадлежит статья об истории вспомогательного глагола *быть* в лезгинском языке.

История синтаксических явлений лезгинских языков (и дагестанских в целом) пока является белым пятном в дагестанской компаративистике. Что же касается исторического изучения общелезгинской лексики, то прежде всего следует отметить значительный фактический материал, накопленный в результате как сугубо лексических, так и фонетических исследований и касающийся общелезгинского лексического фонда. Помимо упоминавшихся работ здесь можно назвать коллективный труд дагестанских языковедов (Лексика 1971), опирающийся и на достаточно широкий материал лезгинских языков. Нельзя не отметить ряд работ, посвященных отдельным лексическим схождениям как внутри лезгинской группы, так и за ее пределами (Шаумян 1935; Джейранишвили 1958; Климов 1970; 1971а; Топуриа 1976; Виноградова, Климов 1979; и др.). Определенный свет на историю лексики (впрочем, и морфологии) лезгинских языков проливают исследования по топонимике: Абдуллаев 1976а; Гайдаров 1963; Джейранишвили 1962; Ибрагимов 1972б; Ибрагимов 1976а; Хайдаков 1969.

"Одну из наиболее сложных задач сравнительно-генетического исследования составляет определение степени взаимной близости отдельных представителей родственных языковых групп и установление соответствующей историко-генетической классификации" (Климов 1971б, 81). Естественно, данная проблема занимала уже первых исследователей кавказских языков, хотя, как отмечалось выше, ранние классификации во многом строились на географических принципах. Несмотря на то что многие кавказоведы в той или иной степени затрагивали данный вопрос (в частности, предлагали свой вариант генетической классификации), специально он не рассматривался: можно назвать лишь работы, посвященные генетическому статусу хиналугского (Талибов 1960а) и арчинского (Кахадзе 1973), а также основывающуюся на фонетических признаках классификацию Б.К. Гигинейшвили (1977, 151—160). Неразработанность данного вопроса порождает иногда полярные точки зрения: например, с распространенным среди специалистов мнением об удаленности удинского языка от других лезгинских резко расходится следующее высказывание Е.Ф. Джейранишвили (1966а, 7): "При этом, возможно даже выделить в отдельную микрогруппу цахский, мухадский и удийский языки, как самые близкие из группы лезгинских языков".

Остановимся на данном вопросе более подробно. Видимо, небезынтересными оказываются данные лексикостатистики, основывающиеся

на сопоставлении 100 следующих лексем[1] (родственные лексемы разделяются тире, неродственные — точкой с запятой, специально отмечаются заимствования, отделенные друг от друга запятой):

Я: Л *зун* — Т *узу* — А *зун* — Р *зы* — Ар *зон* — К *зын* — Б *зын* — Х *зы* — Ав *дун;* Лк *на;*

ТЫ: Л *вун* — Т *уву* — А *вун* — Р *вы* — Ц *ву* — Ар *ун* — К *вын* — Б *вын* — У *ун* — Х *вы* — Ав *мун;* Лк *ина;*

МЫ: Л *чун* — Т *учу* — А *чин* — Ц *ши* — К *жин* — Ав *ниж* — Лк *жу;* Р *йе* — Б *йин* — У *йан* — Х *йир;* Ар *нен;*

ЭТОТ: Л *и* — Ар *йат* — Ав *гьеб;* Т *му* — А *ме* — Р *ми* — Ц *ман* — У *ме;* К *ли;* Б *ад;* Х *ду;* Лк *ва;*

ТОТ: Л *ам* — К *аьм;* Т *думу* — А *те* — Р *тин* — Ар *тот* — У *т̃е* — Ав *доб* — Лк *та;* Ц *шен;* Б *уд;* Х *гьу;*

КТО: Л *вуж* — Т *фуж* — А *фиш* — Р *выш* — Ц *гьишу* — У *шу* — Ав *щив;* Ар *кви* — Х *кла;* К *ти* — Б *ту;* Лк *цу;*

ЧТО: Л *вуч* — Р *шив* — Ц *гьиджо* — К *ши* — Б *ши;* Т *фу* — А *фи;* Ар *гьан* — У *ек̃а;* Х *йа;* Ав *щиб;* Лк *ци;*

НЕ(Т): Л *туш* — Т *дар* — А *да* — Р *диш* — Ц *деш* — Ар *-тIу* — К *дар* — Б *дәр* — У *те;* Х *-и-;* Ав *гьечIо;* Лк *бакъар;*

ВСЕ: Л *вири* — Т *вари* — А *вари* — К *вари;* Р *сийенаь;* Ц *гыргын;* Ар *марчи;* Ав *тIолго:* Лк *щалла;* Б *питин,* У *битов,* Х *битин* (заимств.);

МНОГО: Ц *гед* — У *геле* (?); Ар *нӓкъукъан;* Б *лаьх'ки;* Х *ихер;* Ав *гIемер;* Лк *чIявусса;* Л *гзаф,* Т *гизаф,* А *ппара,* Р *бала,* К *пара* (заимств.);

ОДИН: Л *са* — Т *са* — А *сад* — Р *са* — Ц *са* — Ар *ос* — К *саьд* — Б *сад* — У *са* — Х *са* — Ав *цо* — Лк *ца;*

ДВА: Л *кьвед* — Т *кьIу* — А *гIад* — Р *кьIвад* — Ц *кьIор* — Ар *кьIве* — К *кьвад* — Б *кьвад* — У *п̃аI* — Х *кIу* — Ав *кIиго* — Лк *кIива;*

БОЛЬШОЙ: Л *чIехи* — Х *чхи* (<Л); Т *ахIу* — А *х'аф* — Ц *хIерна* — Лк *хъунмасса;* Б *богIлу* — К *бу;* Р *кьухьды;* Ар *доIз;* У *кала;* Ав *кIудияб;*

ДЛИННЫЙ: Л *йаргьи* — Т *йархи* — А *ирхеф* — К *гIахтаь* — Б *гIапху* — Х *вихаь* — У *бохо(й)* — Ав *халатаб;* Р *хIулахIды* — Ц *хылина* — Ар *лӓха* — Лк *лахъисса;*

МАЛЕНЬКИЙ: Л *гьвечIи;* Т *бицIи* — А *бицIиф;* Р *кIы'ды* — Ц *кIыл.ин* — Б *кIибе* — Лк *чIивисса;* Ар *тIи* — Ав *гьитIинаб;* К *силаьд;* У *к̃ици;* Х *миси;*

ЖЕНЩИНА: Л *п̃аб;* Т *хпишив* — К *хыныб* — Х *хинимкIир;* А *хьир* — Лк *щарсса;* Р *хьыдылды* — Ц *хьунаше* — Ар *лъ̄онно л;* Б *гьедж;* У *чубух;* Ав *чIужу;*

МУЖЧИНА: Л *ит̃им,* Ц *адми,* Лк *адимина* (заимств.); Т *жилир* — Р *выг̂ ылды* — Х *лыгылд;* А *шуй* — Ар *бошор* — К *фири* — Б *фури* — У *ишу* — Лк *чув;* Ав *бихьинчи;*

ЧЕЛОВЕК: Л *кас,* Т *кас,* А *идеми,* Р *аьдаьми,* Ц *инсан,* Ар *адам,* К *адми,* Б *едми,* У *адамар,* Х *х'аьдми,* Ав *гIадан,* Лк *инсан* (заимств.);

РЫБА: Л *гъед;* А *чIекI;* Ар *хIабхIи;* У *чаьли;* Ав *чугIа* — Лк *чавахъ;* Т *балугъ,* Р *балугъ,* Ц *балугъ,* К *балыгъ,* Б *балыгъ,* Х *балыгъ* (заимств.);

[1] Аналогичные подсчеты производились Е.А. Бокаревым (1961, 17—18) и Б.К Гигинейшвили (1977, 25), но, к сожалению, материалы, на которых основывались эти подсчеты, остались неопубликованными.

ПТИЦА: Л *нъкI* — Ар *ноцI* — Ав *хIинчI;* Т *жакьв* — А *джакьв;* Р *шурук;* Ц *шитI;* К *чIуьлуьрт* — Б *чIилитI;* У *човал;* Х *цIимир;* Лк *лелухxи;*

СОБАКА: Л *кицI;* Т *хуй* — А *гьуй* — Ц *хва* — К *хвар* — Б *хор* — У *хIа* — Х *пхра* — Ав *гьой;* Ар *гвачи* — Лк *ккаччи;* Р *тыла* (заимств.);

ВОШЬ: Л *нет* — Т *ниц̄* — А *нет̄* — Ар *нацI* — У *нец̄* — Х *нимцI* — Ав *нацI* — Лк *нацI;* Р *лихь* — Ц *вихь* — К *лиш* — Б *лиш;*

ДЕРЕВО: Л *т̄ар* — К *дар* — Б *дәр;* Т *гьар;* А *кIур;* Р *хук;* Ц *йыв;* Ар *хъватIи* (< Ав?), Ав *гьветI;* У *ход;* Х *вишаь;* Лк *мурхь;*

СЕМЯ: Ар *л̄ьвин* - Ав *гьон* — Лк *гьанна;* У *цил* (заимств.), Л *тум,* Т *тум,* А *тум,* Р *тухум,* Ц *тухум,* К *тум,* Б *тум,* Х *тум* (заимств.);

ЛИСТ: Л *п̄еш* — А *п̄адж* — К *беш;* Т *кIаж* — Ар *кIачIи;* Р *кьурукь;* Ц *тIеле;* У *хазал;* Ав *тIамах* — Лк *чIапIи;* Б *йарпагъ,* Х *йарпагъ* (заимств.);

КОРЕНЬ: Л *дувул;* Т *ч̄ив* — Ав *кьибил;* А *маргI;* Р *гьваб;* Ц *уьзаьк;* Ар *мархIу* (< Лк), Лк *мархха;* К *кук,* Б *кук,* У *тум,* Х *кок* (заимств.:);

КОРА: Л *ч̄кал* — Р *джугал;* Т *г̂ал* — У *хьIол;* А *къарк;* Ар *пахъут;* Ав *хъал;* Лк *ккири;* Ц *кьабых,* К *къабых,* Б *къабугъ,* Х *къобугъ* (заимств.);

КОЖА: Л *хам* — Т *хам* — А *хам;* Р *кьыдыкь;* Ц *къеква;* Ар *хъал;* К *легI;* Б *гIич;* У *т̄ол;* Х *тIаьси;* Ав *тIом;* Лк *бурчу;*

МЯСО: Л *йак* — Т *йик̄* — А *йак̄* — Р *йак* — Ар *альI* — К *йек* — Б *йәк* — У *екъ* — Х *л(ы)к̄а* - Лк *дикI;* Цх *чуру;* Ав *гьан;*

КРОВЬ: Л *иви* — Т *ифи;* А *игI* — Лк *оьтту;* Р *ебир* — Ц *еб* — Ар *би* — У *п̄и* — Х *пIи* — Ав *би;* К *ираьдж* — Б *ирд;*

КОСТЬ: Л *кIараб* — Т *кIураб* — Р *кьырыб* — К *кIаьраьпI* — Б *кIерепI;* А *ирк̄* — У *укъIейн* — Х *инкI* — Ав *ракьа* — Лк *ттаркI;* Ц *баркIв;* Ар *лек̄и;*

ЖИР: Л *пи* — У *пи;* Т *хIул;* А *мав* — Р *ма'* — Ц *ма'* — Ар *май* — К *маь'* — Б *ма'* — Х *ми* — Лк *май;* Ав *нах;*

ЯЙЦО: Л *к̄ак̄а* — Лк *ккунук* — Ар *генук* (<Лк); А *гьурагьал* — Р *гьылыгъ* — У *хъохъла;* К *кусунтI* — Б *кусхьуд;* Т *мурта* (заимств.); Ц *кьукь;* Х *кIаз;* Ав *хоно;*

ГОЛОВА: *Л кьил* — Т *кIул* — А *кIил* — Р *кьул* — Ц *вукIул̨* — К *кьыл* — Б *кьыл* — У *бул* — Х *микIир* — Ав *бетIер* — Лк *бакI;* Ар *картIи;*

РОГ: Л *карч* — Т *кIарч* — А *кIарч* — Р *кач* — Ц *гач* — К *каьч* — Б *кәрч;* Ар *бат;* У *мухъIа;* Х *ваьч;* Ав *л̄ъар;* Лк *хьи;*

ХВОСТ: Л *т̄ум;* Т *рижв* — А *рудж* — Р *джыбыр* — Ар *оIч* — К *джи* — Б *джибир* — У *ожиIл* — Ав *рачI;* Ц *биIт;* Х *кьаж;* Лк *магъ;*

ПЕРО: Л *цIакул* — Т *зикв;* А *мурцI;* Р *махъIак;* Ц *вусун;* Ар *цал* — У *ц̓аил;* Ав *мильир;* Лк *тIиму;* К *кок;* Б *писи;* Х *лаьлаьг* (заимств.);

ВОЛОС: Л *чIар* — Т *чIар* — А *чIар* — Р *чIар* — Ц *чIаIр* — Ар *ч̄Iаlри* — К *чIер* — Б *чIер* — Х *чIар* — Лк *чIара;* У *поп;* Ав *рас;*

УХО: Л *йаб* — Т *иб* — А *ибур* — Р *убур* — Ар *ой* — К *ибыр* — Б *ибир* — У *имух* — Ав *гIин;* Ц *кIыры;* Х *тIоп;* Лк *вичIи;*

ГЛАЗ: Л *вил* — Т *ул* — А *ул* — Р *ул* — Ц *ул̨* — Ар *лур* — К *гIуьл* — Б *гIуьл* — У *пул* — Х *пил* — Ав *бер* — Лк *йа;*

НОС: Л *нер;* Т *хъIухъI* — А *хъIахъIв;* Р хьехь; Ц *хъов;* Ар *муч;* К *ми'ел* — Б *ме'ел* — Ав *мегIер* — Лк *май;* У *мохIмохI;* Х *кIытыр;*

РОТ: Л *сив* — Т *ушв* — А *сив* — Ар *г̆об* — К *сив* — Б *сив;* Р *г̂ал* — Ц *г̂ал;* У *жIомох;* Х *агъзы* (заимств.); Ав *кIал;* Лк *кьацI;*

ЗУБ: Т *слиб* — А *силеб* — Р *сылаб* — Ц *сили* — Ар *сот* — К *сил* — Б *сил* — У *улух* — Х *цулоз* — Ав *ца;* Л *сас;* Лк *ккарччи;*

ЯЗЫК: Л *мез* — Т *мелз* — А *мез* — Р *миз* — Ц *миз* — Ар *мац* — К *мез* — Б *мез* — У *муз* — Х *мицI* — Ав *мацI* — Лк *маз;*

НОГОТЬ: Л *кек* — А *кирк;* Т *шиб* — Р *хьеб* — Ц *хьубана* — У *мухъ* — Ав *маль* — Лк *михь;* Ар *лъIонтIол;* К *мичIек;* Х *чими;* Б *дырнагь* (заимств.);

НОГА: Л *кIвач;* Т *лик* — А *лаьк;* Р *гьил* — Ц *кьел* — К *кьил* — Б *кьил;* Ар *ахъ;* У *тур;* Х *анӣк* — Лк *ч̆ан;* Ав *хIетIе;*

КОЛЕНО: Л *мет;* Т *кьамкь* — А *кьакь* — Р *кьвакь;* Ц *кьараца;* Ар *поIмп* — К *пип* — Б *пеп;* У *k̆аIk̆аIп;* Х *ник* — Ав *наку* — Лк *ник;*

РУКА: Л *гьил* — Т *хил* — А *гьил* — Р *хыд* — Ц *хыл* — Ар *хол;* К *хаьб* — Б *хаб;* У *кул* — Х *кул* — Ав *квер* — Лк *ка;*

ЖИВОТ: Л *руфун* — Т *фун* — А *фун* — Р *ухьун* — Ц *вухьун* — К *фаьн;* Ар *лаги;* Б *тəпəн;* У *букъун;* Х *шахь* — Ав *чехь;* Лк *лякьа;*

ШЕЯ: Ар *оIч-лек̆и;* У *озан;* Ав *габур;* Лк *ссурссу;* Л, Т, А, Р, Ц, Х *гардан,* К *гаьрдан,* Б *гəрдəн* (заимств.);

ГРУДЬ: Л *хур* — Т *м...р* — А *мухур* — Р *мыхыр* — К *махар* — Б *махар* — Х *махар* (<К); А... *хатум;* У *ахъI;* Ав *керен;* Лк *хьазам;* Ц *кокси* (заимств.);

СЕРДЦЕ: Л *рикI* — Т *йукI* — А *йуркI* — Р *йикI* — Ц *йикI* — Ар *икIв* — К *йикI* — Б *йикI* — У *ук̆* — Х *унг* — Ав *ракI* — Лк *дакI;*

ПЕЧЕНЬ: Л *лекь* — Т *ликI* — А *лекI* — Р *лакь* — Ц *кIыл, кIам* — Ар *диликI* — К *(лаьх'аь) лаьх'каьм* — Б *(лагIа) лекь* — Ав *тIул* — Лк *ттиликI;* У *зизам;* Х *(мичIаь) бийар* (заимств.);

ПИТЬ: Л *хьун;* Т *ухуб* — А *ухас;* Р *рагъIас* — Ц *идогъас* — К *къыридж* — Б *согъуру* — У *угъIсун* — Ав *гьекъезе;* Ар *цIабус;* Х *цуви;* Лк *хIачIан;*

ЕСТЬ: Л *тIуьн* — Т *ипIуб* — А *гIуьтIас* — Р *илес* — К *гIуьлидж* — Б *соьулу;* Ар *куммус* — У *укес* — Ав *кваназе* — Лк *букан;* Ц *охьанас;* Х *кьыни;*

КУСАТЬ: Л *кIасун* — К *кIысаьдж* — Б *кIусу* — У *k̆ашIпсун;* Т *гьанцI апIуб* — А *кьацIик̆ас* — Лк *кьацIа тIун;* Р *сыс ва'ас;* Ц *ацIакIванас;* Ар *ек̆ьас;* Х *кIакIакви;* Ав *хIанчIизе;*

ВИДЕТЬ: Л *ак̆ун* — А *агвас* — Р *гьагвас* — Ар *ак̆ус* — У *ак̆сун;* Т *ракъIуб* — К *ирхъаьдж* — Б *ирхьи* — Х *загьи;* Ц *кьаджес;* Ав *бихьизе;* Лк *чIалан;*

СЛЫШАТЬ: Л *ван хьун* — А *ун хьас;* Т *йерхьуб* — Ц *кьавхьес* — К *ихьаьдж* — Б *ихьи;* Р *ун аьчIвас;* Ар *кос* — Х *ки;* У *ибаксун;* Ав *рагIизе;* Лк *баян;*

ЗНАТЬ: Л *чир хьун;* Т *агъIу-* — А *ах'а-;* Р *гьацIас* — Ц *ацIас* — К *аьцIаьридж* — Б *гьацIар;* Ар *сини;* У *аба баксун;* Х *мухьви* — Ав *лъазе;* Лк *кIул хьун;*

СПАТЬ: Л *ксун;* Т *ахуб* — Р *сахас* — Ар *аху кес* — К *аьхридж* — Б *архар* — У *неп+ ахесун;* А *гъархьас* — Ц *кьалихьас;* Х *аьйуви;* Ав *кьижизе;* Лк *шанан;*

УМЕРЕТЬ: Л *кьин* — Т *йикIуб* — А *кIес* — Р *йикьес* Ц *хьикIас* — Ар *кIис* — К *кьаьйидж* — Б *саркьар* — У *биес* — Х *кIи* — Лк *ивчIан;* Ав *хвезе;*

УБИТЬ: Л *кьин* — Т *ийкІуб* - А *кІес* — Р *йикьес* — Ц *гикІас* — К *кьайидж* — У *бесбусун* Лк *ивчІан;* Ар *ачас;* Б *оротІу;* Ав *чІвазе;* Х *йиби;*

ПЛАВАТЬ: Ар *л̄ьан ас* — Р *хьед гьа'ас* — Ав *лъедезе;* Л *сирнав авун;* Т *уьзмиш хьуб,* А *салав акьас,* Ц *йуьзмуьш хьес,* К *узьмиш хьийидж,* Б *уьзми йихьəр,* Х *уьзмуьшкьи* (заимств.);

ЛЕТАТЬ: Л *лув гун;* Т *тІирхуб* — Ц *алихас;* — Лк *лехлан;* А *гьишас;* Р *лейшас;* К *кьаркьунидж;* У *пур песун;* Ав *боржине;* Х *учмушкьи* (заимств.);

ИДТИ: Л *фин* — К *ихьидж;* Т *гьІуб* — А *гьІвас* — Ц *окьІас* —Ар *гьерхьас;* Р *ру'ус* — Ав *ине* — Лк *нан;* Б *чагьар;* У *тайес;* Х *кагьи;*

ПРИХОДИТЬ: Л *атун;* Т *гьІуб;* А *адис* — Ц *хьалес* — Ар *алІис;* Р *й-ыкьас* — У *е(й)сун;* К *гІухьидж;* Б *гІашхар;* Х *кагьи;* Ав *вачІине;* Лк *бучІан;*

ЛЕЖАТЬ: Л *кьаткун* — Р *лукас;* Т *дахьуб* — А *ахъу хьас* — Ар *ахас;* К *сукьлйдж* — Б *гІалкьал;* Ц *кьалихьас;* У *баскес;* Х *ант̄ыркьи;* Ав *вегизе;* Лк *утту ихьлан;*

СИДЕТЬ: Л *ацукьун* — А *'икьвас* — Р *сукьас* — Ар *окьис* — К *аьскьунидж* — Б *алкьол* — Лк *щя бикІан;* Т *дусуб* — У *арцесун;* Ц *ӷу'арас;* Х *ӷуви;* Ав *гІодочІезе;*

СТОЯТЬ: Л *акьвазук* — А *гьузанас* — Р *лузвас* — Ц *ул,озарас* — Ар *оцис* —Лк *бацІан;* Т *дийигьуб;* К *кьватІлидж* — Б *кьалтІал;* У *чурпесун;* Х *т̆охуни;* Ав *чІезе;*

ДАВАТЬ: Л *гун* — Т *тувуб* — А *ис* — Р *выс* — Ц *гьилес* — Ар *лІос* — К *вуйидж* — Х *лaькІви* — Ав *кьезе* — Лк *буллан;* Б *йуцІу;* У *тадес;*

СКАЗАТЬ: Л *лугьун* — Т *пуб* — А *пас* — Ц *игьес* — Ар *бос* — К *лыпыдж* — Б *йу'у* — У *песун* — Х *ли* — Ав *абизе;* Лк *учин;* Р *гьухьус;*

СОЛНЦЕ: Л *рагь* — Т *ригь* — А *рагь* — Р *вирыгь* — Ц *вирыгь* — Ар *бархъ*— *К вирагь* — Б *вирагь* —У *бегьІ* — Х *ынкь* — Ав *бакъ* — Лк *баргь;*

ЛУНА: Л *варз* — Т *ваз* — А *ваз* — Р *ваз* — Ц *ваз* — Ар *бац* — К *ваьз* — Б *вəз* — Х *вацІ* — Ав *моцІ* — Лк *барз;* У *хаш;*

ЗВЕЗДА: Л *гьед* — Т *хІад* — А *гІад* — Р *хІадий* — Ц *хІане* — Ар *хІолошхьІан* — К *х'аьчІ* — Б *х'ачІ;* У *мучули;* Х *пхьунцІ;* Ав *цІва;* Лк *цІуку;*

ВОДА: Л *йад* — Т *шид* — А *хьед* — Р *хьед* — Ц *хь,ан* — Ар *л̄ьан* — К *хьаьд* — Б *хьəд* — У *хе* — Х *хьу* — Ав *лъим* — Лк *щин;*

ДОЖДЬ: Л *кьвал* — А *угьал* — Р *гьугьал* — Ц *йогьви* — У *агьала* — Х *кьула* (?); Т *мархь* — Б *мəф;* Ар *x̄Іел;* К *чІебидж;* Ав *цІад;* Лк *гьарал;*

КАМЕНЬ: Л *кьван* — Т *гьваӊ* — А *гьван;* Р *духул;* Ар *чІеле;* К *худ,* У *жеІ;* Х *кІачІын;* Ав *гамачІ;* Лк *чару;* Ц *кьайе,* Б *кьайе* (заимств.);

ПЕСОК: Р *сецІ;* У *ша;* Ав *сали;* Л, А, К, Ц, Х *кьум,* Ар, Б *хьум,* Т *гьум,* Лк *кьун* (заимств.);

ЗЕМЛЯ: Л *ӷил* — Т *жил* — А *джил* — У *очал;* Р *накьв* — Ар *накьв* — Б *нокь;* Ц *чІийе;* К *кьум;* Х *ант̄;* Ав *ракь;* Лк *аьрщи;*

ОБЛАКО: Л *ӷиф* — Т *диф* — А *диф* — Ар *дильв* — К *джиф* — Б *джуф* Лк *ттурлу;* Р *гьыбыл;* У *гьасо;* Х *ункІ* — Ав *накІ;* Ц *булут* (заимств.);

ДЫМ: Л *гум* — Т *кум* — А *кум* — Р *хьум* — Ц *кума* — К *фирми* — Б *хьим* — Х *хьими* (<К, Б); Ар *гьукь;* У *к̄уин* — Ав *кІуй;* Лк *пуркІу;*

ОГОНЬ: Л *цІай* — Т *цІа* — А *цІа* — Р *цІай* — Ц *цІа* — Ар *оцІ* — К *цІаь* - Б *цІə* — У *арух* — Х *чІаь* — Ав *цІа* — Лк *цІу;*

ЗОЛА: Л *руьхь* — Т *рукьI* — А *рукьI* — Р *рыхьI* — Ц *йыхьI* — Ар *дикьI* — К *раьхь* — Б *рехь* — У *икь;* Х *заькI;* Ав *рахъ*, Лк *лах;*

ГОРЕТЬ: Л *к̆ун* — Т *убгуб* — А *угас* — Ар *ок̆ас* — К *угадж* — Б *сугу* — У *бок̆сун;* Р *урхьас* — Ц *гох̆ьанас;* Х *йуви;* Ав *рекIине;* Лк *ччучлан;*

ДОРОГА: Л *рехь* — Т *ракьI* — А *рекь* — Р *рахьI* — Ц *йахьI* — Ар *декьI* — У *йакь;* К *рих* — Б *рих* — Ав *нух* — Лк *ххуллу;* Х *кIвар;*

ГОРА: А *су* — Ц *сыва* — У *бурух;* Р *бан;* Ар *мул* — Ав *мегIер;* Х *м(ы)да;* Лк *зунтту;* Л, Т, К, Б *дагъ* (заимств.);

КРАСНЫЙ: Л *йару* — Т *уьру* — А *цреф* — Р *црды* — К *цри* — Ав *багIараб;* Ц *чIеран;* Ар *йаIт̆Iан* (<Лк) — Лк *ят̆Iюлсса;* У *ч̆оч̆а;* Х *ц̆(ы)ма;* Б *ал* (заимств.);

ЗЕЛЕНЫЙ: Л *кьац̆у;* Т *чру* — А *чире* — Ав *гIурчинаб;* Р *шилды* — Ц *чиIван* — Лк *щюллисса;* Ар *оIловт̆ут;* К *чIукну;* Б *созыгула;* Х *сыб;* У *йаьшил* (заимств.);

ЖЕЛТЫЙ: Л *кьип̆и* — Р *кьIыбды* — Ц *кьIыбына;* Т *гьатху* — А *хьIухьIеф* — Ар *хахат̆ут* — Лк *хьахьисса;* К *цIаьри;* Б *чIору;* У *неIш̆ум;* Х *кIушкIула;* Ав *тIогьилаб;*

БЕЛЫЙ: Л *лац̆у* — Т *лизи* — К *лаьзи* — Б *лэзу;* А *джагварф* — Р *джагварды* — Ц *джагваран;* Ар *чIуIбаIт̆ут;* У *маци;* Х *хьырыцI;* Ав *хъахIаб;* Лк *кIяласса;*

ЧЕРНЫЙ: Л *чIулав* — Ав *чIегIераб;* Т *кIару* — А *кIаре* — Ц *кIарна;* Р *лыхIды* — Ар *бех̆Iет̆ут* — К *лаьх'аь* — Б *лагIа* — Лк *лухIисса;* У *маIйин* — Х *мичIаь;*

НОЧЬ: Л *йиф* — Т *йиш* — А *гIуьш* — Р *выш* — Ар *иш* — К *йиф* — Б *йудженджидж* — У *уьше;* Ц *хIам;* Х *сан;* Ав *сордо;* Лк *хьхьу;*

ГОРЯЧИЙ: Л *к̆удай;* Т *ирцру;* А *куьчеф;* Р *бикIерды;* Ц *пыран;* Ар *льIеIрт̆ут* (<Лк) — К *г̆ыр* — У *бегьарих* — Лк *кIурисса;* Б *фейи* — Х *фара;* Ав *бухIараб;*

ХОЛОДНЫЙ: Л *мекьи* — Р *мыкьды* — Ц *мыкIана* — У *ми* ('холод'); Т *ахьIу* — Ар *хIет̆ут* — Б *гIатха* — Х *хьи* (?) — Лк *дяркьусса;* А *ругьуф* — К *свагьа;* Ав *цIорораб;*

ПОЛНЫЙ: Л *ацIай* — Т *ацIу* — А *ацIуф* — Р *ацIыд* — Ц *гацIын* — Ар *ăцIат̆ут* — К *гIацIаьд* — Б *сэцIэ* — У *буй* — Х *цIи* — Ав *цIураб* — Лк *бувцIусса;*

НОВЫЙ: Л *цIийи* — Т *цIийи* — А *цIайиф* — Р *цIинды* — Ц *цIедын* — Ар *мацIат̆ут* — К *цIийаь* — Ав *цIияб* — Лк *цIусса;* Б *тэзэ*, У *ини*, Х *таза* (заимств.);

ХОРОШИЙ: Л *хьсан* — Х *ксан* (<Л); Т *ужу* — А *иджеф;* Р *йихды* — Лк *ххуйсса;* Ц *йугна;* Ар *гьибат̆ут;* К *гьалаьд;* Б *гIари;* У *шел;* Ав *лъикIаб;*

КРУГЛЫЙ: Л *елкьвей* — Р *ругьуд*, Т *гергми* — А *гиргаьнф* — Ц *гылгылен* — Ар *гук̆и* — К *гургум* — Б *гунгуртIи* — У *к̆анк̆орой* — Х *гонгвазлы* — Ав *гургинаб* — Лк *ккурккисса;*

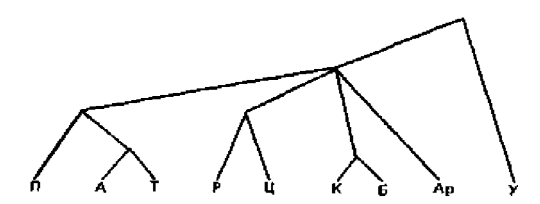
СУХОЙ: Л *кьурай* — Т *кьуру* — А *рукьуф* — Р *кьуруд* — Ц *кьурна* — Ар *кьуре* — Б *кьуру* — У *кьари* — Х *кьи* — Ав *бакьвараб* — Лк *кьавкьсса;* К *саь'аь;*

ИМЯ: Л *тIвар* — Т *ч̆вур* — А *т̆ур* — Р *дур* — Ц *до* — Ар *цIор* — К *тыр* — Б *тур* — У *ц̆и* — Х *цIу* — Ав *цIар* — Лк *цIа*.

Таблица 2

	Т	А	Р	Ц	Ар	К	Б	У	Х	Ав	Лк
Л	50	53	46	38	38	47	40	33	22	27	25
Т	—	69	43	41	40	47	45	38	28	32	30
А		—	47	45	44	47	42	40	28	31	35
Р			—	50	38	41	42	36	24	28	29
Ц				—	34	38	36	33	24	26	28
Ар					—	36	37	34	24	31	31
К						—	63	32	25	28	28
Б							—	32	28	27	27
У								—	28	32	24
Х									—	27	24
Ав										—	30

Процент лексических совпадений, полученный при попарном сопоставлении (табл. 2), позволяет сделать следующие выводы: наиболее близкими друг к другу, как это и принято считать в специальной литературе, оказываются табасаранский и агульский языки и крызский и будухский. Более отдаленно родство лезгинского языка с агульским и табасаранским, а также рутульского с цахурским. Все перечисленные языки образуют более широкую группу с возможным включением в нее арчинского языка, дающего чуть меньший процент совпадений по сравнению с цахурским. Вне этой группы стоит удинский язык, но по отношению к хиналугскому, аварскому и лакскому языкам его принадлежность к лезгинским языкам очевидна. Особняком стоит хиналугский язык, имеющий сопоставимый процент совпадений как с лезгинскими, так и с аварским и лакским языками. Таким образом, по данным лексикостатистики, классификация лезгинских языков приведена на схеме:

Остановимся коротко на взаимоотношениях хиналугского и лезгинских языков. Помимо лексических имеется ряд фактов, относящихся к другим уровням языковой структуры, которые препятствуют включению его в ряд лезгинских. В области фонетики обращает на себя внимание отсутствие в хиналугском языке перехода общедагестанских придыхательных аффрикат в спиранты и дезабруптивации сильных абруптивных аффрикат, ср. общелезг. **сыл*- (таб. *слиб*, агул. *силеб*, рут. *сылабыр*, цах. *сили*, арч. *сот*, крыз. *сил*, буд. *сил*, уд. *ул-ух*)~ хин. *цулоз*~ав. *цо* 'зуб'; общелезг. **мух* (лезг. *мух*, таб. *мух*, арч.

маха, крыз. *мых,* буд. *мух)*~хин. *махъа*~дарг. *мухъи* 'ячмень'; общелезг. **мелц̄* (лезг. *мез,* таб. *мелз* и т.п.)~хинал. *мицI*~ав.*маӥI* 'язык'; общелезг. **маIч̄* (агул. *маIж,* арч. *мач,* крыз. *медж,* буд. *маьдж,* рут. *мадж,* уд. *меч̄)*~хин. *мычI*~ав. *мич̄I* 'крапива'; общелезг. **виракъ/вирыкъ* (лезг. *рагъ,* таб. *ригъ,* агул. *рагъ* и т.п.)~хин. *ынкъ* 'солнце' и т.п. Не разделяет с лезгинскими языками хиналугский язык и многих морфологических изоглосс, большинство из которых может быть признано общелезгинскими инновациями (окончательное решение вопроса "архаизм или инновация" требует более широких дагестановедческих исследований). В частности, ни один из общелезгинских падежных формантов не имеет прямых соответствий в хиналугском языке: при общелезгинском показателе датива *-*с̄* в хиналугском имеем -*у* (генетическая связь с *-*с̄* хиналугского локатива на -*ш* мало вероятна), отсутствуют в хиналугском и рефлексы общелезгинского генитива на *-*н* (гипотеза об утрате конечного *-*н* в хиналугском в высшей степени проблематична) и т.п. Значительные расхождения между хиналугским и лезгинскими языками обнаруживаются и в глагольной морфологии: нельзя, пожалуй, назвать сколько-нибудь надежно постулируемого сопоставления в этой области.

Имеющиеся совпадения, как правило, носят общедагестанский, а не общелезгинский характер. Например, общелезгинский показатель локализации *-*л̄ъв*- находит параллели не только в хиналугском -*ш*, но и в других дагестанских языках (ср. лак. -*хь*).

Нельзя не заметить и определенной общности хиналугского языка с лезгинскими, которая, на наш взгляд, обусловливается контактами его с лезгинским, крызским и будухским языками. Так, из лезгинского языка хиналугский заимствовал лексемы *ксан* 'хороший' (<лезг. *хъсан*), *чхи* 'большой' (<лезг. *чIехи*), *кIаьви* 'крепкий' (<лезг. *кIеви*), возможно, *бацIыз* 'козленок' (<лезг. *бацIи*), *даьдаь* 'мать' (<лезг. *диде*), из шахдагских — *бый* 'отец' (<крыз. *баьй*), *кач* 'сука' (<крыз. *каьч,* буд. *кач*), *махар* 'грудь' (<крыз., буд. *махар*), *мыс* 'когда' (<буд. *мыс.*). Мы привели здесь лишь некоторые примеры, однако специальное исследование, думается, может значительно расширить список подобных заимствований.

Нельзя сомневаться, что подобного рода общности должны обнаруживаться и в морфологии. В связи с этим обращает на себя внимание такое явление, как разграничение органической и неорганической принадлежности в будухском и хиналугском.

В силу этого представляется возможным присоединиться к высказанной Ю.Д. Дешериевым (1959, 207) гипотезе, согласно которой "хиналугский язык, принадлежащий к особой группе дагестанских языков, с древних времен испытывал сильное влияние генетически родственных ему языков лезгинской группы. В результате такого влияния в хиналугский язык вошло много слов из языков лезгинской группы. При этом хиналугские фонетические варианты исконных слов могли быть заменены фонетическими вариантами этих слов, встречающимися в языках лезгинской группы".

Осуществляя первое в дагестановедении исследование такого рода, автор не мог, естественно, не опираться на опыт создания аналогичных работ по другим языковым группам — индоевропейской, тюркской, финно-угорской и особенно кавказской. Здесь имеются в виду прежде всего сравнительно-историческая грамматика нахских языков Ю.Д. Дешериева (1963) и этимологические словари картвельских (Климов 1964) и адыгских (Шагйров 1977) языков. Помимо имеющейся по лезгинским языкам литературы, в работе был использован материал, собранный автором в полевых условиях во время лингвистических экспедиций кафедры структурной лингвистики МГУ и Института истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Даг. филиала АН СССР.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное в пралезгинском языке имело следующие словоизменительные категории: падежа, локализации, числа. Проблематичным является классное словоизменение имен в пралезгинскую эпоху. Типичные структуры пралезгинского именного корня:

CVC, ср. **йал̄ъI* 'мясо'>Л*йак*, Т *йик̄*, А *йак̄*, Р *йак*, Ар *алъI*, К . *йек*, Б *йәк*, У *екъ*;**ликъIв*'орел'> Л*лекь*,Т *лукьI*, А*ликьI*, Р*лыкъI*, Ар*ликьI*идр.;

CVRC, ср. **мелц̄* 'язык'>Л *мез*, Т *мелдз*, А *мез*, Р *миз*, Ц *миз*, Ар *мац*, К *мез*, Б *мез*, У *муз*; **мерл̄ъ̄Iв* 'лед'>Л *мурк*, Т *мирк̄*, А *мерк̄ь*, Р *мык*, Ц *мык*, Ар *мульI-алъI* 'ледяная, очень холодная вода', К *мык*, Б *мук* и др.;

CVCVC, ср. **мохор* 'грудь>Л *хур*, Т *мухур*, А *мухур*, Р *мыхыр*, Ц *муху*, Ар *мохор*, К *махар*, Б *махар*; **вольIул* 'голова'>Л *кьил*, Т *кIул*, А *кIил*, Р *гьукьул*, Ц *вукIул*, Ар *лъIил-лилъI* 'под головой', К *кьыл*, У *бул*, Б *кьыл* и др.;

CVRCVC, ср. **мурк̄ул* 'веник'>Л *к̄ул*, Т *мургул*, А *мугул*, Р *мугул*, Ц *мугул* 'бок', Ар *мук̄ул*, К *магул*, Б *могул*, У *мугул*; **парк̄ъ̄ул* 'лопух'>Л *п̄аркьул*, Р *пакьъIул*, Ар *пак̄ъ̄ут* 'кора'; К *бaьрхъул* 'подорожник' и др.;

CVCV, ср. **сыва* 'гора'>Л *сув*, Т *сив*, А *су*, Р *сыв*, Ц *сыва*, Ар *соб*, У *бу-рух*; **рал̄ъIа* 'дверь'>Л *рак*, Т *рак̄-ин*, А *рак̄*, Р *рак*, Ц *ак̄а*, Ар *далъI*, К *раьк* и др.

Хотя перечисленные модели и составляют подавляющее большинство, к ним, естественно, не сводится все разнообразие пралезгинских корневых структур имени. В связи с этим вряд ли можно считать оправданным стремление ограничить количество праязыковых корневых моделей одной-двумя: одним согласным или сочетанием согласных (Лексика 1971, 36), структурами CVR или RVC (Ибрагимов 1981, 36) и т.п. В данном случае, на наш взгляд, следует учесть, что "корень как историческая категория постоянно изменяется и подвергается структурным преобразованиям. Это обстоятельство по существу делает невозможным постулирование только одной модели структурного оформления корневой морфемы для праязыкового состояния" (Кумахов 1981, 259).

К наиболее ощутимым видоизменениям структуры пралезгинского корня в современных лезгинских языках можно отнести:

упрощение корневых сочетаний с сонорными (ср. **мелц̄* 'язык', **мерл̄ъ̄Iв* 'лед', **мурк̄ул* 'веник, **парк̄ъ̄ул* 'лопух' и др.) (о выпадении корневых согласных в других позициях см. Талибов 1976);

утрату начальных *мV-, *вV- в ряде языков (регулярно в лезгинском) в словах структуры CV(R)CVC;

утрату конечного гласного в словах структуры CVCV во всех языках, за исключением цахурского; в литературе (Ибрагимов 1968, 97) высказывается мнение об обратном направлении развития;

метатезу *CVй>VC в арчинском языке, ср. *цIай 'огонь'>Ар оцI, Л цIай, Т цIа, А цIа, Р цIай, Ц цIа, К цIаь, Б цIә, у а-рух и др.

Достаточно распространены в лезгинских языках также случаи опрощения.

Категория падежа

В современных лезгинских языках в большей или меньшей степени проводятся следующие принципы склонения: во-первых, противопоставлены прямая и косвенная основы имени, во-вторых, падежные единицы объединяются как с формальной, так и с функциональной точки зрения в группы абстрактных (основных) и местных падежей. Естественно предположить, что подобными же свойствами обладала и пралезгинская система склонения, хотя в процессе развития отдельных языков могло произойти изменение качественных характеристик некоторых аффиксов (например, переход аффикса косвенной основы в разряд падежных показателей).

Образование косвенной основы

Особенно важными для склонения лезгинских языков являются понятия прямой и косвенной основ. Первая совпадает с абсолютивом (номинативом), вторая вычленяется во всех остальных падежных формах. В практике описания конкретных систем склонения в дагестанских языках зачастую не проводится достаточно четкого разграничения между понятиями косвенной основы и падежной формы, совпадающей с ней. Так, распространенное в дагестановедении утверждение о многоформантности эргатива в действительности является переформулировкой тезиса о многоформантности косвенной основы, от которой в свою очередь образуется эргатив с помощью нулевого аффикса.

Обычно косвенная основа образуется от прямой присоединением соответствующих аффиксов, иногда сопровождаемым чередованием гласных. Аффиксы косвенной основы условно можно подразделить на две группы: вокалические, т.е. состоящие из одного гласного, и консонантные, имеющие в своем составе согласный. Реконструкция вокалических показателей косвенной основы была осуществлена С.А. Старостиным (1981, 75—76). По его мнению, можно говорить о четырех типах косвенной основы в пралезгинском языке, реконструируемых на материале восточно-лезгинской и цахурско-рутульской подгрупп (в остальных языках произошли изменения, не позволяющие ныне судить об исконной системе):

Тип. 1. ПЛ*-е-: Л -и/-у, Т -и/-а, А -и/-у, Р -и/-ы, Ц -е/-а. Ср., например, ПЛ*х̄ыл 'рука' —косв. осн. *х̄ыл-е-: лезг. гъил, гъили, таб. хил,

хили, агул. *хил, хили*, рут. *хыл, хыли*, цах. *хыл, хыле*; ПЛ*'*ІвельІ* 'трава' — косв. осн. *'*ІвельІ-е-*: лезг. *векь, векьи*, таб. *укІ, укІа*, агул. *укІ, укІи*, рут. *укь, укьу*, цах. *окІ, окІа*.

Тип 2. ПЛ*-*ы-*: Л *-и/-у*, Т *-и/-у*, А *-и/-у/-а*, Р *-и/-ы/-у*, Ц *-и/-ы*. Ср. например, ПЛ**раьк̄ъІ* 'дорога' — косв. осн. **рик̄ъІ-ы-*: лезг. *рехъ, рекьи*, таб. *ракъІ, ракъІу*, агул. *ракъІ, ракъІу*, рут. *рахъІ, рыкъІы*, цах. *йахъІ, йакъІы*; ПЛ**х̄урт̄* 'кулак' — косв. осн. **х̄урт̄-ы-*: лезг. *гъуд, гъут̄у*, таб. *гъурд, гъурду*, рут. *худ, худа*, цах. *худ, худы*.

Тип 3. ПЛ*-*а-*: Л *-е-/-а*, Т *-а*, А *-а*, Р *-аь/-а; -ы/-и*, Ц *-е/-а*. Ср., например, ПЛ**ваГ̄ъІв* 'свинья' — косв. осн. **ваГ̄ъІв-а-*: лезг. *вак, вакІа*, рут. *вак, вака* 'старый хрыч', цах. *вок, вок̄а*; ПЛ**кьвил* 'скала' — косв. осн. **кьвил-а-*: лезг. *кьвал, кьвала*, рут. *кьул, кьула*, цах. *кьул, кьуле*.

Тип 4. ПЛ*-*аь-*: Л *-е/-а*, Т *-и/-у*, А *-и/-а*, Р *-аь/-а*, Ц *-аь(-е)/-а*. Ср., например, ПЛ**къІора* 'заяц' — косв. осн. **къІораь*: лезг. *къуьр, къуьре*, агул. *г̧уьр, г̧уьра*, рут. *гъІыр, гъІыра*, цах. *гъІыйе*; к данному типу относятся все существительные с прямой основой на *-*а*.

Чередование гласных, или аблаут, представлено двумя типами: *-*а*/*-*о* и *-*аь*/*-*и*. Оба типа в большей или меньшей степени сохранились почти во всех лезгинских языках.

В число пралезгинских консонантных показателей косвенной основы можно включить аффиксы *-*ра-*, *-*н̄е-*, *-*ни-*, *-*ли-*, *-*т̄и-*.

Показатель косвенной основы *-*ра-* дает в современных лезгинских языках следующие рефлексы: лезг. *-ра/-ре*[1] (в зависимости от ряда гласного основы), таб. *-ру* (в эргативе) /*-ра-* (в остальных падежах), агул. *-ура*, рут. *-ыр/-ир* (в зависимости от гласного основы), арч. *-ири*, крыз. *-ыр/-ир/-уьр* (в зависимости от гласного основы).

Наиболее последовательно проводится принцип семантической обусловленности данного показателя в лезгинском языке, где его принимают односложные названия животных, птиц и насекомых (см. Жирков 1941, 48—50), ср. *лам-ра* 'осел', *шутІ-ра* 'клоп', *ких-ре* 'сойка'. Небезынтересным в связи с этим оказывается наличие этого же аффикса у таких имен, как *лукІ-ра* 'раб', *п̄аж-ра* 'незаконнорожденный' и *ч̄ам-ра* 'жених'. В других языках представлены разнонаправленные тенденции в развитии сферы использования данного показателя. В арчинском и крызском ярко выражена тенденция к его утрате. Здесь зафиксировано лишь несколько имен, принимающих данный аффикс, ср. арч. *бeІкІ-ири* 'баран', *нец̄І-ири* 'вошь', *нетІ-ири* 'гнида'; крыз. *луьх-уьр* 'теленок', *кыс-ыр* 'курица', *лиш-ир* 'вошь', *лыф-ыр* 'голубь', *тІытІ-ыр* 'муха'.

Впрочем, если принять гипотезу о сложном характере аффикса косвенной основы *-ырды/-урды* в крызском языке, где *-ыр/-ур* восходит к *-*ра*, а *-ды* — к *-*т̄и-*, то число крызских примеров можно увеличить, ср. *сар-ырды* 'медведь', *къур-урды* 'заяц', *кьал-ырды*

[1] Б.Б. Талибов (1962, 133) полагает *-ра/-ре*<*-*да*/*-*де*, что нельзя принять, поскольку, по его же мнению, в лезгинском языке в ударном слоге имеет место процесс *д ~ т̄, ср. *гад* 'лето' — мн. число *гат̄áр* (1980, 64—65).

'мышь', *сел-ырды* 'улар'. Появление двойного аффикса можно объяснить сонорным исходом прямой основы.

Заметим, что наличие сложного показателя косвенной основы *-ырды*/*-урды* реконструируется в протошахдагском: в будухском ему отвечает аффикс *-илд*/*-улд*, ср. *кьоч-улд-* 'баран', *хилгь-илд-* 'лошадь', *тlей-илд-* 'жеребенок', *лем-илд-* 'осел', *курчl-улд-* 'щенок', *кыс-ылд-* 'курица' и т.д. Переход *р>л в будухском был обусловлен, по-видимому, аналогией с процессом вытеснения аффикса *-р- показателем *-л-*.

В дальнейшем произошли следующие изменения: в будухском сфера употребления аффикса *-Vлд-* распространилась на большинство названий животных, птиц и насекомых, независимо от исхода прямой основы; в крызском же этот показатель стал характеризовать имена с сонорным исходом прямой основы, независимо от их семантики, ср. *тlир-ырды* 'сучок', *кыл-ырды* 'рука (от плеча)', *кьын-ырды* 'клятва' и др.[2].

Иначе обстоит дело в табасаранском, агульском и рутульском языках, где, с одной стороны, рефлексы *-ра- употребляются при именах различной семантики, с другой — в некоторых случаях при ожидаемых рефлексах *-ра- имеем иные показатели. Поскольку пока трудно обнаружить те структурные тенденции, которые привели к подобной ситуации, на наш взгляд, целесообразно привести по возможности полные списки лексем, не имеющих мотивированного употребления суф. *-(V) р (V)-*.

В рутульском языке (по данным хнюкского говора): *ваз* 'луна', *гыхl* 'крючок', *гьlал* 'сани', *дал* 'жердь', *джвал* 'сноп', *еч* 'яблоко', *йал* 'саженец', *йеш* 'урожай', *йиг* 'каша', *йиз* 'снег', *йыӡ̌* 'снопы на гумне', *кул* 'куст', *кыб* 'кизяк', *кьел* 'соль', *кьутl* 'снежный ком', *кьlытl* 'ступенька', *лыз* 'глина для обмазки стен', *лыс* 'щавель', *мык* 'лед', *нецlв* 'река', *сыл* 'могильный камень', *тlул* 'свясло', *уб* 'кольцо', *фут* 'ежевика', *хел* 'снопы, приготовленные для обмолота', *хик* 'грецкий орех', *хыд* 'сосна', *хвал* 'известняк', *цlыхь* 'слоистый камень', *чlукьl* 'грязь на одежде', *чlул* 'тополь'. В других диалектах, хотя и наблюдаются некоторые вариации, список лексем с косвенной основой на *-Vр-* примерно тот же. Ср. лучекские косвенные основы: *ваз-ыл-*/*ваз-ыр-* 'луна', *кьlытl-ай-* 'ступенька', *лыс-ай-* 'щавель', *сыл-ай-* 'могильный камень', *тlул-ай-*/*тlул-ур-* 'свясло'. Как видим, вариативность косвенной основы вызвана здесь продуктивностью показателя *-ай-* в лучекском говоре.

Достаточно широко употребляется показатель *-ру*/*-ра-* при неодушевленных именах в табасаранском языке, ср. *бугь-ру* 'пар', *гаж-ру* 'ость', *гацl-ру* 'перхоть', *гуг-ру* 'узел в ковре' *гъаб-ру* 'посуда', *гьlум-ру* 'туман', *дем-ру* 'пир', *диг-ру* 'металлический котел', *диф-ру* 'туча', *загь-ру* 'квасцы', *зикв-ру* 'пух', *икl-ру* 'воровство', *иц-ру* 'сильное негодование', *каф-ру* 'пена', *кинцl-ру* 'ядро ореха', *кум-ру* 'дым', *кунцl-ру* 'букет', *куц-ру* 'вид', *куш-ру* 'коса (жен.)', *кьай-ру*

---

[1] Употребление аффикса *-ырды* в таких словах, как *мык* 'лед', *рух* 'палас', *ноькь* 'земля' (Саадиев 1961, 241) требует дополнительного изучения.

'холодный ветер', *кьа'-ру* 'репа', *кьутI-ру* 'морковь', *кIаз-ру* 'шелк-сырец', *кIегь-ру* 'глазурь', *кIеш-ру* 'волдырь', *кIитI-ру* 'катушка', *личIв-ру* 'обтесанный камень', *лакьI-ру* 'вид травы', *махь-ру* 'сказка', *мих-ру* 'гвоздь', *маз-ру* 'крем для обуви', *мум-ру* 'воск', *ни'-ру* 'запах', *пич-ру* 'печь', *пут-ру* 'пуд', *сам-ру* 'ось арбы', *сиф-ру* 'сито', *сим-ру* 'струна', *симс-ру* 'крупный песок', *туп-ру* 'пушка', 'мяч', *тум-ру* 'зерно, семя', *хам-ру* 'кожа, шкура', *хамс-ру* 'ежевика, малина', *хац-ру* 'прыщ', *хIав-ру* 'вымя', 'воротник', *хIад-ру* 'звезда', *ӵив-ру* 'корень', *чIикь-ру* 'свясло', *чIукI-ру* 'ломоть', *чIвегь-ру* 'сыворотка', *шим-ру* 'сланцевый песок', *шиб-ру* 'ноготь', *йук-ру* 'груз'. Ср. также ханаг. *арс* 'серебро', *лук* 'куст', *микI* 'ветер', *чIе'* 'камыш' (см. Услар 1979).

В агульском языке (см. Дирр 1907) к неодушевленным именам, присоединяющим суф. *-ура*, относятся *арс* 'серебро', *биш* 'vulva', *бутI* 'penis', *диф* 'туман', *жукь* 'зад', *джуз* 'тетрадь', *х·ад* 'звезда', *хирхь* 'слюна', *ирк̄* 'кость', *иркIв* 'сердце', *ирф* 'плечевая кость', *кьут̄* 'камешек', *луз* 'глина для обмазки стен', *мант* 'пробка', *муркI* 'удар ногой', *мурс* 'ржавчина', *муртI* 'угол', *сурс* 'пищевод', *тIургI* 'икра ноги', *цуц* 'зад'.

Подобное положение, очевидно, явилось следствием взаимодействия множества частных фонетических и семантических аналогий, приведших к разрушению исходной картины. Вследствие этого, уже при сопоставлении диалектов одного и того же языка восстановление исходной картины оказывается затруднительным. Так, например, А.А. Магометов (1965, 109—110) отмечает, что "вместо суффикса *-ру* хивского говора в дюбекском встречаются суффиксы *-йи*, *-у* (могут встретиться и иные суффиксы)" и приводит соотношения *хьиф-ру~хьиф-йи* 'орех', *хиб-ру~хав-у* 'охапка', *чIуд-ру~чIуьй-уь* 'блоха', *ӵив-ру~джув-ди* 'корень', *тIай-ру~дей-ли* 'жеребенок'. Вряд ли вопрос об исконности употребления того или иного показателя в приведенных лексемах может найти однозначное решение.

Впрочем, в ряде случаев можно попытаться сформулировать, каковы были эти процессы. Некоторые определяются лишь как тенденции (ср. в агульском тенденцию к оформлению показателем *-ура-*, с одной стороны, названий непарных частей тела и, с другой стороны, имен с исходом *-рС*). В других диалектах фонетические условия употребления данного аффикса прослеживаются более четко. Например, в керенском диалекте, судя по материалам Н.Д. Сулейманова (1979, 97—98), показатель *-ура* употребляется исключительно при именах с гласным *-у-* или конечным лабиальным (лабиализованным) согласным основы, ср. *кIукI-ура* 'феска', *туп̄-ура* 'мяч', *тIуб-ура* 'палец', *хут-ура* 'слива', *дукI-ура* 'просо', *дуч-ура* 'вязанка', *луз-ура* 'раствор', *мархьI(в)-ура* 'корень', *паркьI(в)-ура* 'лопух', *хIав-ура* 'орех', *куч-ура* 'коса (жен.)', *кьутI-ура* 'морковь', *ун-ура* 'шум, голос', *кьут̄-ура* 'камешек', *руд-ура* 'кишка', *кьур-ура* 'зерно', *рукь-ура* 'железо', *кьуркь-ура* 'горло'. Не выполняется данное условие лишь для лексем *чIид-ура* 'блоха', и *нетI-ура* 'гнида', относящихся к се-

мантической группе одушевленных имен, а также для слова *пич-ура* 'печь', являющегося необъяснимым пока исключением.

Во всяком случае предположение о былой соотнесенности показателя **-ра* с более широким кругом имен оказывается более проблематичным, поскольку четких соответствий лексем с данным показателем вне группы названий животных, птиц и насекомых установить не удается[3]. Лишь некоторые такие параллели можно обнаружить при сопоставлении табасаранского и агульского языков, ср. *диф* 'облако', *арс* 'серебро', что, впрочем, может отражать и параллельные процессы в данных языках. Как о позднейшем наплaстовании позволяет думать о данном явлении также включение в рассматриваемую группу явных заимствований, ср. таб. *бугъ, гъаб, туп, пич, маз.*

В группе одушевленных имен подобные параллели, напротив, довольно многочисленны, ср. лезг. *хъип-ре,* таб. *гъIуб-ру,* рут. *гъIыб-ыр-* 'лягушка'; лезг. *къвет-ре,* таб. *гъIуд-ру,* рут. *гъIуд-ир-* 'куропатка'; лезг. *лекь-ре,* таб. *лукьI-ру,* рут. *лыкьI-ыр-* 'орел'; лезг. *тшпI-ре,* таб. *тIий-ру,* рут. *тIыб-ыр-* 'сова'; лезг. *тIветI-ре,* рут. *дуд-ур-* 'муха' и т.п. В связи с этим утверждение об исконном оформлении косвенной основы одушевленных имен показателем **-ра-* представляется вполне обоснованным.

Показатель **-һе-* представлен в современных лезгинских языках следующими рефлексами: лезг. *-ади/-еди,* таб. *-ди,* агул. *-ди,* рут. *-ди-,* цах. *-не-.* Во многих языках его рефлексы совпали с рефлексами показателя **-т̄и-,* однако ряд соображений позволяет разграничить эти суффиксы. Во-первых, лезгинский язык показывает довольно очевидную соотнесенность аффикса *-ади/-еди* с именами неисчисляемых объектов, ср. *верг-еди* 'крапива', *виртI-еди* 'мед', *гум-ади* 'дым', *гьекь-еди* 'пот', *гьис-еди* 'копоть', *жанг-ади* 'иней', *жив-еди* 'снег', *кьар-ади* 'грязь', *лаӣ-ади* 'белая глина', *легъ-еди* 'заросли камыша', *макь-ади* 'сало', *марф-ади* 'дождь', *мефт-еди* 'мозг', *мум-ади* 'воск', *муркI-ади* 'лед', *нагъв-ади* 'мякина', *накъв-ади* 'слеза', *накьв-ади* 'земля', *нафтI-ади* 'нефть', *некI-еди* 'молоко', *парс-ади* 'козлобородник', *пас-ади* 'ржавчина', *пих-еди* 'волдырь', *пIагъ-ади* 'поцелуй', *рук̄в-ади* 'пыль', *руьхъв-еди* 'зола', *так̄в-ади* 'сурепка', *тIекь-еди* 'помет', *хьахь-ади* 'плесень', *ц̄вар-ади* 'моча', *ц̄иф-еди* 'туча', *цIап-ади* 'навоз', *цIекIв-еди* 'мякина', *цIугъ-ади* 'визг', *чеӣ-еди* 'глина', *чиг-еди* 'роса', *чухъ-ади* 'моча', *чуьк-еди* 'суп', *чIих-еди* 'препирательство', *чичI-еди* 'ворс', *чIух-ади* 'гарь', *шемкь-еди* 'глазной гной', *шим-еди* 'дресва', *шир-еди* 'краска'. Во-вторых, при обычном для табасаранского, агульского и рутульского языков оформлении аффиксом *-ди* косвенной основы многосложных имен или новейших заимствований типа рут. *багъ-ди-* 'сад', *бар-ди* 'груз', *къуй-ди* 'яма', *кар-ди* 'вещь' и т.п. случаи употребления этого аффикса при исконных односложных именах заставляют для последних предполагать иной источник происхождения показателя косвенной основы.

---

[3] Едва ли не единственный пример такого рода представляет лезг *вац-ра,* арч *боц-ро,* крыз *вуз-ур,* рут. *ваз-ыр-* 'луна'

Нельзя не заметить, что подобные случаи относятся к именам, обозначающим вещества, ср. таб. *ник̄-ди,* агул. *нек̄-ди,* агул. *нек̄-ди,* рут. *нек-ыди-* 'молоко'. В-третьих, цахурский формант *-не-* также характерен для имен, обозначающих вещества: *ник-не-* 'молоко', *нукь-не-* 'земля', *нухъ-не-* 'солома'. Заметим, что соответствие цах. *-н-*~лезг. и др. *-д-* вполне регулярно, оно наличествует, например, в лексемах *вода, куропатка, мягкий, весна* и отражает, согласно принятой в настоящей работе интерпретации, исконный **-н̄-*.

Лишь в лезгинском языке данный показатель сохранил свою продуктивность. В остальных языках круг имен, принимающих его, достаточно ограничен, ср. таб. *накьв-ди* 'могила' (<*'земля'), *нахъв-ди* 'солома', *руг-ди* 'пыль', и др., агул. *некьв-ди* 'земля', рут. хнюх. *йак-ыди-* 'мясо', *ле'е-ди-* 'шкура, кожа', *нахy-ди-* 'солома', *накь-уди-* 'земля', *руг-ади-* 'пыль' (рутульские имена указывают на вид показателя косвенной основы *-Vди-*, а не *-ди-*, что является еще одним свидетельством в пользу разграничения рефлексов **-н̄е-* и **-т̄и-*).

Учитывая имевший место в некоторых диалектах табасаранского языка процесс **д > р* (см., например, Магометов 1965, 61—62), можно полагать, что некоторые литературные формы с аффиксом *-ри* восходят к исконным формам с **-ди* и проникли в литературный язык в результате междиалектных контактов, ср. *йиф-ри* при хан. *йиф-ири* 'медь', (ср. также хан. *никъ-ири* 'солома', *никь-ири* 'могила' и т.п.). Отметим, что в табасаранском, по-видимому, имеются омонимичные показатели: во-первых, аффикс *-ри*, характеризующий названия людей (ср. *авам-ри* 'невежда', *аьбаб-ри* 'немой', *игит-ри* 'храбрец' и др.), и, во-вторых, суф. *-ри* в именах *гам-ри* 'шаг', *кьамкь-ри* 'колено', *лик-ри* 'нога', *швакьI-ри* 'пятка'. В первом случае произошло переосмысление классного показателя личного класса *-р-*, ср. классные формы прилагательных *авам-ур — авам-уб, аьбаб-ур — аьбаб-уб, игит-ур — игит-уб*. При склонении субстантивированных адъективов показатель косвенной основы *-и-* присоединялся к форме личного класса (**авам-ур-и*), затем в результате редукции *-у-* произошло опрощение. Во втором случае можно усматривать историческую основу мн. числа: *лик-ри < *лик-ар-и*. На правомерность подобного решения указывают факты родственных дагестанских языков, в частности аварского, где косвенная основа имен, обозначающих парные части тела, образуется с помощью аффиксов косвенной основы мн. числа, ср.: *бер* 'глаз' — род. пад. *берзул, квер* 'рука' — род. пад. *кверзул* при *лъимал* 'дети' — род. пад. *лъималазул.*

Показатель **-ни-* восстанавливается на основе слудующего соответствия: лезг. *-уни/-ини*[4], таб. *-ни,* агул. *-ани* (?), буд. *-ин/-ун/-ын,* уд. *-н-*. В удинском языке аффикс *-н-* является практически универсальным показателем косвенной основы (отметим, что уд. *-н-* может восходить и к **н̄*), ср. *мех* 'серп' — род. пад. *мех-н-ай, к̄аша* 'палец' — эрг. пад. *каш-ин-ен* и т.п. (Джейранишвили 1971, 285). В будухском,

---

[4] Б.Б. Талибов (1962, 134) полагает **д>н* между узкими гласными, ср., однако, *т̄иниди* 'тесно' (эрг.), *йаруди* 'красный' (субст.), где предполагаемый процесс не имеет места.

по-видимому, произошло позднейшее перераспределение суф. *-Ин-*, употребление которого регламентировано ныне фонетически — сонорным исходом прямой основы (*къыл-ын-* 'голова', *гIин-ин-* 'кишка', *чIер-ин-* 'волос'). Единственный пример употребления суф. *-ани* в агульском языке (тп. говор)[5] – *кIур-ани* 'дерево' — также не дает каких-либо оснований для реконструкции семантической соотнесенности данного показателя.

В связи с вышесказанным реконструировать последнюю можно лишь основываясь на показаниях лезгинского и табасаранского языков. В первом аффикс *-уни/-ини* достаточно продуктивен и используется при довольно широком круге имен, обозначающих исчисляемые предметы, ср. *к̅ул-уни* 'венок', *къаш-уни* 'драгоценный камень', *рикI-ини* 'дверь' и т.п. Таб. *-ни* отмечается всего в нескольких лексемах, обозначающих непарные части тела: *риджв-ни* 'хвост', *ушв-ни* 'рот', *хъIухъI-ни* 'нос', *дуьд-ни* 'горло' (Ханмагомедов 1958в, 8). Судя по показаниям этих языков, можно говорить лишь о противопоставлении формантов **-ни-* и **-й̆е-* по исчисляемости~неисчисляемости.

Отметим в связи с реконструкцией форманта **-ни-* отсутствие видимой связи с данным аффиксом таб. *-ну* (*-на*), встречающегося в словах, обозначающих отвлеченные понятия, ср. *гудж-ну* 'сила', *дад-ну* 'вкус', *дих-ну* 'зов'. Более вероятным представляется происхождение этого форманта на собственно табасаранской почве. Факт новообразования в данном случае как будто подтверждается широким употреблением суф. *-ну-* (*-на-*) в заимствованиях, т.е. его продуктивностью. В качестве одного из возможных объяснений можно указать на существование в табасаранском суф. *-шин*, с помощью которого образуются имена абстрактной семантики от прилагательных, ср. *ахIу-шин* 'холод', *йаркьу-шин* 'широта' и др. В косвенных падежах этих имен имеем гласные *-у* в эргативе и *-а-* для остальных падежей: *ахIушну* (эрг.), *ахIуш-нан* (род.) и т.д. Нетрудно предположить, что конечные элементы *-ну* (*-на*) в данных формах могли восприниматься именно как показатели косвенной основы, в результате чего по аналогии эти элементы стали выполнять данные функции и в остальных именах с отвлеченным значением. Следует также заметить, что использование конечного *-ну* (*-на*), а не *-шну* (*-шна*), по-видимому, объясняется фонетическими причинами: во-первых, возможным слогоразделом (*ахIуш-ну*) и, во-вторых, невозможностью стечения трех согласных (за исключением случаев, когда первый из них является сонорным).

Показатель **-ли-* имеет следующие рефлексы: таб. *-ли*, агул. *-ала/-ела*, рут. *-ал-/-ыл-*, арч. *-ли*, крыз. *-ил*, буд. *-ил/-ыл/-ул*, уд. *-ла-*. Определение круга имен, исконно образовывавших косвенную основу при помощи данного суффикса, затруднено расширением

---

[5] Здесь мы не могли воспользоваться примерами типа *мурт̅-уни* 'угол' и *руб-ани* 'игла' (Магометов, 1970, 74) из-за неясности их диалектной соотнесенности. Случаи же типа *дарс-уни* 'урок', *кьул-уни* 'доска', *таб-уни* 'жила' являются очевидным следствием широко распространенного в свое время агульско-лезгинского двуязычия.

его функций в арчинском и шахдагских языках Так, арч. *-ли* является практически универсальным показателем косвенной основы, употребляясь без каких-либо семантических и фонетических ограничений, если не считать переход *-ли>-ни* после *н*: "Для субстантивов наиболее регулярным является образование основы при помощи прибавления к прямой основе суффикса {li}. Это могут быть слова с любым количеством слогов, с исходом на согласную и гласную, с ударной и безударной прямой основой..."(Кибрик и др. 1977, т. II, 16). Ср. *нољI-ли* 'дом', *хатум-ли* 'грудь', *ахбəзан-ни* 'абрикос', *х·елеку-ли* 'курица' и др.

В шахдагских языках суф. *-ил* и его варианты не встречаются в односложных словах лишь при основах на гласный или сонорный (≠*м, й*): крыз. *пекI-ил, буд. пəкI-ыл-* 'губа', крыз. *цIегI-ил,* буд. *цIегI-ил-* 'коза', крыз. *кук-ил,* буд. *кук-ул-* 'корень', крыз. *маь'-ил,* буд. *ма'-ыл-* 'жир', крыз. *тIам-ил,* буд. *тIəм-ыл-* 'радуга' и др. Ср. также крызские существительные с суф. *ил-*, приводимые Ш.М. Саадиевым (1961, 241—242): *чип* 'солома', *тIаьс* 'тазик', *кьеч* 'кувшин для молока', *саьс* 'звук', *джиб* 'карман', *бег* 'бок', *реб* 'шило', *йеч* 'яблоко', *маьм* 'сосок', *хед* 'дикая алыча', *беш* 'лист', *каьнтI* 'нож', *хеб* 'табачная сумка', *раьс* 'палка', *чаьрх* 'колесо', *чIикь* 'коса', *йукI* 'топор', *рагъ* 'расческа', *рыб* 'иголка', *мох* 'сказка', *марк* 'скирда', *худ* 'маленький камень', *гит* 'войлок', *бечI* 'пупок', *хиз* 'шкура', *гаьндж* 'кизяк', *кьур* 'заяц', *чIид* 'блоха', *дзыз* 'муравей'.

Использование уд. *-ла-* мы можем продемонстрировать лишь на примере лексемы *га* 'место' — род. падеж. *га-ла-ай||га-н-ей* (Панчвидзе, Джейранишвили 1967, 679).

Что же касается табасаранского, агульского и рутульского языков, то здесь, хотя рассматриваемые показатели и не столь продуктивны, они также не поддаются ни семантической, ни фонетической регламентации. Так, в рутульском (хнюх. говор) суф. *-Vл-* принимают следующие существительные: *бекI* 'жвачка', *вах* 'канава', *вет* 'борозда', *гац* 'пядь', *гъваб* 'корень зонтичного растения', *гьеш* 'тмин', *дахъI* 'затылок', *да'* 'молозиво', *джеб* 'слизь', *дзеф* 'пороша', *ег* 'подкова', *зад* 'нижняя часть носа', *заз* 'колючка', *йахв* 'ткацкий станок', *йацI* 'подсчет овец', *кəч* 'рог', *кваб* 'передняя часть ступни', *къаб* 'посуда', *къат* 'камень в стене', *къаш* 'бровь', *къецI* 'очажные щипцы', *къватI* 'замок', *кьак* 'ночная тюбетейка', *кьатI* 'пень', *кьачI* 'курдючный хрящ', *кьа'* 'редька', *кьваб* 'широкий плоский камень', *кьIаб* 'колыбель', *кьIаш* 'роса', *кIаз* 'кувшин', *кIаш* 'початок кукурузы', *кIе'* 'кончик', *кIəш* 'посох', *лат* 'водопойная колода', *магъ* 'лемех', *мадж* 'астрагал', *макь* 'колючее растение', *мас* 'стена', *маф* 'дождь', *махв* 'сказка', *махъ* 'penis', *махIв* 'дуб', *ма'* 'сало', *мез* 'лесная ягода', *мек* 'стог', *нагъв* 'слеза', *нацI* 'камыш', *падж* 'юрта', *паф* 'гриб', *раб* 'шило', *рагъI* 'гребень', *раф* 'околыш', *сес* 'звук', *сецI* 'речной песок', *се'* 'мерка (=3 кг)', *таб* 'сухожилие', *тIак* 'камышовая корзина', *хак* 'кол', *хатI* 'загон для дойки овец', *хваб* 'маленькая сумка', *хвакI* 'воронка (часть мельницы)', *хьач* 'ковыль', *хъIвахъI* 'тряпка', *хьеб* 'ноготь', *хьəч* 'черника' /?/, *хIаз* 'белка', *цIецI* 'тонкий платок', *чеч*

‘высокая женская прическа’, *чIвегь* ‘сыворотка’, *шаб* ‘не тающий летом снег’.

Не менее пестрой оказывается картина употребления суф. *-ли* в табасаранском языке, ср. употребление соответствующих литературному *-ли* ханагских *-ли*/*-ули*/*-или* (Услар 1979): *амг-или* ‘стекло’, *амс-или* ‘туман’, *архь-или* ‘конопляное семя’, *аIм-ли* ‘лай’, *бенд-или* ‘скоба’, *бух̄ъ-ули* ‘гной’, *вадз-или* ‘луна’, *вурчI-или* ‘ворота’, *ганц-или* ‘ядро ореха’, *гуьрдз-или* ‘палица’, *дахъ-или* ‘дупло’, *дарц̄-или* ‘сало’, *дарч-или* ‘обод’, *даф-или* ‘бубен’, *зик-или* ‘пух’, *дзадз-или* ‘колючка’, *йуьрт-или* ‘бурка’, *курт̄-ули* ‘рубаха’, *камк-или* ‘язва’, *кIашк̄-или* ‘пузырь’, *ма’-ли* ‘мозг’, *махъ-или* ‘сказка’, *мант-или* ‘трут’, *маркь-или* ‘палка’, *марс-или* ‘обтесанный камень’, *махъI-или* ‘дрожь’, *мархI-или* ‘сани’, *мер-ли* ‘патока’, *мив-ли* ‘мяуканье’, *мирк-или* ‘лед’, ‘град’, *мурдз-или* ‘лезвие’, *муркъI-ули* ‘капкан’, *пIенкI-или* ‘мед с мукой’, *кьав-ли* ‘виноградная лоза’, *кьамкь-ли* ‘колено’, *кьар-ли* ‘тина’, *кьIамкъ-или* ‘вилы’, *кьIамц̄-или* ‘щипцы’, *сам-ли* ‘ось’, *се’-ли* ‘мера’, *тав-ули* ‘жила’, *туп-или* ‘пушка’, *турф-или* ‘редька’, *тIирх-или* ‘морщина’, *хIав-ли* ‘вымя’, *хинкI-или* ‘галушка’, *х̄ав-ли* ‘объятие’, *цIав-ли* ‘ботва’, *чап̄-или* ‘тряпка’, *чарх-или* ‘точило’, *чарч-или* ‘простыня’, *че’-ли* ‘росток’, *ч̄ев-ли* ‘тетива’, *чIурхI-или* ‘соринка’, *чIвакI-или* ‘раковина’, *чIвир-ли* ‘спица’, *чвул-ли* ‘осень’, *шарж-или* ‘чеснок’, *шав-ли* ‘ноготь’, *ш̄аркI-ули* ‘копыто’, *швакъI-или* ‘каблук’.

Ср. также имена, принимающие суф. *-Vла* в агульском (Дирр 1907): *бaьгI* ‘чулок’, *ваз* ‘луна’, *гвад* ‘колышек’, *гвар* ‘кувшин’, *гъад* ‘молоток’, *дар* ‘дерево’, *кантI* ‘нож’, *кват* ‘мерка’, *кIев* ‘головной платок’, *мучI* ‘вечер’, *рев* ‘шило’, *ру(в)* ‘игла’, *чIекI* ‘бурдюк’.

Нередким оказывается в табасаранском и агульском языках оформление суффиксами *-ли* и *-ала*/*-ела* и косвенной основы одушевленных имен. К таким именам относятся, в частности, хан. *арф* ‘пчела’, *бай* ‘сын’, (эрг. *бали*), *дай* ‘жеребенок’, *джахъ* ‘воробей’, *кьIамч* ‘осленок’, *мар̄ч* ‘овца’, *не’* ‘курица’, *п̄ез* ‘коршун’, *кьIамш* ‘одномужница’ *кьIуч̄в* ‘жук’, *тай* ‘ровесник’, *т̄ат̄* ‘петух’, *чирк* ‘цыпленок’, *шей* ‘птица’, *ш-ли* (эрг.) ‘кто’; агул. *гIар* ‘заяця’, *кек̄* ‘петух’, *кIер* ‘вид птицы’ (Дирр 1907). По данным других диалектов можно отметить еще несколько подобных имен, ср., например, *вакI* ‘свинья’, *цIегь* ‘коза’.

Данное явление, хотя и выглядит очевидным табасаранско-агульским новообразованием, убедительной интерпретации пока не находит.

Можно было бы восстанавливать ПЛ **-ли* при тех пралезгинских лексемах, которые дают соответствие в косвенной основе таб. *-ли*, агул. *-Vла*, рут. *-Vл-*, ср.:

Таб. хан.	Рут. хнюх.	Агул.	
ш̄ав-ли/ лит. *шиб-ру*/	*хьеб-ел-*		‘ноготь’
махъ-или/ лит. *махъв-ру*/	*махв-ал-*	—	‘сказка’
мархь-или	*маф-ал-*	—	‘дождь’
дзадз-или	*заз-ал-*	*заз-ала*	‘колючка’
кьIамц-или	*къецI-ел-*	*кьIацI-ура*	‘щипцы’
лит. *риб-ди*	*раб-ал-*	*рев-ела*	‘шило’

Приведенными примерами и ограничивается круг обнаруживаемых лексических соответствий, принимающих в сравниваемых языках рассматриваемые суффиксы, причем, лишь одно из них дает тождественные суффиксы по всем трем языкам. Таким образом, сфера функционирования пралезгинского форманта *-*ли* остается неясной, хотя, очевидно, существовало определенное противопоставление показателей -*ни* и -*ли* при соотнесенности обоих, можно полагать, с названиями исчисляемых предметов.

Как видно, перечисленные показатели являлись в пралезгинском языке своего рода классификаторами, хотя точно сферу употребления каждого из них определить не удается. В связи с этим становится понятным стремление целого ряда исследователей (Гаджиев 1958, 221; Ханмагомедов 1958в, 18; и др.) возводить показатели косвенной основы к классным экспонентам. Вместе с тем увязывать их непосредственно с категорией класса было бы ошибкой, поскольку, с одной стороны, разбиение имен в зависимости от косвенных основ не совпадает с классным. С другой стороны, нет и материального тождества между аффиксами косвенной основы и классными показателями, если не считать случайного, по-видимому, совпадения аффикса *-*ра*- с показателем I—II классов сильной серии и II класса слабой серии *-*р*-.

Напомним, что Л.И. Жирков, которому иногда приписывают характеристику показателя эргатива -*ра*/-*ре* как окаменелого классного показателя, не был столь категоричен и говорил о том, что "здесь, по-видимому, мы имеем явление, в настоящее время уже слабо представленное, но параллельное системе классных и родовых категорий других языков Дагестана" (Жирков 1941, 48—49). На наш взгляд, параллелизм отнюдь не всегда генетическое родство. Не был уверен в правильности подобного решения и М.М. Гаджиев, формулировавший его в вопросительной форме: "Не связаны ли с грамматической классификацией имен и такие согласные звуки, как *н, д*, которые мы находим в составе падежных окончаний -*ини*, -*уни*, -*еди*, -*ади* ряда существительных" (Гаджиев 1958, 221).

В специальной литературе высказывались и другие гипотезы по поводу консонантных показателей косвенной основы. В частности, некоторые аффиксы рутульского языка предлагается возводить к падежным формантам: -*ар*/-*ыр* — к эргативу, -*ди* — к генитиву (Ибрагимов 1978, 59—60). На наш взгляд, генетическая связь между сравниваемыми аффиксами существует, но направление развития было обратным.

Следует заметить, что все рассмотренные форманты употреблялись только при односложных именах и в этом отношении были противопоставлены показателю *-*т̄и*, сфера функционирования которого ограничивалась многосложными именами. Реконструкция данного аффикса основывается на следующих сближениях: лезг. -*ди*, таб. -*ди*, агул. -*ди*, рут. -*ди*, арч. -*тай*, крыз. -*джи*, буд. -*джә*.

Наибольшей продуктивностью ныне обладает лезг. -*ди*, употребляющийся не только при многосложных (*буба-ди* 'отец', *балкIан-ди* 'лошадь' и т.п.), но и при многих односложных именах

с сонорным исходом (*тай-ди* 'ровесник', *фал-ди* 'гадание' и т.п.). Как указывается в специальной литературе (Талибов 1962, 128 - 129), в случае перехода ударения на этот аффикс наблюдается аффрикатизация *д>ӣ с последующей ассимиляцией предшествующим абруптивным и шипящим: *къван-ӣи* 'камень', *кIар-цIи* 'скалка', *шар-ӣи* 'червь'.

Столь же широко употребление суффиксов *-джи* и *-джә* в шахдагских языках, ср.: крыз. *балкан-джи* 'лошадь', *маьктаьб-джи* 'школа', *багъ-джи* 'сад', и др. (здесь имена с конечными сонорными обычно принимают суф. *-аь*), буд. *хъуьнуь-джә* 'комар', *кидик-джә* 'мушмула'.

В табасаранском аффикс *-ди* принимают, как правило, имена с узким гласным в исходе (ср. *хIуни* — *хIун-ди* 'корова', *дуьгуь* — *дуьг-ди* 'рис', *йабу* - *йаб-ди* 'кляча') и различные заимствования (Ханмагомедов 1958в, 7). В диалектах в качестве варианта *-ди* могут выступать его фонетические разновидности. А.А. Магометов (1965, 116) приводит схему видоизменения *-ди*. Там же предполагается объединение с *-ди* и суффиксов *-ни* и *-ли*. На наш взгляд, показатель *-и* не связан генетически с *-ди* и является достаточно архаичным, ср. "Из гласных *и, у, а,* исконным показателем эргатива в восточно-лезгинских языках являлся *и,* так как он представлен шире остальных и выступает в качестве единственного показателя эргатива во множественном числе, где он употребляется без согласных и всегда находится в безударном положении, вследствие чего он не подвергся различным фонетическим изменениям" (Ханмагомедов 1958в, 18). То же можно сказать о *-ли* и *-ни*. Что касается аффиксов *-ри* и *-йи*/*-й,* то здесь, видимо, произошло совпадение разных по происхождению показателей: так, суф. *-йи*/*-й* может быть получен не только из *-ди* (>*-ри*), но и как средство устранения зияния при суффиксации *-и* к основе на гласный.

В агульском языке формант косвенной основы *-ди* характеризует имена с сонорным исходом (Магометов 1970, 73), причем наибольшую последовательность в указанном отношении обнаруживает керенский диалект, ср. *гивагIаьн-ди* 'чулок, носок', *къизил-ди* 'золото', *чайдан-ди* 'чайник', *х.уьл-ди* 'море', *кул-ду* 'ветка', *тIул-ди* (*-ду*) 'прут', *чал-ду* 'сеть', *чIил-ди* 'ремень' при тпиг. *гуьгIаьн-и, чайдан-и, х.уьл-и, кул-и, тIул-ани, чIил-и* (Сулейманов 1979, 97).

Довольно редко встречается показатель *-ди* в рутульском языке. Для лучекского говора его употребление характерно лишь при новейших заимствованиях, как односложных, так и многосложных, ср. *багъ-ди-* 'сад', *бар-ди-* 'вьюк', *къуй-ди-* 'яма', *кар-ди-* 'вещь', *нехир-ди-* 'стадо'. В исконной лексике показатель *-ди* отмечается лишь при субстантивации адъективов, маркируя косвенную основу неодушевленных адъективов. В хнюхском говоре формант *-ди* используется гораздо шире, появляясь при этом все же, как правило, при заимствованных именах с гласным исходом, ср. *гьараба-ди-* 'арба', *дере—дере-ди-* 'ущелье' и т.п. Имеются основания полагать, что в лучекском имел место переход *-*ди*>*-йи*: во-первых, употребление показателей *-ди*/*-йи* обнаруживает лексемное соответствие; во-вторых,

их употребление сопровождается аналогичными морфонологическими изменениями (*а>ы, аь>и*, ср. *балта* 'топор' — косв. осн. хнюх. *балтыди-*, луч. *балтийи-*; в-третьих, в лучекском говоре отмечается чередование *д/й* в словах типа *хьаьд* 'вода' — косв. осн. *хьий-*, *хIарад* 'масло' — косв. осн. *хIарай-*, *магъIад* 'лестница' — косв. осн. *магъIай-*. Это позволяет говорить о процессе **д>й* в интервокальной позиции перед узким гласным. В случае правильности этого предположения сфера употребления **-ди-* в лучекском говоре расширится.

Ограничен круг имен, принимающих суф. *-т̄ай* в арчинском языке: это, во-первых, имена с исходом на *-ай* (*дай* 'глиняный материал' — *дей-т̄ай*, *дарай* 'тафта' — эрг. *дарей-т̄ай* и др.), во-вторых, имена с исходом на *-т̄*[6] (*архъIут̄* 'орехи' — эрг. *архъIут̄ай*, *дух̄Iат̄* 'мельница' — эрг. *дух̄Iат̄ай* и др.) и, в-третьих, лексемы *ансав* 'порох', *пəлов* 'плов', *заIннав* 'зурна', *зарбаб* 'парча', *мач*(*а*) 'крапива', *гъат̄əра* 'стадо коров' (см. Кибрик и др. 1977, т. 2, 27—28). Можно было бы считать, что в данный ряд входит и арч. *-т̄е*, выделяемое в словах типа *или* 'шкура' — эрг. *елле<*ил-т̄е* и *моцор* 'пастбище' — эрг. *месде<*моцор-т̄е* (Там же, т. 2, 26), *однако в данном случае выделение подобного суффикса весьма* проблематично. Например, форма *месде* восходит скорее не к **моцор-т̄е*, *а к *мецре* (по типу *хъохъол* 'пшеница' — эрг. *хъехъле*) через ступень **мецде*.

По мнению О.И. Кахадзе (1973, 41), ряд формантов эргатива, в том числе *-т̄е←//-т̄е-й←-т̄а-й (←*да-и →)//-де-й//-де*. местоименного происхождения. Поскольку сравниваемые показатели достаточно отчетливо указывают на наличие соответствующего форманта в пралезгинском, подобная гипотеза может быть верной лишь по отношению к гораздо более ранней эпохе.

Весьма заметная продуктивность аффикса *-ди* и его вариантов (о чем, в частности, говорит его широкое употребление при заимствованиях), с одной стороны, и ограниченность употребления в исконной лексике, с другой, заставляют сомневаться в предложенной Б.К. Гигинейшвили (1976, 37) реконструкции общедагестанского "совмещающего" эргативно-локативного падежа, к которому, по его мнению, восходят и рассматриваемые аффиксы.

Что же касается общелезгинского состояния, то, несомненно, на этом хронологическом уровне показатель косвенной основы **-т̄и* уже существовал. Вместе с тем имеются достаточно веские основания, чтобы считать этот аффикс новообразованием и возводить его к суффиксу субстантивации адъективов, о котором см. в разделе "Прилагательное".

Оставляя в стороне вопросы функциональных расхождений, отметим здесь ряд достаточно очевидных общедагестанских параллелей рассмотренных выше показателей. С ПЛ**-ли* можно сопоставить, во-первых, анд. *-лло*, борч. *-ла*. год. *-ла*, чам. *-ла*, тинд. *-ла*, кар. *-ло*/*-ла*, ахв. *-ло* — форманты, объединенные П.Т. Магомедовой

---

[6] Здесь не исключено и выделение суф *-ай*.

(1979, 42). Интересно, что формант *-ла* отмечается в андийских языках в лексемах 'ветер' и 'луна' (ср. в лезгинских: таб. *ваз-ли*, агул. *ваз-ала* 'луна'). Из цезских языков к этому сопоставлению можно привлечь гунз. *-ли*, беж. *-ли* и гин. *-ли*, объединенные Е.А. Бокаревым (1959, 267) и, возможно, гунз. *-ло*, беж. *-ла*, хварш. *-ла* (сопоставлено там же, с. 266). Наконец, в этот ряд можно включить лак. *-лу-* и дарг. *-ли-*.

Параллели для ПЛ*-*ра* также обнаруживаются во всех остальных группах дагестанских языков. С одной стороны, генетическую общность с данным показателем могут иметь ботл. *-ра* и ахв. *-ро* (их сопоставление см.: Магомедова 1979, 42). Следует, впрочем, сделать оговорку: по мнению З.М. Магомедбековой (1967, 58—59), ахвахский формант может оказаться остатком прямой основы. С другой стороны, с данными формами можно объединить сопоставление Е.А. Бокарева (1959, 266), включающее цез. *-ре*/*-ро* (хотя *-ре* может быть получено из *-*ле* и сопоставимо с ПЛ*-*ли*), гин. *-ру*/*-ро*, гунз. *-ро*. Интересно, что в гунзибском аффикс *-ро* характеризует существительное *сә* 'лиса', входящее в группу одушевленных имен. Сходные аффиксы обнаруживаются в лакском (*-ра-*) и хиналугском (*-ыр-*) языках.

Аффикс *-*ни* можно объединять с ахв. *-на* (со сделанной оговоркой) и дарг. *-ни*.

Пралезгинский *-*т̄и*, возможно, следует увязывать с анд. *-до*, чам. *-да* (Магомедова 1979, 42), а также с цез. *-ди*//*-тIи* и *-до*/*-да* (Бокарев 1959, 266).

Завершая обзор общелезгинских формантов косвенной основы, заметим, что ни в одном из современных лезгинских языков не имеется строгого фонетического или семантического распределения между вокалическими и консонантными показателями. При этом не имеется также строгих соответствий этих показателей, т.е. практически в любых условиях вокалическому аффиксу данной лексемы в одном языке может соответствовать консонантный в другом языке и, наоборот. Думается, что в пралезгинском языке между этими аффиксами могла существовать грамматическая опозиция, например, по определенности ~ неопределенности, однако непосредственные указания на существование подобной оппозиции в современных лезгинских языках отсутствуют.

Абстрактные падежи

Абсолютный (именительный) падеж во всех лезгинских языках представляет собой прямую основу ед. числа. Та же форма используется для образования прямой основы мн. числа при помощи соответствующих аффиксов. Таким образом, можно полагать, что и в пралезгинском форма абсолютива (номинатива) совпадала с прямой основой, т.е. имела нулевой аффикс (Бокарев 1960а, 47). Исключения из данного правила будто бы обнаруживаются в арчинском языке (Кибрик и др. 1977, т. 2, 10 и сл.). Наиболее типичный случай такого рода представляют имена на *-әRа* в абсолютиве ед. числа, утрачивающие

конечный *-а* в других формах. Поскольку появление *-а* в подобных словах обусловлено фонетически (ср. *беркьэла* 'хрящ', *думпэра* 'холм', *накIэна* 'ключ' и т.п.), его можно считать позднейшим новообразованием. Нет оснований считать архаизмом и некоторые другие отличия арчинского абсолютива от прямой основы. Вторичными процессами обусловлена и утрата конечного *-й* и *-в* в форме абсолютива ед. числа в ряде слов будухского языка, ср. *mIе* 'жеребенок' — косв. осн. *mIей-илд-*, мн. числа *mIей-ри* и т.п.

В то же время практически во всех лезгинских языках имеются многочисленные случаи употребления в качестве форм абсолютива окаменелых форм косвенных падежей. В специальной литературе уже отмечалась возможность трактовки некоторых имен подобным образом. Так, по мнению Г.Х. Ибрагимова (1978, 61), аффикс косвенной основы выделяется в рут. *макъвал* 'крапива'. Приведем примеры: крыз. *хвар*, буд. *хор* 'собака' при таб. *ху*, агул. *гъуй*, рут. хнюх. *хий*, цах. *хва*<ПЛ**х̄ваьйа*, эрг. пад. **х̄ваьй-ра* (ср. агул. *гъуй, гъвара*); крыз. *сар*, буд. *сор* 'медведь' при лезг. *сев*, таб. *шве'*, рут. *си*, цах. *ço*, уд. *шуйе*<ПЛ**све'*. эрг. пад. **с̄ве'*-ра (ср. лезг. *сев, сев-ре*); рут., цах., уд. *дадал* 'петух' при таб. *дат̄*, агул. т̄ат̄<ПЛ **дад*, эрг. пад. **дад-ли* (ср. таб. *дат̄, дат̄-ли*); рут. *кьванахъ*, цах. *кьонек* 'ладонь' при лезн. хл. *капан кьван*, рут. кич. *капа-кьван*, арч. *кьван* < ПЛ**кьван*. лок. **кьван*Λ*-хъ*, **кьван*Λ*-к*; арч. *бува* 'мать' при лезг. *йаб*, таб. канд. *баб*, агул. *бав*, буд. *бэб*<ПЛ**йап̄*, эрг. **йойа* 'мать, женщина, бабушка; теща, свекровь' (ср. агул. *бав, бува*); уд. *ожъиIл*/*ожъул* 'хвост' при таб. *риджв*, агул. *руж*, рут. *джы-быр*, цах. *джы-кIры*, арч. *оIч*, крыз. *джи*, буд. *джи-бир*<ПЛ **х·ырч̆в*, эрг. пад. **х·ырч̆в-ли* (ср. арч. *оIч, оIч-ли*); крыз. *каькаьл*, буд. *какыл* 'куропатка' при лезг. *кIек*. хл. *к̆ек̆*, агул. *к̆ек̆* 'петух'<ПЛ**л̄ъIел̄ъI*, эрг. пад. **л̄ъIел̄ъI-ли* (ср. агул. *к̆ек̆*, *к̆ек̆-ела*); рут. ихр. *макьIли*. цах. *мыкьIлы* 'пятка' при лезг. *кьуьл*<ПЛ **мокьIол*. эрг. пад.**мокьIол*-Λ и др.

Выше были приведены примеры употребления в функции абсолютива окаменелой формы эргативного падежа (аналогичные примеры, касающиеся других падежей см. при их характеристике). Легко видеть, что процесс вытеснения эргативом абсолютива в приведенных лексемах объясняется их семантикой: это, во-первых, одушевленные имена, выступающие, как правило, в функции субъекта, и, во-вторых, названия частей тела, для которых характерна функция инструмента, также выражаемая эргативом.

Эргативный падеж. В лезгинском, табасаранском, агульском и арчинском языках эргатив в целом совпадает с косвенной основой. Можно полагать, что подобное положение унаследовано от пралезгинского состояния, где эргатив также образовывался от косвенной основы при помощи нулевого аффикса (ср. Бокарев 1960а, 46).

Вместе с тем утрата показателя локатива *-' (см. "Пространственные падежи") привела в большинстве языков к совпадению эргативного и локативного падежей, которое сохраняется отчасти и в современных языках (см.: Услар 1896, 40; Жирков 1941, 33—37; Мейланова 1960, 11; Топуриа 1967, 202 и сл.; Курбанов 1967, 219;

Кахадзе 1966; Кибрик и др. 1977, т.2, 53; и др.). Последнее обстоятельство привело к образованию новых способов дифференциации совпавших падежей.

Пожалуй, наиболее заметным сдвигом в структуре лезгинских языков, касающимся оформления эргатива, явилось возникновение специального ненулевого аффикса эргатива *-р* в рутульском и шахдагских языках: ср. рут. *заьр* 'корова' — эрг. пад. *зир-ыр*, крыз. *риш* 'девушка' — эрг. пад. *риш-ир*, буд. *вак* 'свинья' — эрг. пад. *вакыл-ыр* и т.п. (об образовании эргатива в этих языках см.: Ибрагимов 1978, 53; 1979, 25; Саадиев 1961; Панчвидзе 1979, 171—172; и др.). Употребление аффикса эргатива -р в этих языках представляется несомненным новообразованием. Помимо очевидной ареальной ограниченности данного аффикса в пользу такой гипотезы может говорить, в частности, наличие в определенных условиях нерегулярного образования эргативного падежа в рутульском языке: во-первых, у некоторых имен в форме ед. числа (ср. *дид* 'отец' — эрг. *дид-аь*), во-вторых, у всех одушевленных имен во мн. числе (ср. *сибаь* 'медведи' — эрг. *сибаь-ш-аь* и т.п.), в-третьих, у местоимений (ср. *гьад* 'он' — эрг. *гьанов-ы*)[7]. Думается, что во всех трех случаях мы имеем дело с архаизмами.

Следует заметить, что связь рассматриваемого форманта с показателями косвенной основы на *-р-* ранее отмечалась в литературе (Бокарев 1960а, 46; Панчвидзе 1979, 172). При этом, однако, не проводилось различия между аффиксами косвенной основы и собственно эргативного падежа. В то же время их функциональные особенности препятствуют их непосредственному сближению. На наш взгляд, образование эргативного падежа на *-р* в рассматриваемых языках произошло путем переосмысления суффикса косвенной основы **-ра-*. На первом этапе этого процесса имелось параллельное образование косвенной основы на **-ра-* и на гласный, подобное следующему:

Абсолютив	*йац* 'бык'[8]
Эргатив	*йац-ра*//*йац-а*
Генитив	*йац-ра-д*//*йац-а-д*
Датив	*йац-ра-с*//*йац-а-с* и т.п.

Впоследствии за каждой падежной единицей закрепляется одна из параллельных форм, что приводит к современному виду парадигмы:

Абсолютив	*йац*
Эргатив	**йац-ра*—*йац-а-ра*
Генитив	*йац-а-д*
Датив	*йац-а-с*

---

[7] Ср., однако: "Употребление гласного (*-И*) как аффикса эргатива — вторичное явление, исходным является аффикс *-р*" (Ибрагимов 1979, 25).

[8] Иллюстрация на материале рутульского языка. В шахдагских языках подобный процесс протекал, по-видимому, аналогичным образом.

Как видим, на этом этапе происходит переразложение формы эргатива. В результате его показатель *-ра* стал восприниматься в качестве аффикса эргатива и в последствии присоединяться практически ко всем именам, не считая отмеченных случаев. Нельзя не отметить в связи с предложенной трактовкой факта образования специального эргатива на *-й* в дюбекском говоре табасаранского языка, произошедшего, по-видимому, аналогичным образом (ср. Магометов 1965, 103 и сл.), ср. дюб. *тепе* 'куча, холм' — эрг. *тепе-й,* ген. *тепе-н,* дат. *тепе-с* при хив. *тепе-йи, тепе-йи-н, тепе-йи-з* и т.п.

Поскольку процесс преобразования аффикса косвенной основы в аффикс эргатива характеризует шахдагские и рутульские языки, возникает вопрос, не является ли это одним из свидетельств былой рутульско-цахурско-крызско-будухской общности. При положительном решении этого вопроса аффикс эргатива *-р* необходимо будет возводить к соответствующему праязыковому состоянию; ср.: "Общность формантов эргатива в рутульском, крызском и будухском языках (*-р, -Vр, -ра, -Vра*) позволяет полагать, что в исходном состоянии эти языки различали эргатив" (Ибрагимов 1981, 84). В связи с поставленным вопросом следует заметить, что данные цахурского языка дают отрицательный ответ на этот вопрос: здесь не обнаруживается следов аффикса эргативного падежа на *-р-*. Отсюда более приемлемым можно считать объяснение подобной общности в качестве ареальной.

Проблема эргатива в цахурском языке оказывается достаточно сложной и в синхронном плане, поскольку формой выражения субъекта переходного глагола при именах I и II классов здесь является *-е(ӗ)*, аффикс локатива, а при именах III и IV классов — *-н*, аффикс генитива. Если первый единодушно квалифицируется в качестве аффикса эргатива, то второй получает неоднозначную квалификацию: а) как показатель эргатива (Джейранишвили 1966, 41; Курбанов 1966, 15; 1967, 221—223), б) как показатель генитива (Талибов 1979, 8—11). С исторической точки зрения цах. *-е*, видимо,следует признать исконным аффиксом эргатива, точнее, косвенной основы, хотя ныне эргатив не представляет в цахурском языке косвенной основы других падежей, ср. *дек* 'отец' — эрг. *дек̆-ӗ,* дат. *дек̆-ис* и т.п. Нет сомнения, пожалуй, и в отгенитивном происхождении эргатива у имен III и IV классов, хотя причины подобного семантического сдвига не ясны. Укажем лишь в связи с этим на сходное положение в лакском языке, где эргатив и генитив имен существительных совпадают.

Во всяком случае цахурский язык представляет собой пример иного пути в сторону дифференциации эргатива и локатива: для имен I и II классов, формы локатива которых сравнительно редки, синкретичная форма эргатива/локатива сохранилась в значении эргатива, а для имен III и IV классов — в значении локатива. Соответственно, возникли новые способы выражения локатива для имен I и II классов и эргатива для имен III и IV классов (ср. Курбанов 1967, 219).

Суффиксы эргатива *-н* (*нана-н* 'мать'), *-ен* (*мех-ен* 'серп') и для мн. числа *-он* (*тавар-гъ-он* 'топоры') в удинском языке (см. Джейранишвили 1971, 284 и сл.; Панчвидзе 1974, 48—51), представляющие

собой фонетико-морфологические варианты, также можно квалифицировать в качестве новообразования. По-видимому, и в данном случае можно предположить переосмысление аффикса косвенной основы Так, у имен односложных типа *беlгъ* 'солнце', *беlк* 'игла', *махъl* 'дуб' и т.п. аффикс эргатива одновременно является и аффиксом косвенной основы, т.е. сохраняется исконное состояние, ср. *мех* 'серп', эрг. *мех-ен*, ген. *мех-н-ай*, дат. *мех-н-у/х/* и т.д. Многосложные имена с гласным исходом дают иную картину: с одной стороны, здесь произошла контаминация аффиксов косвенной основы и генитива и, с другой стороны, редупликация аффикса косвенной основы в форме эргатива в результате аналогии с *-ен* в формах типа *мех-ен*, ср. парадигму лексемы *k̄аша* 'палец': эрг. *k̄аш-ин-ен*, ген. *k̄аш-ин*, дат. *k̄аш-ин-а(х)* и т.д. В многосложных именах с согласным исходом, где не произошло вклинивания в парадигму форманта косвенной основы, имеем простую унификацию выражения эргатива по аналогии со словами типа *мех-ен*, ср. *тавар* 'топор' — эрг. *тавар-ен*, ген. *тавар-ун* и т.д.

Наконец, в ряде языков возникли новые способы разграничения эргативного и локативного падежей с использованием исторического противопоставления косвенных основ на **-е/*-ы* и **-аь/*-а*, таким образом, что узкий гласный стал характеризовать косвенную основу и форму эргатива, а широкий — форму локатива. Соответственно те имена, которые имели косвенную основу на широкий гласный, сохранили синкретизм эргативного и локативного падежей, ср. *гада-ди* — *гада-да* 'мальчик', *k̄ул-уни* — *k̄ул-уна* 'веник', *чар-ч̄и* — *ч̄ар-ч̄е* 'бумага', *кlвал-и* — *кlвал-е* 'дом', но *сев-ре* 'медведь', *йац-ра* 'бык', *мух-а* 'ячмень' (см. Топуриа 1967, 203). В специальной литературе отмечается, что не различают эргатива и локатива «... Названия животных, птиц, насекомых и др., т.е. имена, для которых чисто локативная форма со значением "в", "внутри" неестественна или почти невозможна. Такой спецификой значения обусловлен тот факт, что формы эргатива и локатива в этих именах недифференцированы» (Топуриа 1967, 205). Думается, что в данном случае произошло простое совпадение: косвенная основа на *-ра/-ре* с исходом на широкий гласный характеризует как раз одушевленные имена, а имен с вокалической косвенной основой на широкий гласный не так уж много.

По поводу причин совпадения рассматриваемых падежей в различных языках существуют разнообразные точки зрения. С одной стороны, предполагалось, что "исторически этот факт совпадения в одной форме эргативного и местного падежей, очевидно, следует рассматривать как указание на то, что в прошлом один из местных падежей стал употребляться и для выражения подлежащего при переходиых глаголах" (Бокарев 1954, 156). На материале лезгинского языка этот тезис обосновывался тем, что "в лезгинском предложении отношение имени и глагола, соответствующих подлежащему и сказуемому русского и других индоевропейских языков, определяется как присутствие процесса, выраженного значением глагола, в деятеле (агенсе), внутри его" (Жирков 1941, 33—34).

Иначе рассматривается факт совпадения данных падежей исследователями арчинского языка О.И. Кахадзе (1966, 365) предпо-

ложил, что совпадение эргатива и локатива в арчинском было вызвано усечением *-а* (в связи с ударением?): эрг. *кьесурчай* — лок. *кьесурчай<*кьесурчай-а* 'лапти' и т.п. Близок к данной точке зрения и А.Е. Кибрик (Кибрик и др. 1977, т.2, 53), объясняющий данное явление процессом *-а+-а>-а.* В обоих случаях, как видим, исконным суффиксом локатива предполагается *-а.*

Обособление формы эргатива произошло также в табасаранском языке, хотя показатель локатива здесь сохранился. При этом затронуло оно не все имена, а лишь лексемы с косвенными основами *-ра-, -на-, -а-,* т.е. на широкий гласный. В этих лексемах форма эргатива ныне не совпадает с косвенной основой, а образуется от нее чередованием *а/у,* ср. эрг. *гъIуб-ру* 'лягушка' — ген. *гъIуб-ра-н,* эрг. *маш-ну* 'лицо' — ген. *маш-на-н,* эрг. *иб-у* 'ухо' — ген. *иб-а-н* и т.п.

Родительный падеж. Пралезгинский генитив с аффиксом *-*н* представлен следующими рефлексами: лезг. *-н,* таб. *-н,* агул. *-н,* цах. *-н,* арч. *-н,* уд. *-н* (Бокарев 1960а, 45). Особого замечания в данном ряду заслуживает лишь цахурский генитив, представленный ныне следующими вариантами: *-н* при определяемом IV класса, *-на* при определяемом I, II или III класса и *-ни* при определяемом, стоящем в одном из косвенных падежей. Те же аффиксы используются при определениях-прилагательных, ср. *ба-тIайн, батIайна, батIайни* 'красивый'. Все это указывает на процесс контаминации генитива с формами адъектива.

Этот процесс имел место уже в период рутульско-цахурского единства, однако привел к различным результатам. Если в цахурском сохранилась форма генитива, которая приобрела некоторые признаки атрибутива, то в рутульском в качестве форманта генетива ныне употребляется исконный показатель адъектива, ср. *нин-ды* 'матери' при *кIыб-ды* 'быстрый' (Бокарев 1960а, 45). Дальнейшие результаты этого процесса можно усматривать в наличии адъективного аффикса *-н-* (см. "Имя прилагательное").

Исконный генитив в шахдагских языках был вытеснен историческими локативами (см. "Пространственные падежи"). Е.А. Бокарев (1960а, 45) считал исконным генитивом формы типа буд. *куму* (<**кумун*), что вряд ли можно принять, поскольку процесс утраты конечного *-н* в шахдагских языках другими примерами не подтверждается.

Нельзя не заметить в ряде современных языков некоторое количество слов, в составе которых выделяется исторический суф. *-н.* Последний во многих случаях достаточно убедительно увязывается с показателем генитива. Механизм образования лексем с данным суффиксом можно представить себе в виде перехода от определительного словосочетания к самостоятельному употреблению определения. Приведем некоторые примеры:

ПЛ**вaьвл̅ъI* 'кишка'>Ар *баблъIв* ~ У *букъу-н* 'живот, желудок'< *кишечный'? (ср. описательное название желудка в арчинском: *кумулин нолъI* 'еды дом');

ПЛ**выс* 'родник'>Б *вис*~Р *высын* 'желоб'<'родниковый (желоб)';

ПЛ**коц* 'курица' > К *кыс*, Б *кыс*~У *косун* 'корзина для наседки';

ПЛ**курчI* 'щенок' > К *курчI*, Б *курчI*~У *кӯч̆ан* 'щенок' < 'щенячий (детеныш?)';

ПЛ**к̆ат-*//**к̆аьт-* 'кошка' > Л *к̆ац*, АБ *гетв*, Р *гаьт*, Б *гэч*, К *гаьч*, Ар *гату*, Т *гати*~А *гитан;*

ПЛ**рех̆Iва* 'мельница' > Л *регьв*, А *рах̆*, Р *рухI*, Ц *йох̆Iа*, Ар *дехIв* 'жернов'~Т *рагьIин* < 'мельничный (дом/камень?)';

ПЛ**рухъ* 'нора' < Т*урхъ*~Р *рахан*, Ц *вухъна* 'пещера' < 'пещерный (ход?)';

ПЛ**ч̆ат̄* 'кузница' > Л *ч̆ад*, АФ *джад*, РХ *джад*~Т *жадан* < 'кузнечный (дом)';

ПЛ**льола* 'вилы' > Ц *хьева*, Ар *льол*, У *хала*~Р *хьылан;*

ПЛ**саьра* 'сажа' > РШ *сер*, ЦЦ *сера* 'пепел'~Т *сирин;*

ПЛ**с̄выра* 'часть, половина' > Л *зур*, Т *швур*, А *сур*, Р *сур*, Ц *сура*~ТД *жваран* 'бок', АБ *зуран* 'край', Ар *барсон* 'ребро' < ПЛ**с̄вырагь-н* 'боковой/половинный';

ПЛ**т̄IакI* 'отверстие' > Л *дакI* 'ниша', А *даг-ар/т̄Iаг-ар* 'окно', К *т̄IокI*~Ар *т̄IакIан* 'ошейник для теленка' <*'веревка с петлей'.

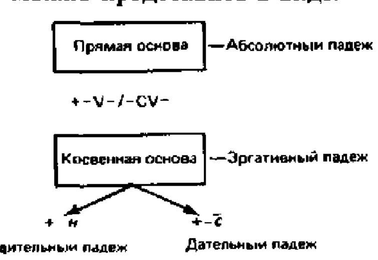
Этот способ образования новых имен обнаруживается и в пределах отдельно взятых языков, ср. таб. *рак̆ин* 'дверь' при *рак̆* 'створка двери', арч. *дильIин* 'двор' при *дальI* 'дверь' и т.п.

Наконец, следует отметить еще один аффикс удинского генитива — *-ай*. Происхождение его пока не ясно. Возможно, что, как и в шахдагских языках, он восходит к локативу *-'.

Дательный падеж. Рефлексы пралезгинского датива с аффиксом *-*с̄* прослеживаются довольно четко: лезг. *-з*, таб. *-з*, агул. *-с*, рут. *-с*, цах. *-с/с̄*, арч. *-с̄*, крыз. *-с*, буд. *-з*. Лишь в удинском данный падеж был утрачен, хотя не исключена возможность генетической связи с ним элемента *-с-* в составе сложного форманта *-ас̄та*, выражающего местонахождение внутри (Бокарев 1960а, 45). Подкрепляет подобную гипотезу как будто и употребление цахурского датива в локативном значении, ср. образованные от датива формы адитива и аблатива: *йивусахъа* 'к дереву', хӑс̆е 'от дома' и др. (Талибов 1979, 20).

В отличие от генитива, пралезгинский датив редко встречается в окаменелом виде и представляет обычно в подобных случаях наречные формы, ср.: арч. *льIинчIа-с̄ ехмус* 'бояться' при лезг. *кичI*, таб. *гучI*, цах. *гичI*, крыз. *кичI*, буд. *кичI* < ПЛ**л̄ьIимчI* 'страх, испуг'; лезг. *гат̄уз* 'летом', *йифиз* 'ночью' при *гад* 'лето', *йиф* 'ночь'; буд. *йувуз* 'ночь' (Дешериев 1967, 657), *къейиз* 'днем'; арч. *хъи-ми-с* 'днем'.

В целом схему образования основных падежей в пралезгинском языке можно представить в виде:

Из внешних параллелей общелезгинским основным падежам прежде всего следует отметить совпадающий с косвенной основой имени эргативный падеж в ряде цезских языков: цезском, хваршинском и бежтинском, хотя, по мнению Е.А. Бокарева (1959, 273), в общецезском был представлен эргатив на *-д//-ди*. Пралезгинской схеме соответствует также даргинская схема образования основных падежей: абс. *жуз* 'книга'—эрг. *жуз-ли*— дат. *жуз-ли-с*, хотя и здесь имеются достаточно заметные отклонения от описанного выше принципа. Пралезгинский генитив на **-н* обнаруживает непосредственное соответствие лишь за пределами дагестанских языков — в чеченском *-н;* ср. *говр* 'лошадь' — ген. *говран, гIа* 'лист' — ген. *гIа-н* и др. Наконец, пралезгинскому дативу соответствует, во-первых, даргинский датив на *-с* и, во-вторых, гинухский датив на *-з;* ср. однако: "В гинухском языке окончание дательного падежа *-з* (*обуз* 'отцу') также представляет собой новообразование и не может быть возведено к дательному падежу языка-основы" (Бокарев 1959, 272).

Пространственные падежи

Как известно, в современных лезгинских языках (как и вообще в дагестанских) местные падежи характеризуются сериальностью образования, т.е. форма местного падежа включает здесь показатель локализации и собственно падежный формант, указывающий либо на состояние покоя, либо на направление движения — приближение, удаление и др. Ср.: "Если в лезгинском языке пять серий местных падежей, а в каждой из них по три падежа: падеж покоя, падеж направления, исходный падеж, то в лакском языке шесть серий местных падежей, в даргинском — четыре, в аварском — пять, в цахурском — четыре, в табасаранском — восемь и т.д. Такая серийная система свойственна не только названным языкам, но и остальным горским дагестанским языкам. Впервые на это обратил внимание П. Услар, вслед за ним Л.И. Жирков в своих монографических описаниях ряда языков выявил системность, последовательность, внутреннюю связь в образовании многочисленных пространственных падежей в горских языках Дагестана" (Талибов 1976а, 75). Лишь удинский язык не имеет ныне подобной структуры пространственных падежей, ср. табл. 1.

Вместе с тем и в удинском склонении можно обнаружить следы сериальности: ср., например, образование дательного II, аблатива и комитатива. Формант *-ах-* в составе этих падежных форм можно считать историческим показателем локализации, в то время как *-∅* в дательном II, *-о* в аблативе и *-ол* в комитативе могут восходить к историческим суффиксам направительных падежей.

Таким образом, можно полагать, что и для пралезгинского состояния была характерна модель "косвенная основа + показатель локализации (серии) + показатель направления". В то же время реконструкция пралезгинских показателей направления наталкивается на серьезные трудности, поскольку соответствующие форманты в современных языках в большинстве случаев гетерогенны.

Более или менее надежно восстанавливается пралезгинский директив: ПЛ**-т̄А*: Л *-ди;* Т *-ди;* А *-ди;* Р *-даь;* Ар *-ди/-т̄а;* К *-да;* Б *-да;* У *-т̄а* (?).

Таблица 1

Падежные суффиксы удинского языка (Панчвидзе 1974, 47)

		Падеж	Падежный суффикс	
			Варташенский диалект	Ниджский диалект
Основные		Именительный	∅	∅
		Эргативный	*-ен//-ин//-он//ын*	то же
		Родительный	I: *-и*, II: *-ин*, *-н-ин*	то же
	I		III: *а-й—*а-и*, *-ей*, *-ой*, *-н-ай*, *-н-ей*, *-н-уй*	то же
			IV: *-ун*, *-ын*, *-н-ун*, *-н-ын*	то же
		Дательный I	*-а*, *-е*, *-у*, *-о*, *-н-е*, *-н-у*, *-и*	то же
		Дательный II	*-ах*, *-ех*, *-ух*, *-ох*, *-н-ах*, *-н-ех*, *-н-ух*, *-их*	повторяет дат. I // то же
Вторичные		Терминатив	*-ал*, *-ел*, *-ул*, *-ол*, *-н-ал*, *-н-ел*, *-н-ул*	то же
	II	Аллатив	*-ай̆* (с вариантами)	*-ач̆//-ач*
		Адессив	*-ас̆та* "	то же
	III	Аблатив	*-ахо* "	*-ахун*
		Комитатив	*-ахол* "	*-ахун*
	IV	Каузатив	*-енк/к̆//-енк̆ена* (с вариантами)	*-айнак̆//-ейнак̆*
	IV			

В собственно направительном значении, т.е. для указания на приближение к ориентиру, рефлексы пралезгинского **-т̄А* используются лишь в восточно-лезгинских языках, ср.: лезг. *марк̄унив-ди* 'к стогу', *ламрахъ-ди* 'к ослу', *къванц̄ик-ди* 'под камень', *гъуьлел-ди* 'к морю'; таб. *аьрабайн'ан-ди* 'по направлению из арбы', *аьрабайи'на-ди* 'по направлению к арбе'; агул. *дарав-ди* 'к лесу', *угъалик-ди* 'под дождь'. В других языках в функционировании данного форманта произошли существенные изменения. В рутульском значение направления, противопоставленное эссивному и аблативному, данной формант сохранил лишь при показателе локализации *-к/-хъ*, ср. лок. *рышихъ*, абл. *рышихъ-ла*, аллат. *рышихъ-даь*. В сочетании с другими показателями локализации рут. *-даь* выражает как аллативное, так и эссивное значения, ср. *зир-даь* 'у коровы'~*хал-да* 'к дому', *духарых-да* 'у сына'~*нацIурух-да* 'к реке' и т.д. Как указывает Г.Х. Ибрагимов (1978, 56), данная падежная форма выражает направительное значение при неодушевленных существительных, а локативное (эссивное) — при одушевленных.

В арчинском языке рефлексы пралезгинского **-т̄А* обнаруживаются, во-первых, в реликтовых формах локатива (ср. *аIт̄әр-т̄а* 'в загоне', *бигьв-да* 'в месте', *кьаркьи-т̄а* 'на лугу' *ч̄об-т̄а* 'на берегу') и наречиях времени (*шу-т̄а* 'завтра', *хи-т̄а* 'затем') и, во-вторых, в формах, выража-

ющих уподобление, или в терминологии А.Е. Кибрика (Кибрик и др. 1977, т. 2, 59), экватива, ср. *мисгиннихъI-ди* 'по-бедняцки', *зимизлихъI-ди* 'по-муравьиному' и т.п. Как видно, аффис *-ди* сохранился в арчинском языке в последнем случае лишь в сочетании с показателем локализации *-хъI*, имеющим значение 'среди; в (массе)' и только в переносном употреблении. Заметим, что аналогичное развитие значения форм на *-ди* имеется и в других лезгинских языках, ср. таб. *табасаран чIал'ин-ди* 'по-табасарански, на табасаранском языке'.

В крызском и будухском языках рефлексы пралезгинского **-т̄Λ* можно усмотреть лишь в составе послелогов крыз. *гIа-до-в* и буд. *гIа-да* 'на', 'над'. В удинском пралезгинскому **-т̄Λ* может соответствовать элемент *-т̄а* в составе показателя адессива (в терминологии В.Н. Панчвидзе) *-(а)ст̄а*, выражающего приближение к ориентиру или местонахождение около него. Следует заметить, что элемент *-с-*при этом увязывается с пралезгинским дативом **-с̄*.

В связи с предложенной реконструкцией укажем на предположение Б.К. Гигинейшвили (1976, 37) о наличии в прадагестанском показателя **-ди*, локатива серии "на", совмещающего функции эргатива. На наш взгляд, более оправдан подход, согласно которому направительный падеж **-т̄Λ* и формант косвенной основы **-т̄е(й̄)* не связаны генетически.

С меньшей степенью вероятности восстанавливается пралезгинский предельный направительный падеж (терминатив), обнаруживающий следующие рефлексы:

ПЛ **-н(а)*: *Т -на;* Ар *-на* (?); К*-н;* Б *-н;* У *-на* (?)

Исходное значение данного суффикса сохранилось в табасаранском (ср. *гъва'ин-на* 'на крышу' н т.п.) и крызском (*аьнваь-н* 'ему', *жаьваьцаь-н* 'к нам' и т.п.) языках. В будухском морфема направительного падежа сохранилась лишь в составе некоторых послелогов (*гIурə-н* 'впереди', *корə-н* 'ниже', *ворə-н* 'выше'), утратив, впрочем, свое значение. В арчинском элемент *-на* предположительно может быть вычленен в составе сложных формантов *-кəна* (*дарцIлира-кə-на* 'до столба' и т.п.) и *-лъIəна* (*ва-лъIə-на* 'вместо тебя' и т.п.). Более проблематично аналогичное членение удинского аффикса каузатива (причинного падежа) *-к̄(ена)*: *зен-к̄ (е-на)* 'для меня' и т.д.

Предложенное сопоставление как будто подтверждают данные лакского языка, где *-н* является аффиксом датива, ср. *бута-н* 'отцу', *душни-н* 'дочери' и т.п.

Наконец, только в порядке рабочей гипотезы можно предложить реконструкцию пралезгинского аблатива: ПЛ *-ай (?): Л *-ай;* Р *-а* (?); Ц *-е*.

В рутульском и цахурском рассматриваемый формант подвергся фонетическим изменениям: * *ай* > *а̄* (рут. *хал-а* 'в доме' — *хал-а̄* 'из дома'), **ай* > *е* (цах. *амбарыд* 'на амбаре' — *амбарыд-е* 'с амбара'). В цахурском возможность подобного процесса подтверждается закономерностью, действующей в системе глагола, ср. *къадахьванас* (I кл.) 'бежать' — *къадёхьванас* (II кл.) < **къада-й-хьванас*, где **-й-* — показатель II класса (Талибов 1961, 223; Ибрагимов 1968, 35). В рутульском данный процесс, по-видимому, уникален.

В связи с пралезгинским **-ай* вызывает интерес цезский аблатив на

-ай: *цихъель-ай* 'из леса', *льаль-ай* 'из воды' и т.п. В реликтовом виде этот падеж представлен также в гинухском, где при обычном суффиксе аблатива *-с* (ср. *льейль-со* 'из воды', *ахибакIма-с* 'из сада', *истолильIо-с* 'со стола') в серии *вблизи чего-либо* имеем суф. *-до-й*: *хулудо-й* 'от тарелки' и т.п. Надо полагать, что в цезских языках аблатив на *-й* является архаизмом, поскольку нынешний аблатив на *-с* восходит к исконному транслативу (ср. сохранение этого значения у падежа на *-за* в цезском языке), изменившему свое значение в результате редукции падежной системы.

Возможным отражением пралезгинского состояния могут оказаться также цах. *-нче*[9] и арч. *-ш* (< ПЛ **зч?*), функционирующие ныне в качестве показателя аблатива, ср. цах. *хā-нче* 'из дома', *даме-нче* 'с реки', *вухьне-нче* 'из живота' (ср. Талибов 1979, 17), арч. *гьалмур-аш* 'от хозяина', *базаллит̄-иш* 'с базара' *нольIа-ш* 'из дома' и т.п. (см. Микаилов 1967, 57 и сл.). При этом, если в арчинском показатель аблатива сочленяется со всеми формами локализации, то цахурский аблатив на *-нче* выступает лишь в сочетании с показателем локализации *внутри*, замещаясь в остальных случаях аффиксом *-е*, ср. *сувал-е* 'с горы' (серия *на*), *нукьнек-е* 'из-под земли' (серия *под*), *хāс̄-е* 'от дома' (серия *у*) и т.п. (см. Талибов 1979, 15 и сл.).

Последнее обстоятельство может служить свидетельством исконного распределения двух аффиксов аблатива, хотя не исключено, что цахурский аблатив на *-нче* — явление более позднее, вызванное стремлением разграничить формы локатива и аблатива серии *внутри*.

Пралезгинская система показателей локализации, судя по имеющимся материалам, включала следующие единицы:

**-л̄-*	'на ориентире';
**-'-*	'внутри ориентира';
**-л̄ъв-*	'около ориентира';
**-к-*	'в соприкосновении с ориентиром';
**-хъ-*	'за ориентиром';
**-къI-*	'между, среди, внутри заполненного ориентира';
**-гъ-*	'перед ориентиром';
**-л̄ъI-*	'под ориентиром'.

Реконструкция пралезгинского показателя **-л̄-* основывается на следующих соответствиях (ср. Бокарев 1960а, 49):

ПЛ **-л̄-*: Л *-ал-*; Т *-л-*; А *-л-*; Р *-л-*; Ц *-д*; Ар *-т/-т̄-*; Б *-л*; У *-л*.

Исконное значение показателя сохранилось практически во всех языках, ср. лезг. *балкIанд-ал* 'на лошади', агул. *устулли-л* 'на столе', цах. *амбары-л̄* 'на амбаре', арч. *устулли-т* 'на столе', удин. *бургъо-л* 'на горы' и т.п. В табасаранском в форме терминатива имеем ассимиляцию *л* > *н* (*гъва'ин-на* 'на крышу'), вследствие чего переход *л* > *н* по аналогии произошел и в форме локатива **гъва'ил* > *гъва'ин* 'на крыше'. Формы с *-л-* здесь сохранились только в аблативе: *гъва'-л-ан* 'с крыши'.

[9] В связи с *-н-* следует заметить, что "встречается ряд слов, которые образуют аблатив I не от локатива I, а от основы родительного падежа: *айван* > *айваныи* > *айванынче* 'балкон', *йаIхъ* > *йаIкъкъын* > *йаIкъкъынче* 'дорога' и др." (Талибов 1979, 17), что, по-видимому, может указывать на связь *-н-* с показателем генитива.

В рутульском и шахдагских языках форма локализации на *-л̄- была вытеснена послеложными конструкциями, ср. *хала у* 'на доме' буд. *устулджә гIада* 'на столе' и т.п. Между тем, можно полагать, что к пралезгинскому показателю *-л̄- восходят, с одной стороны, рут. *-л* в *ка-л* 'подобно' и, с другой стороны, буд. *-л* в составе послелогов *къа-л* 'вдоль (вверх)' и *гIал* 'вдоль (вниз)'. Менее вероятна, хотя и возможна, связь с вышеприведенными формантами рут. *-ла*, показателя удаления, ср. *дамык-ла* 'из леса' и т.п.

В окаменелом виде суф. *-л̄- может быть отмечен у ряда имен существительных и наречий: лезг. *тупIал*, таб. *тIублан* (со вторичной суффиксацией *-ан*), агул. *тIубал*, рут. хнюх. *тIыбә'эл* 'кольцо, перстень' (< ПЛ *тIуп̄ 'палец', ср. лезг. *тIуб*, таб. *тIуб*, агул. *тIуб*, цах. *тIуб*); арч. *дух̄Iат* 'мельница' (ср. *дехIв* 'жернов'); лезг. *цук̄вал*, рут. *кыцыцаьла* 'на корточках' (ср. таб. *чвучв*, агул. *цуц* 'зад').

В целом же идентификация данного суффикса затруднена наличием омонимичных рефлексов пралезгинского показателя косвенной основы *-*ли*- и суффикса отглагольных имен *-*л*.

Во многих языках показатель локализации *на, наверху* имеет тождественные пространственные превербы, о которых см. "Глагольное словообразование".

Реконструкция пралезгинского показателя *-'- основана на следующих сопоставлениях: ПЛ *-'-: Л -∅-; Т-'-; А-'-; Р -∅-; Ц -∅-; Ар -∅; К -∅- (*гI*?); Б -∅- (*гI* ?); У -*й* (?).

Во всех языках приведенные формы сохранили исходное значение, ср. лезг. *кIвале* 'дома, в доме', таб. *аьрабайи-'* 'в арбе', агул. *хула-'* 'в доме', рут. *хала* 'в доме', цах. *амбара*//*амбаре* 'в амбаре', арч. *ноьIа* 'в доме', крыз. *кIаьдыраь* 'в котле', буд. *кума* 'в селе'. При этом в крызском и будухском имеем также вторичное значение генитива (в будухском выражающего только неотчуждаемую принадлежность, ср. *мизила къил* 'ножка стола', *гәчилда пендже* 'лапа кошки' и т.п.). О возможности развития локатив — генитив см.: Серебренников 1974, 177. Предположительно аналогичное происхождение имеет и удинский генитив на *-ай*.

Е.А. Бокарев (1960а, 49) характеризовал данный падеж с точки зрения образования как "местный падеж на гласный". В последующих исследованиях (Ханмагомедов 1958в, 20; Топуриа 1967, 207) предлагается реконструировать *-'- (*-*а*'-), что, в частности, лучше согласуется с общей схемой строения форм локализации: косвенная основа с гласным исходом + согласный = показатель локализации.

Ауслаутный -', по-видимому, сохранился и в рутульском языке, но лишь в составе так называемых локативных частиц: *гьа'* 'вне', *са'* 'внизу', *ла'* 'вверху', *хьу'* 'впереди', *хъу'* 'сзади', *а'* 'внутри'.

При рассмотрении образования эргативного падежа уже обращалось внимание на использование чередований *-*а*/*-*у* и *-*аь*/*-*и* для дифференциации эргатива и локатива. Добавим к этому, что подобным преобразованиям мог подвергнуться локатив и параллельно с образованием специальных форм эргатива. Так, например, рутульский локатив образуется от косвенной основы чередованием *-а*/*-ы* в безударных основах и *-ы*/*-а*, *-у*/*-а*, *-и*/*-аь* в ударных основах, ср. *гье́йега-* → *гье́йегы* 'в котле', *валгы́-* → *валга́* 'в постели', *убру́-* → *убра́* 'в ухе', *гьили́-* → *гьила́ь* 'на ноге' и т.п.

Примеры наличия окаменелых формантов локатива в составе имен существительных достаточно многочисленны, хотя и здесь возможны случаи контаминации с другими формамн. Так, лезг. *кукIва*, таб. *кIвакIва* 'поднос' при арч. *кIокI*, цах. мишл. *кIукI* (< ПЛ **кIокIв*) могут интерпретироваться не только как застывшие формы локатива, но и как лексемы, утратившие суффикс *-й*, ср. рут. хнюх. *кIукIу-й* 'панцирь', крыз. *кIукIа-й* 'большая глиняная чашка'. В связи с этим, по-видимому, можно говорить именно о застывших формах локатива лишь в том случае, когда подобный процесс имеет убедительную мотивацию в семантике соответствующего имени.

Наиболее бесспорным случаем подобной мотивации являются, видимо, топонимы — имена, употребляющиеся за весьма редкими исключениями лишь в форме локатива Следует заметить, что в специальной литературе (см., например: Гайдаров 1963; Абдуллаев 1969; 1976; Ибрагимов 1972б; и др.) достаточно подробно рассмотрен способ образования ойконимов путем конверсии формы локатива, в силу этого целесообразно остановиться здесь на менее очевидных примерах:

арч. *львалли* (<**львар-ли*) 'ущелье' при лезг. *фур*, таб. *фур*, рут. шин. *хьвар* (< ПЛ **львар* 'яма');

арч. *цIи* (<**дицIи*) при лезг. *рат*, таб. *рац̆*, агул. *рат̄*, рут. *рат*, цах. *ат̄а*, уд. *ец̆* (<ПЛ **рац̆Iа* 'гумно');

буд. *тIовкIе* 'водопойная колода' при лезг., таб. *такIв* 'ступка';

буд. *хъеле* 'гнев, обида' при лезг. *хъел*, таб. *хъIал*, агул. *хъIал*, рут. *хъIал*, цах. мишл. *хъIал*, (<**хъIал*);

лезг. *ч̄уру*, таб. *муджри*, крыз. *джири* 'борода' при агул. *мужур* (<ПЛ* *моч̆ор*);

арч. *маха* 'овес' при лезг. *мух*, таб. *мух*, агул. фит. *мух* (<ПЛ* *мох*);

рут. *майаь* 'мозг' при таб. *ма'*, цах. *магъI*, арч. *май*, уд. *маI* (<ПЛ **магъI*);

арч. *мец̆Iе* 'угол' при лезг. *муртI*, таб. *мурч̆в*, агул. *мурт̄* (<ПЛ **морц̄Iв*);

агул. *тIургIе* при рут. *тIуркьI* (<ПЛ **тIулкьI* 'голень, щиколотка');

арч. *х̄оно* 'небо' при цах. мишл. *хын* 'десна' (<ПЛ **х̄он*);

лезг. *чIере* 'край крыши, стреха' при арч. *чIер* 'стена' (<ПЛ **чIер*).

Не исключена связь с реконструируемым показателем крыз. *-гI-* в составе падежных форм на *-гIан* и *-гIар* (ср. *кумаь-гIан* 'по селу', *кумаь-гIар* 'через село' и др.). Что же касается нулевых шахдагских рефлексов, то здесь, видимо, имел место нерегулярный фонетический процесс.

К возможным общедагестанским соответствиям данного падежа относят дарг. *-гIиб* (ср. *хъай-гIиб* 'в доме'), лак. *-ву* (*къатлу-ву* 'в доме') и аваро-андо-цезские формы на классный показатель (Бокарев 1960а, 49). Заметим, что возведение лезг. *-в* к общедагестанскому падежу, выражаемому классным экспонентом (Гигинейшвили 1976, 36), вряд ли правомерно. Следует также отметить наличие аналогичных формантов в системе превербов.

Пралезгинский формант *-л̄ъв-* представлен следующими рефлексами:

ПЛ *-л̄ъв-: Л -в-; Т -хь (ф)-; А -в-; Р -хьв-; Ар -л̄ъу; К -в; Б -в; У -х.

Несколько иное сопоставление встречаем у Е.А. Бокарева (1960а, 50). Конечный -в в шахдагских языках утрачивается, вызывая лабиализацию предшествующего гласного: буд. *гәдо* '(у) мальчика', крыз. *аьну* 'ему' и т.п.[10], однако *в* интервокальном положении сохраняется: буд. *ану-в-ор* 'у него', крыз. *аьн-в-аьн* 'ему' и др.

Наряду с исконным значением 'у, около' (ср. лезг. *цла-в* 'около стены', таб. *цали-хь* 'около стены' и т.д.) в современных лезгинских языках представлен и ряд вторичных значений: принадлежности (ср. лезг. *бубади-в* 'у отца', агул. *дада-в* 'у отца', арч. *за-л̄ъу* 'у меня' и др.), совместности (рут. *диды-хьван* 'с отцом' и др.), инструмента (арч. *кIа̄са-л̄ъу* 'ножом' и т.п.). При этом приведенные формы как выражающие конкретную, временную принадлежность противопоставлены, с одной стороны, генитиву (в эссивном значении) и, с другой стороны, дативу (в аллативном значении). Нейтрализация последнего противопоставления, видимо, привела в удинском языке к вытеснению рефлексом *-л̄ъв- исконного датива (ср. *чобана-х* 'чабану' и т.п.). В будухском же данное противопоставление сохранилось несмотря на утрату исконного генитива, трансформировавшись в оппозицию отчуждаемой~неотчуждаемой принадлежности, ср. *гәд-о китаб* 'книга мальчика'~*гәд-ә буй* 'рост мальчика'[11].

Возможно, что рефлексом *л̄ъв- в рутульском является помимо -*хьв*- также и -*хь*, если предположить здесь нейтрализацию форм на -*хь* 'у, около' и на -*к*, 'в соприкосновеиии с' (с последним формантом совпал также рефлекс исконного *-л̄ъI): ныне оба показателя употребляются параллельно (Ибрагимов 1978, 54—55). Этот процесс обусловил, вероятно, появление у показателя комитатива -*хьван* параллельного варианта -*кван*. Если данное предположение верно, то подобный процесс имел место и в цахурском, где форма комитатива -*ква* (ср. *деки-ква* 'с отцом') вытеснила исходную.

Из возможных реликтов форманта *-л̄ъв- в составе именных основ укажем рут. хнюх. *чIира-хь* 'зябь, пар' при лезг. *чIур*, таб. *чIур*, агул. *чIир*, цах. *чIийе* 'пастбище, луг, выгон; земля' (< ПЛ**чIура*).

За пределами лезгинской группы генетическую связь с пралезгинским *-л̄ъв- обнаруживает лак. -*хь* (ср. *къатлу-хь* 'у дома'), а также авар. *хьо*, ботл., годоб. *л̄ъи*, анд. *л̄ъу* 'с'. Сопоставление лакской и авароандийских форм, а также дарг. -*щ*- см. у Б.Т. Бурчуладзе (1979, 62—63).

Пралезгинский аффикс *-к- восстаиавливается на основе следующего ряда соответствий:

ПЛ *-к-: Л -к̨-; Т -к-; А -к-; Р -к̨-; Ц -к-; Ар -к; К -к-; Б -к-.

Помимо исконного значения 'в соприкосновении с ориентиром', сохранившегося, например, в агульском и табасаранском (ср. *цали-к* 'на стене'), в ряде языков развилось значение 'между, среди; в заполнен-

[10] Ш.М. Саадиев (1961, 247) приводит крызские формы с сохранившимся -в: *фургьуну-в* 'у фургона', *куму-в* 'у села' и др.

[11] Не исключено влияние шахдагского локатива на формирование хиналугского дательного падежа, ср. *бый-у* 'отцу', *пхр-у* 'собаке' и т.п.

ном пространстве', ср. лезг. *нехирди-к* 'в стаде', рут. *хьийи-к* 'в воде', цах. *йацбиш-к-аь* 'из быков' и т.п. Такое развитие, на наш взгляд, было обусловлено нейтрализацией оппозиции *вне* ~ *внутри* при сохранении противопоставления контактности~неконтактности.

Достаточно своеобразны функциональные сдвиги в употреблении арч. *-к-*: ныне этот формант используется в качестве аффикса предельного падежа, или терминатива, ср. *тlели-т̄и-к* 'на цветок', *били-хьlа-к* 'в кровь' и т.д., где *-т̄и* и *хьlа-* — соответствующие показатели локализации. Кроме того, данный формант может быть выделен в составе нескольких наречий: *йа-к* 'внутрь', *ими-к, кана-к* 'там', *иши-к* 'здесь'. Конкретный путь развития значения арчинского форманта можно представить следующим образом: первоначально формы локатива серии *в соприкосновении с ориентиром* имели общелезгинскую модель: Косвенная основа +*-к-* (показатель локализации)+∅ (показатель покоя). Эта модель, видимо, сохранилась в вышеприведенных наречиях. Далее происходит нейтрализация лативного и локативного значений в единой форме локатива с последующим вытеснением локативного значения (ср. наречие *йа-к* 'внутрь). На следующем этапе, поскольку косвенная основа имени в определенный период совпадала с формой локатива серии *внутри*, приведенная выше модель трансформировалась в следующую: Косвенная основа+∅ (показатель локализации *внутри*)+*-к* (поквзатель терминатива). Наконец, по аналогии последний показатель стал присоединяться к локативам других серий для выражения направительного значения.

Е.А. Бокарев (1960а, 48) трактовал формы типа рут. *нецlуру-к* 'в реке' как результат семантического развития исходного значения 'под'. На наш взгляд, эта точка зрения нуждается в пересмотре. Дело в том, что во многих языках (лезгинском, рутульском, цахурском, крызском и будухском) в конце слова совпали рефлексы **-к* и **-л̄ъl* (см. табл. 1 во "Введении"). В тех же языках, где такого совпадения не произошло, противопоставление рассматриваемых значений сохраняется отчетливо, ср., например, таб. *нири-к* 'в реке', но *гьари-к̄* 'под деревом'. А.А. Магометов (1965, 1262), характеризуя форму *нирик* во фразе *кучlву нирик* 'войди в реку', отмечал следующую семантическую особенность: "не вглубь, а чуть-чуть войти в реку, ступить ногой в воду". Отсутствует подобное совпадение и в системе превербов, где соответствующие единицы также достаточно четко дифференцированы: ср. рут. *зы хьийик, к-ирхьур* 'я в воду упал', но *зы машинаķ г-ирхьур* 'я под машину попал'.

Ввиду совпадения формантов **-к* и **-лъl* в шахдагских языках сложно выделить здесь рефлексы первого, в силу ограниченности употребления падежей соответствующей серии кругом абстрактных значений, ср. крыз. *ришир кьизилаь сыргьар мейзараь-к чутlулджи* 'девушка золотые серьги в платок завернула', *млаьйир аьныс митфара-к-ин балкан цаьвгьаджу* 'дядя ему к свадьбе коня подарил', *кьаьйи-к-ир гlайаьлби баьсаьрагlаьджиб* 'от холода дети дрожали'; буд. *вын накьа че-к-ир х'аркьуджи* 'ты вчера о чем говорил?' (падеж на *-к-ин* в будухском не сохранился, что же касается локатива на *-к*, то он зафиксирован лишь в форме *миткери-к* 'на свадьбе'). Не исклю-

чено, впрочем, что абстрактные значения были развиты уже у падежа, совмещавшего значения 'под' и 'в соприкосновении с', т.е. уже после совпадения исконных *-*к* и *-¯*лъI*.

Палатализация рут. -*к*, вероятно, первоначально имела место лишь после гласных переднего ряда -*и*, -*е* и лишь затем произошла унификация и в остальных позициях. Впрочем, можно предполагать и исконную палатализацию, обусловленную латеральным происхождением данного форманта.

Пралезгинский аффикс *-*хъ* обнаруживает следующие рефлексы (См. Бокарев 1960а, 47): ПЛ *-*хъ*: Л -*хъ*; Т -*хъ*; А -*хъ*; Р -*х*/-*хъ*; Ц -*хъа*; Ар -*х*- (?); К -*х*; Б -*х*; У -*х*.

Наряду с исконным значением 'за' (ср. лезг. *столди-хъ* 'за столом', таб. *дагълари-хъ* 'за горами', агул. *гагади-хъ* 'за отцом', рут. *диды-х-да* 'за отцом') во многих языках за локативом данной серии закрепилось значение принадлежности: лезг. *стхади-хъ* 'у брата', агул. *руша-хъ* 'у девочки', крыз. *куму-х* 'у села', буд. *шийу-х* 'у брата'). Наиболее серьезные изменения в семантике данного форманта произошли в удинском языке, где он ныне выступает в функции локатива (без конкретизации), а также оформляет прямое и косвенное дополнения. При этом, очевидно, имела место нейтрализация в едином -*х* исходных *-*хъ* и *-*л̄ъв*. В рутульском формант -*х*(*хъ*) наличествует только в составе сложного показателя -*х-да* и коррелирующего с последним аблатива -*х-ла*(*хъ-ла*). В цахурском показатель -*хъа* выполняет ныне функции направительного падежа: *мактабе-хъа* 'в школу' и т.п. Проблематично вычленение рефлексов *-*хъ*- в составе арчинского транслатива -*хут* (ср. *нолъIа-х-ут* 'через комнату') и компаратива -*хур*.

Следует также отметить, что формант -*хъ*/-*х* во многих языках сохраняет материальную общность с соответствующими глагольными префиксами и пространственными наречиями (агул. *хъа* 'потом', рут. *хъу* 'назад, арч. *хир* 'сзади, за').

В связи с общедагестанскими параллелями пралезг. *-*хъ* укажем на реконструкцию общедаг. *-*хъ* (Гигинейшвили 1976, 36). Следует также добавить, что хин. -*х* (*вишаь-х* 'у дерева' и т.п.) может быть результатом влияния крызского и будухского языков.

Пралезгинский формант *-*къI* представлен следующим рядом форм: ПЛ *-*къI*: Т *къI*/-*гъI*; А -*гъI*; Ар -*хъI* (см. Кахадзе 1973, 42).

Исходное значение показателя сохранилось во всех вышеназванных языках, ср. таб. дюб. *шиввари-къIи* 'среди девушек', таб. хив. *рачнари-гъI* 'в углях', агул. *лакари-гъI* 'между ног', арч. л̄ъанни-хъI 'в воде' и т.п. Это же значение обнаруживают соответствующие табасаранские и агульские глагольные префиксы. В остальных языках данный показатель был вытеснен, с одной стороны, рефлексами *-*к* и, с другой стороны, *-ʾ-.

Пралезгинский показатель *-*гь* восстанавливается лишь на основе табасаранских и агульских рефлексов: ПЛ *-*гь*:Т -*гь*; А -*гь*.

Более устойчивой данная форма оказывается в агульском (ср. *за-гь* 'передо мной'). В табасаранском же она замещается на -*хъ*. Отсутствие рефлексов *-*гь* в остальных языках объясняется его относительной неустойчивостью, а также экспансией показателя *-*л̄ъв* и

нек. других. Генетически связаны с данным показателем пространственное наречие *гь(в)и-р и соответствующие глагольные префиксы.

Пралезгинский формант *-л̄ъI является одним из наиболее устойчивых: ПЛ *л̄ъI: Л -к; Т -к̄; А -к̄; Р -к, Ц -к; Ар -лъI; К -к; Б -к.

Исконное значение показателя сохранилось почти во всех языках, ср. лезг. т̄ара-к 'под деревом', таб. гьари-к̄ 'под деревом', агул. ачIе-к̄ 'подмышкой', рут. халы-к, 'под домом', цах. ха̄-к 'под домом', арч. х̄Iелми-лъI 'под дождем', крыз. дагьараь-к 'под камнем'. В будухском рефлексе *-л̄ъI, если не считать примеров, приведенных выше, обнаруживается лишь в составе послелога кьани-к 'под' (ср. аналогичное строение хиналугского послелога кIаны-кI 'под'). В удинском рефлексы *л̄ъI не обнаружены. Предположительно аффикс лъI выделяется также в арчинском -лъIәна: ва-лъIә-на 'вместо тебя' и т.п. О соответствующем прадагестанском форманте см.: Бокарев 1960а, 48; Гигинейшвили 1976, 35.

Имеются основания реконструировать еще один пралезгинский показатель локализации *-р, сохранившийся ныне лишь в арчинской дефектной серии местных падежей, ср. мулли-р-аш 'от горы', мулли-р-ши, мулли-р-ак 'к горе'. Собственно локативная форма данной серии сохранилась в арч. боIш̄о-р 'сто', кьот̄о-р 'двадцать', моцIо-р 'десять', используемых в составных числительных, а также в наречиях хи-р 'после', лъIи-р 'внизу' и микIи-р 'во сне'[12]. Последняя лексема разъясняет строение крыз. нэкьир, буд. некьир 'сон', представляющих, как можно полагать, застывшие формы местного падежа.

На рефлексы *-р в шахдагских языках могут указывать и соответствующие элементы в составе наречий: крыз. гIуь-р-ик 'перед', сы-р-аь 'сзади', буд. гIу-р-ен 'впереди', ко-р-аьн 'внизу', во-р-аьн 'вверху'. Не исключено, что с *-р связано происхождение в этих языках аблатива -р: буд. хаба-р 'из руки', ану-во-р 'у него', йечи-ки-р 'из яблока', крыз. дагъджаь-р 'с горы', ший-ваь-р 'у брата', сар-ки-р 'от медведя' и т.п.

Категория числа

Ныне в лезгинских языках достаточно последовательно проводится противопоставление единственного и множественного числа имен. В формантах, выражающих значение множественности, однако, имеются определенные расхождения, вследствие чего целесообразно охарактеризовать имеющиеся в современных языках морфемы мн. числа.

Наименее разнообразны способы образования мн. числа в восточнолезгинских языках. В лезгинском языке основная масса имен принимает аффикс -ар, имена с гласным исходом — -йар и односложные имена с передним гласным основы — -ер. Ряд существительных, обозначающих парные предметы, принимает двойной суффикс мн. числа: пIуз-ар-ар 'губы', ракI-ар-ар 'двери' и др. Аналогично распределение аффиксов -ар, -йир и -ер в табасаранском языке. Агульский язык имеет

[12] Об арч. -р см.: Микаилов 1967, 57.

суффиксы *-ар* для имен с согласным исходом и диалектные варианты *-бур* (тпиг.), *-вур* (бурк.), *-йар* (рич.) для имен с гласным исходом.

Суф. *-ар(-ер)* обнаруживается также в рутульском, но лишь при одушевленных именах, ср. *хыдыл-ар* 'внуки', *тӀыб-ар* 'совы', *чӀит-ер* 'блохи' и т.д. Многосложные имена одушевленные при этом, как правило, принимают аффикс *-мар(-мер)*: *г̄ыбг̄ыб-мар* 'удоды', *дәбдәбәл-мар* 'бабочки' и т.п. Остальные существительные имеют суффикс мн. числа *-быр*. К нестандартным способам образования мн. числа можно отнести следующие: а) аффикс *-е(аь)*, ср. *убул* 'волк' — *убле*, *мыхӀыл* 'козленок' — *мыхӀле* и нек. др.; б) аффикс *-бе*, ср. *си-бе* 'медведи', *рыш-бе* 'девушки', *шу-бә* 'братья'; в) аффикс *-абар*, ср. *нин-абар* 'матери', *дид-абар* 'отцы'. Кроме того, некоторые названия парных частей тела образуют мн. число с помощью суф. *-абыр*: *ул-абыр* 'глаза', *убр-абыр* 'уши', *хыл-абыр* 'руки', *гьил-абыр* 'ноги', *гыл-абыр* 'передние ноги'. В эту же группу условно можно отнести лексемы *сыс* 'зуб' (мн. *сыл-абыр*) и *тӀили* 'палец' (мн. *тӀил-абыр*). Специфическими показателями характеризуется в рутульском языке косвенная основа мн. числа: -мыр- (прямая *-быр*), *-маш-* (прямая *-мар*), *-аш-* (прямая *-ар*).

Цахурская система аффиксов мн. числа заметно упрощена по сравнению с рутульским языком: здесь можно выделить аффиксы *-ар*, имеющий по сравнению с рутульским аналогом более широкую сферу употребления (ср. *худ-ар* 'кулаки', *хив-ар* 'селения' и др.), и *-бы*, соответствующий рутульскому *-быр*. Названия некоторых парных частей тела имеют суф. *-айы*: *ул-айы* 'глаза', *хул-айы* 'руки'. В косвенной основе мн. числа регулярно используется суф. *-ш-*, ср. *балканар-ш-ин* 'лошадей', *кулфатби-ш-ин* 'детей' и т.п.

В арчинском имеются два регулярных суффикса мн. числа: *-мул* для имен с согласным исходом (*бикьв-мул* 'места', *дальӀ-мул* 'двери') и *-т̄у* — с гласным (*чӀеле-т̄у* 'камни', *дуру-т̄у* 'лекарства'). Оба аффикса, как можно полагать, являются относительно поздними образованиями: первый восходит к идентичному суффиксу, образующему отглагольные имена[13] (*ас-мул* 'измерение', *букьӀ-мул* 'возвращение'), для второго можно указать на идентичный аффикс адъектива (ср. *мацӀа-т̄у* 'новый'). Не исключен и заимствованный характер аффикса *-т̄у*, ср., например, лак. *-рду*: *х̄ьири-рду* 'моря', *хьулу-рду* 'двери', *т̄а-рду* 'овцы' и т.п. Из лакского же был заимствован суф. *-тил*, используемый при именах, обозначающих людей, ср. арч. *душман-тил*, лак. *душман-тал* 'враги'.

К непродуктивным суффиксам относятся *-ом/-ум* (в именах с сонорным исходом: *цӀор-ом* 'имена', *хӀошон-ум* 'рубахи', *хал-ум* 'норы', *гьархъ-ум* 'крыши' и др.), *ор/-ур* и *-от/-ут*. Последние два аффикса не имеют четкого распределения, хотя в этом отношении прослеживаются некоторые тенденции, например, употребление *-от/-ут* в словах с исходом на губной согласный. Кроме того, имеется ряд слов с уникальными суффиксами *-кьул* (*г̄об-кьул* 'рты', *цет-кьул* 'пороги' и др.), *-рул* (*нус-рул* 'зятья, невестки' и нек. др.), *-шул* (*дальӀ-шул* 'двери',

[13] Б.А. Серебренников (1974, 171) на материале тюркских и финно-угорских языков отмечает обратное направление развития.

декьI-шул 'дороги') и др. Из суффиксов косвенной основы мн. числа укажем здесь *-чай* (*унсур-чай* 'быки'), *-ай* (при суф. мн. числа *-ту*: *аIри-т̄-ай* 'отряды').

Аффиксы мн. числа в крызском языке имеют фонетическое распределение: *-аьр* употребляется в многосложных словах (*-р* — в именах с гласным исходом, ср. *мичIек-аьр* 'ногти', но *чIефа-р* 'пуговицы'), исключая основы с сонорным исходом (суф. *-би*: *йетыр-би* 'бедра', *сибел-би* 'усы') и с интервокальным сонорным (суф. *-им*: *хилих* 'кобыла' — *хилх-им*, *кIаьлбаь* 'туалет' — *кIаьлб-им*). Аналогично распределены суффиксы *-би* и *-им* в односложных словах: *хал-би* 'родинки', но *кIарцI-им* 'котлы'. При исходе слова на *-н* и *-нС* часто встречается также суф. *-иб*: *фаьн-иб* 'животы', *гаьндж-иб* 'кизяки' и др. Мн. число названий животных образуется с помощью суф. *-ар*: *кил-ар* 'ягнята', *дзыр-ар* 'коровы', *лех'-ар* 'телята' и др. В остальных случаях употребляются аффиксы *-ри* и *-ни*, не имеющие видимого распределения. Надо сказать, что приведенные выше правила имеют ощутимое количество исключений, ср. *бел-им* 'лбы', *гIуьл-им* 'глаза' (ожидалось бы *-би*) и др.

В ряде случаев зафиксировано использование двойных аффиксов. При этом выбор второго аффикса всегда обусловлен: *-им* при *-ри* (*хаьб-ри-м* 'руки', *каьч-ри-м* 'рога', *легь-ри-м* 'осока', *пекI-ри-м* 'губы', *бег-ри-м* 'бока'), *-ри* при *-би* (с метатезой: *кыл-ыр-би*<**кылбири* 'руки', *куларби*<**кулбири* 'кусты'), *-би* при *-им* (*рукумби* 'леса', *раькимби* 'дворы'). Как видно из примеров, двойные суффиксы характеризуют парные предметы ('двор'< * 'дверь'), а также названия растений.

Будухский язык по сравнению с крызским характеризуется большим удельным весом двойных аффиксов: так, имена с гласным исходом получают здесь дополнительный аффикс *-бер* (~крыз. *-би*), ср. *нусу-р-бер*, *крыз. нисар* 'сыры'; крызским *-би*/*-иб* здесь соответствует сложный суф. *-иб-ер* (крыз. *гIин-иб*~буд. *гIин-иб-ер* 'кишки'). Кроме того, в будухском нейтрализовано противопоставление суффиксов *-ни* и *-ри*: в обоих случаях здесь выступает *-ри*: крыз. *бичIри*~буд. *бычIри* 'пупки'; крыз. *цIегI-ни*~*буд. цIегI-ри* 'козы'. Суф. *эр* (~крыз. *-ар*) представлен лишь в именах *хор-эр* 'собаки', *кыс-эр* 'куры', *х'анар* 'волы' и *зэр-эр* коровы.

В удинском широкое распространение получили "двойные" суффиксы *-ур-ух* (в односложных существительных: *аIл-урух* 'куропатки', *беIк-урух* 'иглы' и т.д.) и *-м-ух* (обычно в именах с сонорным исходом: *афар-мух* 'пирожки', *ќотор-мух* 'куски', *лашькой-мух* 'свадьбы', *очьал-мух* 'земли' и др.). Самостоятельное употребление имеет довольно продуктивный суф. *-ух*, ср. *тавар-ух* 'топоры', *ǐогьоǐ-ух* 'жуки', а также его варианты *-ох*, *-хо* и *-гьо-* (последний в косвенных падежах). Довольно редко отмечается использование самостоятельного суф. *-ур*: в словах *айакъ* 'стакан', *бадаќ* 'бекмез', *ќаIнќаIл* 'ком', *ќочъ* 'рукоятка', *къарамадж* 'созревший каштан', *хьур* 'ком земли', *магьI* 'песня', *ме* 'нож', *сун* 'локоть', *тан* 'личность', *хе* 'вода', *ǔи* 'имя', *ǔирик* 'цыпленок', *ча* 'шерстяная веревка', *чот* 'край', *борзун* 'хлеб', *зиќламой* 'качели'. Почти все приведенные лексемы параллельно образуют мн. число с помощью *-ух* или его вариантов.

Уникальной особенностью удинского языка, пожалуй, можно

назвать достаточно высокий процент слов, основа ед. числа которых содержит окаменелый формант мн. числа. Так, выделяя окаменелые суффиксы мн. числа *-ух* и *-ох* в лексемах *бихаджух* 'бог', *чубух/чувух* 'женщина, жена', *елмух* 'дух, душа', *гъирух* 'пост' (рел.), *имух* 'ухо', *улух* 'зуб', *арух* 'огонь', *бурух* 'гора', *горух/горох* 'грех', *чомох* 'дверь', *хъIолохI* 'брюки, штаны', *бохIмохI* 'нос' и др. Е.Ф. Джейранишвили (1971, 282—283) не только отметил подобие этих имен формам мн. числа с точки зрения особенностей их склонения, но и предложил интерпретацию этого явления: лексемы *бихаджух* и *чубух* могут, по его мнению, служить свидетельством древнего политеизма и полигамии, лексемы *улух, имух, k̄аджух* — отражать естественную множественность отражаемых реалий *зуб/зубы, ухо/уши, борода/волосы*, для некоторых лексем предложен сдвиг значения: 'нос'<*'ноздри', *k̄одох* 'лоб'<*'виски', 'пост'<*'дни (поста)' и т.п. (В связи с этим см. также: Джейранишвили 1948; Панчвидзе 1974а, 65).

Продолжением пралезгинской традиции среди ныне функционирующих в лезгинских языках аффиксов числа можно считать, во-первых, лезг. *-ар/-ер*, таб. *-ар/-ер/-йир*, агул. *-ар/-йар*, рут. *-ар/-аьр*, цах. *-ар*, крыз. *-ар/аьр*, буд. *-эр*, восходящие к ПЛ **-ар*. Судя по материалам рутульского, цахурского, крызского и будухского языков, этот суффикс был характерен для одушевленных имен, что в свою очередь может находиться в определенной зависимости с употреблением показателя косвенной основы **-ра*. Не ясна связь с приведенными формами арч *-ор/-ур*, крыз., буд. *-ри*, уд. *-ур*: во-первых, эти аффиксы указывают скорее на ПЛ **-ор* и, во-вторых, их употребление не соотносится с семантикой имен, принимавших ПЛ **-ар*. В некотором роде исключение составляют лишь арч. *-ор/-ур*, зафиксированные также у ряда названий животных: *унс-ур* 'быки', *бос̄-ор* 'туры', *бох̄I-ор* 'туры', *бол̄ъI-ор* 'свиньи', *ноцI-ор* 'птицы', *кьон-ор* 'козлы', *хъIой-ор* 'куропатки', *с̄ол-ор* 'лисы', *бош-ор* 'телята', *лок̄ъI-ор* 'орлы', *ноIш-ор* 'лошади'.

В окаменелом виде аффикс *-ар* и его варианты можно обнаружить, например, в следующих лексемах:

лезг. *н-ер*, хл. *ил-ер* 'нос' (<**му'ил-ар*) при агул. *му'ул* 'клюв', арч. *муIл* 'сопли', крыз. *ми'эл*, буд. *ме'ел*<ПЛ **му'ел* 'нос';

арч. *куп-ар* 'поверхность гумна (сухой навоз и солома)' при лезг. *купI*, таб. *купI*, агул. *куб*, рут. *кыб*<ПЛ **купI* 'кизяк'.

Вторым общелезгинским суффиксом мн. числа можно считать **-ым*, представленный следующими рефлексами: рут. *-м-* (в *-м-ар*); ихр. *-ым*, крыз. *-им*, буд. *-им*, арч. *-ом/-ум*; уд. *-м-* (в *-м-ух*). Однако следы функционирования пралезгинского суф.**-ым* не ограничиваются приведенным списком языков. Дело в том, что целый ряд слов в табасаранском, цахурском и других языках как будто имеет в своем составе окаменелый формант мн. числа, ср. лезг. *хьирхьам* 'мох (<**лъерлъ*), таб. *гурдум* 'почка' (<**кIвыртI-*), *кIурам* 'копыто' (<**кIвир-*), агул. *тIалтIам* 'веснушка' (<**тIΛтI*), цах. *кIылкIам* 'печень' (<**лаьлъI*), *зылзам* 'селезенка' (<**ц̄вилерц̄в*); уд. *зизам* (<**ц̄вилерц̄в*) и др.

Хотя довольно соблазнительным представляется разложение аффикса **-йыр* на **-й* (классный показатель ?) и **-ыр* (<**-ар*), сущест-

вование его в пралезгинском прослеживается достаточно отчетливо:

ПЛ **йыр*: Л *-бур;* А *-бур, -вур;* Р *-быр;* Ц *-бы;* Ар *-бур* (*ло-бур* 'дети'); Б *-ибер/ /-рбер;* К *-би/-иб.*

В то же время находятся свидетельства в пользу реконструкции самостоятельного показателя множественности *-ай̄*. Во-первых, это наличие рутульско-цахурского форманта *-ай̄-ыр*, характерного для названий парных частей тела, ср. рут. *хыл-абыр,* цах. *хул-айы* 'руки'. Во-вторых, об этом же говорит разложимость некоторых лексем других языков, ср. таб. *слиб,* агул. *силеб* 'зуб' (<*сыл-*). В исконной форме мн. числа, возможно, зафиксирована и лексема **льIор-ай̄* 'кость'.

В специальной литературе (см., например, Топуриа 1973, 259) не раз высказывалась мысль о происхождении формантов мн. числа из классных экспонентов. В связи с этим можно указать на возможность интерпретации выделенных формантов как классных показателей сильной серии соответственно I—II (*-р->*-ар) и III (*-й̄->*-ай̄-) классов. Последний и ныне используется для образования мн. числа адъективов в целом ряде языков. Дополнить полученную картину может сопоставление с показателем IV класса *-т̄- арч. *-от/-ут.* Естественно, данное предположение можно принять пока лишь в качестве рабочей гипотезы, поскольку нынешнее распределение соответствующих аффиксов никоим образом не соответствует классному разбиению именной лексики.

Видимо, более перспективной следует признать трактовку Г.Х. Ибрагимова (1974а), согласно которой в ряде языков отражается былое противопоставление ограниченного (двойственного ?) и неограниченного мн. числа. В связи с этим показатели *-ым и *-ай̄ можно интерпретировать как форманты двойственного, а *-ар — мн. числа. Как указывает Г.Х. Ибрагимов (1978, 201), противопоставление двойственного и множественного чисел сохраняется в ихрекском диалекте рутульского языка: *хыл-аб* (дв.)~*хыл-аб-ыр* (мн.) 'руки'. Двойная аффиксация для выражения множественного неограниченного достаточно широко распространеиа и в будухском языке: *сил-им* (огр.)~*сил-им-бер* (неогр.) 'зубы'; *пэкI-ри* (огр.)~*пэкI-ри-м* (неогр.) 'губы' и др. Вместе с тем нельзя сказать, что будухский язык непосредственно отражает пралезгинскую ситуацию, поскольку для выражения ограниченного множественного здесь может использоваться и аффикс *-ри,* исконно обозначавший неограниченную множественность (подобное обстоятельство вызвано, видимо, фонетическими причинами).

Помимо перечисленных, можно отметить еще несколько суффиксов, дающих межлезгинские параллели. Хотя их распространение ограничивается двумя-тремя языками, все же нет пока основаиий отвергать их архаичность. Любопытно, что все эти параллели затрагивают арчинский язык:

арч. *-е* (в *лIел-е* 'мужчины')~рут. *-аь* (ср. *выг̆л-аь* 'мужчины' и т.п.). Е.Ф. Джейранишвили (1966а, 31) полагает *аь*<*аьр,* однако без какой-либо аргументации;

арч. *-ш-* (в *дальI-ш-ул* 'двери', *декьI-ш-ул* 'дороги')~рут. *-ш-* (в *-маш-, -аш-*), цах. *-ш-;*

арч. *гь-* (в *кур-гь-ул* 'руки' от *кул* 'рука')~уд. *-ух/-ох/-хо/-гьо-*. Г.В. Топуриа (1973, 259) по поводу уд. *-х-*, отмечая, что этот суффикс стоит особняком, признает, вслед за Е.Ф. Джейранишвили (1966а, 32), его древность.

Для арч. *-шул* и *-гьул*, равно как и для *-рул* в *нус-рул* 'зятья, невестки', *диш-рул* 'девочки', *виш-рул* 'мальчики', *-кьул* в *кIветI-кьул* 'губы', *муш-кьIл* 'носы', *č̄об-кьул* 'рты', *цер-кьул* 'горные гребни', *цет-кьул* 'пороги', *чIер-кьул* 'стены', можно предложить иное толкование. Если принять во внимание возможность семантического развития от суффиксов отглагольных имен к суффиксам множественности, то перечисленные аффиксы, видимо, можно трактовать как своеобразные реликты отглагольных имен, где *-ш-*, *-гь-*, *-кь-* и *-р-*(?) — корневые элементы.

Общедагестанские параллели обнаруживают следующие пралезгинские форманты мн. числа:

ПЛ **-ай-*~ав. *-(а)би*, год. *-бе*, кар. *-би*, багв. *-би*, тинд. *-би*, чам. *-бе*, цез. *-би*, хварш. *-ба*, гин. *-бе*, бежт. *-бо*, гунз. *-ба*, дарг. *-би*;

ПЛ **-ȳыр*~дарг. *-урби*, хин. *-(а)быр*;

ПЛ **-ым*~дарг. *-ми*, хин. *-ам(зыр)*;

ПЛ **-ар*~дарг. *-ри*, лак. *-ри*, хин. *-ыр*.

Интересно заметить, что определенные соответствия имеются и для ограниченных одним-двумя языками показателей: крыз. *ни*~дарг. *-ни*, хин. *-н*; арч. *-е*, рут. *-аь*~бежт. *-а*; арч., рут., цах. *-ш-*~чеч., инг. *-ш*.

Категория класса

В целом имя существительное в лезгинских языках не имеет морфологической категории класса (о лексических классах см. "Синтаксис"). В то же время в современной лезгиноведческой литературе достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой в составе имен существительных в рассматриваемых языках следует вычленять окаменелый классный префикс. Так, подобный префикс выделяют в лезг. *р-икI* 'сердце', *й-ак* 'мясо', *р-агь* 'солнце', *й-уг* 'молотьба', *р-аьхъ* 'дорога', *й-укI* 'аршин', *й-ис* 'год, шерсть' (Гаджиев 1958, 221); в таб. *й-укI* 'сердце', *й-ак* 'мясо', *р-игь* 'солнце', *й-ис* 'год', *й-ишв* 'ночь' (Магометов 1965, 89); в агул. *й-агь* 'день', *р-ак̄* 'дверь', *д-иф* 'туча', *в-аз* 'месяц, луна', *н-ек̄* 'молоко', *л-уф* 'голубь' (Магометов 1970, 44—48) (см. также: Мейланова 1962; Алипулатов 1974; Магометов 1962; Мейланова 1964а). Модель "Классный префикс+корень" проецируется и на общедагестанский хронологический уровень (Лексика 1971, 62—67).

Эта гипотеза основывается прежде всего на двух посылках: во-первых, в разных языках генетически родственные лексемы имеют различные анлаутные сонорные и др. согласные (ср.: лезг. *й-укI*, дарг. *д-екI*, лак. *н-акI* 'локоть, аршин'), как будто не соответствующие друг другу фонетически, что наталкивает на мысль об использовании в данном случае различных классных экспонентов; во-вторых, эти же анлаутные согласные в целом функционируют в ряде языков в качестве живых классных экспонентов.

При оценке данной гипотезы следует учитывать несколько обстоятельств. Прежде всего в подавляющем большинстве случаев рассматриваемые анлаутные элементы могут быть сведены к строгим фонетическим соответствиям (см., например: Талибов 1960а, 291—292 о соответствии *р~й~д~з*; Гигинейшвили 1977, 74—75 о соответствии *в~б*). Следовательно, отпадает необходимость в морфологической трактовке наблюдаемых расхождений.

Вследствие этого решающим фактором в определении функциональной нагрузки анлаутного согласного становится его семантическая интерпретация, мотивировка его употребления. С этой точки зрения возможные случаи окаменелых классных экспонентов в составе имен можно распределить на три группы. Первую группу составляют пары существительных **вΛ-чый* 'брат' (>таб. *чви*, агул. *чу*, рут. *щу*, цах. *чодж*, арч. *уш-ду*, крыз. *ши-д*, буд. *ши-д*, уд. *вичи*)~ **ры-чый* 'сестра' (>таб. *чи*, агул. *чи*, рут. *риши*, арч. *дош-дур*, крыз. *ши-дыр*, буд. *ши-дыр*, уд. *хун-чи*); **ў-уй* 'мальчик, сын' (>арч. *виш-ду* 'новорожденный мальчик')~**р-уй* 'девочка, дочь' (>лезг. *руш*, таб. *риш*, агул. *руш*, рут. *рыш*, цах. *йыш*, крыз. *риш*, буд. *риж*, арч. *диш-дур* 'новорожденная девочка'). Эти лексемы, как указывалось в специальной литературе (см.: Иллич-Свитыч 1965, 335; Талибов 1969, 83), имеют отглагольное происхождение. На отглагольный (причастный) характер их указывает, в частности, сохранение конечных показателей адъектива *-д*, *-ду* и т.п. в арчинском и некоторых других языках. Выделение окаменелых классных префиксов представляется естественным и в других отглагольных именах (см., например, Джейранишвили 1956).

Вторая группа представлена довольно широким классом имен с анлаутными **й-*, **р-*, относящихся к IV классу, и **в-*, **ħ-*, **м-*, относящихся к III классу (примеры см. в гл. "Синтаксис"). Наличие этих групп, как будто, служит основанием для вычленения окаменелых классных показателей в целом ряде имен, причем достаточно прозрачной оказывается и функциональная нагрузка этих префиксов — указывать класс имени, содержащего префикс. Принятию данной гипотезы препятствуют противоречащие примеры, ср:

ПЛ**йа* 'мать' II (>лезг. хл. *йа'*, цах. *йе-д*, арч. *ей-т̄ур*);

ПЛ**йамц* 'бык, вол' III (>лезг. *йац*, таб. *йиц*, агул. *бец*, рут. *йас*, цах. *йац*, арч. *анс*, уд. *ус*);

ПЛ**йич̄ин* 'лицо' III (>лезг. *ч̄ин*, крыз. *иджин*, буд. *иджин*, уд. *ч̄о*);

ПЛ**раьк̄ъI* 'дорога' III (>лезг. *рехъ*, таб. *ракъI*, агул. *ракъI*, рут. *рахъI*, цах. *йахъI*, арч. *декьI*, уд. *йакъ*);

ПЛ**рих* 'тропинка' III (>таб. *рих*, *крыз*. *рих*, буд. *рих*);

ПЛ**марльв* 'дождь' IV (>лезг. *марф*, таб. *мархь*, агул. фит. *марф*, рут. хнюх. *маф*, арч. *моль*, буд. *мэф*);

ПЛ**ма'I* 'сало, жир' IV (>лезг. *макь*, агул. *мав*, рут. *ма'*, цах. *ма'а*, крыз. *маь'*, буд. *ма'*, арч. *май*);

ПЛ**миркьIв* 'ржавчина' IV (>лезг. *муьрхъ*, таб. *мурк̄ъI*, агул. *макьIв*, рут. *мыхъI*, крыз. *мэхъ*, уд. *могъI*);

ПЛ**ħай* 'мать; женщина; бабушка' II (>лезг. *ħаб*, таб. *баб*, агул. *бав*, рут. *баб-ай*, арч. *бува*, буд. *бэб*).

Что же касается имен с анлаутными *л-, *н- и *т̄- (>д-), то они в равной степени могут относиться как к III, так и к IV классу.

Отсюда оказывается предпочтительнее иная трактовка рассматриваемой группы имен: в лезгинских языках имеется достаточно устойчивая тенденция уподобления классной принадлежности имени его начальным согласным (дентальный — IV класс, губной — III класс). При анализе лексического материала выявляется неравномерность действия этой тенденции: более сильным оказывается ее проявление по отношению к губным. Так, в арчинском языке "подавляющее большинство слов, начинающихся с согласных (b), (m), попадают в III класс" (Самедов 1975, 22).

Наконец, нельзя пройти мимо тех фактов, которые, как будто, указывают на функционирование в именах классных префиксов в притяжательном значении. Так, при таб., агул. *фун*, рут. *ухьун*, цах. *вухьун*, крыз. *фаьн* 'живот', восходящих к **вольвын*, в лезгинском имеем *руфун*, указывающее на ПЛ **рольвын*. Подобное соотношение позволяет интерпретировать анлаутные **в-* и **р-* как соответствующие показатели I и II классов. Не противоречит выделению *префиксальных притяжательных показателей II класса и семантика* имен**х̄Iева* 'вымя' (ср. лезг. *ре-гъуь* при таб. *хIав*, агул. *хав*, рут. *хIыв*, цах. *хIу*, крыз. *х'аьви*, буд. *х'ави*) и **лIаьн* 'послед' (рут. *нихьраь*< **ры-лIаьн* при лезг. *ген*).

Относительная немногочисленность подобных примеров не позволяет, впрочем, судить о возможности регулярного употребления классных показателей в именах на пралезгинском уровне. Возможно, уже в эту эпоху подобное их функционирование имело ограниченный характер. Нельзя не отметить случаи реликтового использования классных префиксов в нахских языках и в даргинском, рассматриваемые как бесспорные архаизмы (см., например: Климов 1971, 75; Хайдаков 1980, 220; и др.).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Категория имени прилагательного более или менее отчетливо выделяется практически во всех лезгинских языках. Вместе с тем некоторые явления позволяют судить о сравнительно позднем формировании данной части речи. К числу таких явлений в первую очередь можно отнести неоднократно отмечавшееся в специальной литературе отсутствие во многих дагестанских (и, в частности, лезгинских) языках относительных прилагательных. Как известно, роль последних обычно выполняет здесь форма генитива соответствующего имени существительного: ср. лезг. *ц̄урун к̄вар* 'медный кувшин', таб. *рукьан муч̄вур* 'железная ложка', агул. *кIуранин кьас* 'деревянная кровать'. Реже в роли определения может выступать абсолютный падеж: таб. *баб марч̄* 'овцематка' и т.п.

Имеются основания полагать, что и качественные прилагательные лезгинских языков — явление относительно новое. На это указывает, например, отсутствие в некоторых из них "полноправных" прилагательных со значениями 'полный', ' круглый', 'высокий', 'большой', 'хромой', 'сухой'. В рутульском языке, в частности, эти зна-

чения передаются причастиями соответствующих глаголов, ср. *гьархыд* 'высокий', *ацІыд* 'полный', *ругъуд* 'круглый', *сиг̆ыд* 'теплый' и др., представляющие собой формы причастия совершенного вида от глаголов *гьархас* 'быть/стать высоким', *ацІас* 'наполниться', *ругъас* 'быть/стать круглым; крутиться', *сиг̆ас* 'теплеть'. Примеры такого рода можно легко обнаружить и в других лезгинских языках, ср. лезг. *к̄удай* 'горячий' (*к̄ун* 'гореть'), *елкьвей* 'круглый' (*елкъуьн* 'вращаться'), *кьурай* 'сухой' (*кьурун* 'сохнуть'), *ацІай* 'полный' (*ацІун* 'наполняться').

Наконец, непосредственным свидетельством отглагольного происхождения качественных прилагательных в лезгинских языках являются данные арчинского языка, где формы типа *ахъат̄ут* 'длинный', *бейт̄ут* 'старый', *бех̄Іет̄ут* 'черный', *мут̄ут* 'красивый', *тІит̄ут* 'маленький' и т.п., квалифицировавшиеся традиционно в качестве прилагательных (см.: Микаилов 1967, 67—74; Кахадзе 1973, 10), оказываются по существу причастиями соответствующих стативных глаголов — *ахъа* 'быть длинным', *бай* 'быть старым', *бех̄Іе* 'быть черным', *му* 'быть красивым', *тІи* 'быть маленьким', характеризующихся специфическими формами глагольного словоизменения (Кибрик и др. 1977, т. 1, 72).

Хотя имя прилагательное как самостоятельная часть речи в пралезгинском языке, видимо, отсутствовала, можно говорить о наличии более широкого класса лексем, объединяемых в категорию адъектива. Отличительным признаком этой категории служило наличие аффикса субстантивации *-т̄Λ-, реконструируемого на основе следующих сопоставлений: ПЛ *-т̄Λ-: Л *-д-*; Т *-д-*; А *-д-*; Р *-д-*; Ар *-т̄у-*; К *-д-/-дж*; Б *-д-/-дж-*; У *-т̄-*.

Выступая в роли определения, пралезгинские адъективы не склонялись (то же можно сказать и о современных лезгинских языках). Лишь при самостоятельном их употреблении возникала необходимость в падежном словоизменении. При этом падежный показатель аффигировался не непосредственно к основе, а к аффиксу субстантивации *-т̄Λ-. Механизм склонения адъектива можно продемонстрировать на примере удинского языка (См.: Джейранишвили 1971, 293):

Абс.	*шело* 'хороший'
Эрг.	*шел(о)-т̄-ин*
Род.	*шел(о)-т̄-ай*
Дат.	*шел(о)-т̄-ух*

В целом исконные функции пралезгинского *-т̄Λ- сохранились в современных языках, однако они обнаруживают заметное разнообразие в сфере его применения. В лезгинском языке аффикс *-д-* используется при субстантивации адъективов в ед. числе, причем прилагательные имеют данный аффикс и в абсолютиве, а указательные местоимения только в косвенных падежах, ср. *йару* 'красный' — абс. пад. *йару-ди*, эрг. пад. *йару-д-а* и т.п., *и-м* 'этот' — эрг. пад. *и-д-а* и т.д. В табасаранском отмечается функционирование *-д-* и в формах мн. числа: *ахІу* 'большой', но *ахІу-д-ар* 'большие' (*-ар* — суф. мн. числа). Наблюдается этот аффикс также при склонении

табасаранских прилагательных (класс вещей) и некоторых местоимений: *мани-б* 'теплое' — эрг. пад. *мани-б-ди*; *думу* 'он, оно, она' — эрг. пад. *ди-ди* (класс вещей).

Сходная ситуация наблюдается в агульском языке, ср. худ. *идже-д* 'хороший' — эрг. пад. *идже-д-и*, мн. ч. *идже-д-ар*; кур. *идже-ф* 'хороший' — эрг. пад. *идже-т̄-и*, мн. ч. *идже-т̄-ар*. Как видим, в курагском *идже-ф* имеем окаменелый классный показатель (III класс), что же касается кудигского *идже-д* и остальных форм, то здесь, вопреки распространенному в специальной литературе мнении (см. Магометов 1970, 48), скорее следует говорить о рефлексе *-т̄Λ-.

Шахдагские языки сохранили рефлексы *-т̄Λ- только в формах абсолютива, причем здесь, вероятно, имела место морфологизация процесса палатализации *д*>*дж* (видимо, в позиции перед классным показателем *-й-): ныне показатель *-д* указывает на I—II классы (крыз. *лаьх'аь-д* 'черный', *аь-д, у-д* 'этот, эта'), а-*дж* — на III—IV классы (*лаьх'аь-дж, аь-дж, у-дж*).

Нельзя исключить возможность восстановления двух вариантов *т̄Λ: **т̄о* (>лезг. *-д-*, таб. *-д-*, агул. *-д-*, рут. *-ды/-д*, крыз. *-д*, буд. *-д*, арч. *-т̄у*, уд. *-т̄-*) и **т̄и* (*лезг. -ди*, таб. *-ди*, рут. *-ди*, крыз. *-дж*, буд. *-дж*), имевших классное распределение.

В рутульском и арчинском языках соответствующие аффиксы характеризуют адъективы независимо от их роли в составе предложения, ср. рут. *джагвар-ды* 'белый', *сичи-д* 'гнилой'; арч. *мацIа-т̄у* 'новый', *шиар-т̄у* 'пишущий' и т.п. Кроме того, рутульский суф. *-д(ы)* приобрел также функции генитива: *нин-ды* 'матери', *риги-д* 'двери' и т.п.

Весьма распространенным процессом в лезгинских языках является субстантивизация адъективов, ср., например, следующую характеристику данного явления в арчинском: "Образование субстантивов от адъективов и числительных при помощи конверсии — очень продуктивный способ словообразования. Практически от любого адъектива и числительного может быть таким образом получен субстантив" (Самедов 1975, 6). В результате в современных языках прослеживается значительное количество существительных, являющихся по происхождению адъективами, о чем свидетельствует, в частности, сохранение в них адъективного суффикса. Например:

цах. *йе-д*, арч. *ей-т̄у-р* при лезг. хл. *йа'*<ПЛ **йа* 'мать';

рут. *хIара-д*, буд. *х'арә-дж* при лезг. *гъери*<ПЛ **х̄Iар-* 'масло';

крыз. *хаьхаь-д* 'молочная похлебка' при таб. *хах* 'сметана'<ПЛ **хах*;

крыз. *хаьлхаь-дж* 'рукав' при лезг. *хел*, таб. *хил*, агул. тп. *хил* 'крыло'<ПЛ **хаьла*;

рут. *гъIыл-д* при агул. *гул*, цах. *гъIыл*, арч. *хъIит̄-*<ПЛ **къIол̄* 'лето' и др.

Наличие в составе имени окаменелого адъективного суффикса распознается не только при сравнении данных различных языков; об этом можно судить и по ряду признаков, обнаруживаемых в пределах лишь одного языка. Так, подобные лексемы могут сохра-

нять парадигматические свойства прилагательных, ср. арч. *диш-ду-р* 'девочка' — эрг. *диш-ми*, где *-ми* — суффикс косвенной основы адъективов II—IV классов, рут. *выѮыл-ды* 'мужчина' — эрг. *выѮын-новы*, буд. *гIарджи-д* 'помещение' — лок. *гIарджи-й-аь* и т.п. В будухском имена с историческими суффиксами *-д* и *-дж* сохраняют классное противопоставление, ср. *кусхуд* 'яйцо' III, *кьуьшкуь-д* 'подушка' III и т.п., но *къырды-дж* 'ниша' IV, *кIогIу-дж* 'охапка' IV и т.п. Наконец, иногда сохраняется производящая основа, ср. крыз. *чIеби-дж* 'дождь' при *чIеби* 'мокрый'.

При реконструкции словоизменения адъективов важно учесть факты чередования показателя *$\bar{m}\Lambda$ с носовыми *-м-* и *-н-*. Ср. лезг. *и-м* 'он' — *и-д-а*; крыз. *аь-д* 'этот' — эрг. *аь-н-ыр*, а также *аь-м* 'он', арч. *ей-т̄у-р* 'мать' — эрг. *ей-ми*. Ограниченность употребления элемента *-м-* как будто показывает его неисконность в системе словоизменения адъективов. Наиболее вероятным представляется его соотнесение с местоимением **ми* 'этот' (Кахадзе 1973, 41)[14]. Лезг. *и-м, а-м, атIа-м, гьа-м* 'тот', *вини-м* 'верхний', *агъа-м* 'нижний' и крыз. *аь-м* есть результат сложения двух местоименных корней, приведшего впоследствии к переосмыслению второго компонента (ср. также таб. *ду-му* 'этот, он'). В арчинском элемент *-ми/му* характеризует не только сложные местоимения по приведенному типу (ср. *йа-т* 'этот'~*йа-му-т* 'этот (около 2-го лица)'), но и вообще все случаи образования косвенной основы адъективов, ср. *йат* — эрг. пад. *йат-ми*; *мут̄у* 'красный' — эрг. пад. *мут̄у-му* (*му* — для форм I кл., *-ми* — для остальных форм).

Что же касается элемента *-н-*, то его употребление охватывает большее число языков. В рутульском языке формант *-ний-* характеризует, во-первых, косвенную основу прилагательных (I—II кл.: эрг. *йихды-ний-аь* 'хороший'), причем в ней сохраняется и показатель *-ды-*, и, во-вторых, косвенную основу указательных местоимений, уже без сохранения *-д-*: *ми-д* 'этот' — эрг. пад. *ми-ний-аь* (I, II кл.). Аналогично склоняются шахдагские местоимения: крыз. *аь-д* 'этот' — эрг. пад. *аь-н-ыр*, буд. *а-д* 'тот' — эрг. пад. *а-н-ыр*. Удинские местоимения дают обратную картину: *мо-но* 'этот' — эрг. пад. *ме-т̄и-н* и т.п. Подобное положение может, на наш взгляд, отражать пралезгинское состояние, в котором противополагались два суффикса субстантивации адъективов — *-$\bar{m}\Lambda$- и *-*н*-. Распределение их остается неясным, поскольку современные лезгинские языки не едины в этом отношении и в качестве возможных вариантов можно предложить несколько распределений: а) прямая основа~косвенная основа; б) I—II классы~III—IV классы; в) "прилагательные"~местоимения.

Впрочем, если предположить, что показатель *-*н*- восходит к генитиву, необходимость поисков такого распределения отпадает: зародившееся в позднем пралезгинском состоянии внедрение генитива в парадигму адъективов, естественно, привело к различным результатам. Наиболее очевидны они — в контаминации *-*т̄о*-

[14] Предполагают также местоименное происхождение *$\bar{m}\Lambda$ (См. Джейранишвили 1971, 293)

(*-т̄и-) и *-н в рутульском и цахурском языках. Далее можно говорить о генитивных по происхождению формах типа уд. *ше-н-о* 'он', цах. *ма-н(а)* 'этот', арч. *гьа-н* 'что'.

В связи с данным предположением заметим, что в будухском имеются случаи двойной аффиксации при образовании косвенной основы мн. числа: *аджбер* 'они' — эрг. *андәрә*, дат. *андәз* и т.д. Предположительно данные формы можно трактовать как субстантивированные притяжательные местоимения.

Рассматривая развитие рефлексов **т̄о/*т̄и* в современных лезгинских языках, нельзя не увидеть значительное расширение его функций. Во-первых, употребление его в качестве показателя косвенной основы адъективов привело к употреблению этого форманта и у существительных. Во-вторых, участие отглагольных адъективов (т.е. причастий) в образовании видо-временных форм глагола по модели "причастие + вспомогательный глагол" привело в дальнейшем к возникновению синтетических форм, в составе которых исторический показатель причастия функционирует уже в качестве временного. В частности, как отмечал еще Н.С. Трубецкой (1929, 157), лезг. *вигьида* 'брошу' восходит к сочетанию причастия **вигьид* со вспомогательным глаголом **а*.

Подобное же развитие синтетических глагольных форм имело место и в шахдагских языках: крыз. недавнопрош. *ирхъаь-д* (I кл.), *ипхъаь-д-ув* (II—III кл.), *итхъаь-дж* (IV кл.) 'увидел'; буд. прош. *гIасил-дж-и* 'гулял', *гIуькIе-дж-и* 'показал'. Как видно, в крызском имела место палатализация *д>дж*, обусловленная ауслаутным классным показателем. В будухском этот процесс произошел во всех классных формах.

В-третьих, нерасчлененность прилагательных и наречий обусловила употребление **т̄о/*т̄и* и для последних, ср. таб. *мани-ди* 'тепло', *зарб-ди* 'быстро'. В результате в табасаранском суф. *-ди* используется и как показатель отглагольного наречия, т.е. деепричастия, который вычленяется в составе некоторых синтетических глагольных форм: *лихиди* 'поработает', *гъиди* 'придет' и т.п.

Пралезгинские адъективы, видимо, имели также классное словоизменение, о чем свидетельствует наличие такового в табасаранском (*мани-р, мани-б* 'теплый') и арчинском (*гьибат̄у, гьибат̄у-р, гьибат̄у-б, гьибат̄у-т* 'хороший'), агульские диалектные формы (кур. *идже-ф*, бурш. *идже-р*, худ. *идже-д*), а также классная соотнесенность шахдагских адъективов типа крыз. *лаьхʼаь-д~лаьхʼаь-дж* 'черный' и цахурского генитива типа *дек̄ин~дек̄ина* 'отца'. При этом мн. число адъективов образовывалось с помощью классного показателя **-й̄*. Непосредственно отражает пралезгинскую ситуацию арчинский язык, ср. *гьибат̄у* 'хороший'~*гьибат̄и-б* 'хорошие'. В лезгинском к данному классному экспоненту восходит, вероятно, *-б-* в составе аффикса *-бур* (ср. *йару-б-ур* 'красные'), где *-ур<*-ар*. Подобная интерпретация возможна и для аффиксов *-быр, -бер* в других языках (см. "Категория числа").

Как и для существительных, здесь можно предполагать существование оппозиции вокалической (нулевой?) и консонантной (**т̄о/*т̄и*)

косвенных основ: первая представлена табасаранским языком, где классный показатель присоединяется непосредственно к основе, вторая — арчинским, где показатель *-т̄у-* предшествует классному.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Система числительных общелезгинского языка, как можно полагать, включала следующие простые единицы:

**са-* 'один': Л *са,* Т *са-б,* А *са-д,* Ц *са,* Р *са,* Ар *ос, č̄ей-тIу,* К *саь-д,* Б *са-д,* У *са* (ср.: Бокарев 1961, 69; Гигинейшвили 1977: 89, Лексика 1971, 231; Хайдаков 1973, 113; и др.);

**кьIваь-* 'два'; Л *кьве-д,* Т *кьIу-д,* А *кьIу-д,* Р *кьIва-д,* ЦГ *кьIо-лле,* Ар *кьIве.* К *кьва-д,* Б *къа-б,* У *ћаI* (ср.: Талибов 1960а, 302; Лексика 1971, 232; Гигинейшвили 1977, 137; и др.);

**лъеп̄ы-* 'три': Л *п̄у-д,* Т *шубу-б,* А *хьибу-д,* Р *хьибы-д,* ЦГ *хьебылласъ,* Ар *лъеб,* К *шиби-д,* Б *шубу-д,* У *хиб* (ср.: Трубецкой 1922, 191; Гигинейшвили 1977, 76; Лексика 1971, 232; и др.);

**йевкьы-* 'четыре': Л *кьу-д,* Т *йукьу-б,* А *йакьу-д,* Р *йукьу-д,* ЦГ *йокьу-ллаь,* Ар *ебкь,* К *йукьу-б,* Б *йукьу-б,* У *бип̄* (ср.: Бокарев 1961, 64; Лексика 1971; 233; Гигинейшвили 1977, 135; Хайдаков 1973, 113; и др.);

**л̄ъве-* 'пять': Л *ва-д,* Т *хьу-б,* А *га-фу-д,* Р *хьу-д,* Ц *хьо-ллаь,* Ар *лъо, лъвей-тIу,* К *фы-д,* Б *фы-д,* У *хъо* (ср.: Трубецкой 1922, 193; Гигинейшвили 1977, 97; и др.);

**рилIы* 'шесть': Л *ругу-д,* Т *йирхьу-б,* А *йерхьи-д,* Р *рихьы-д,* Ц *йихьы-ллаь,* Ар *дилъ,* К *рыхьы-д,* Б *рыхьы-д,* У *ухъI* (ср.: Трубецкой 1922, 192—193; Лексика 1971, 234—235; и др.);

* *ўирл̄Iы-* ' семь': Л *ири-д,* ТК *ургу-б,* А *йери-д,* Р *йивы-д,* ЦГ *йигы-ллаь,* Ар *вилI,* К *йыг̆ы-д,* Б *йийи-д,* У *вугъI* (ср.: Трубецкой 1922, 197; Лексика 1971: 235; Хайдаков 1973, 113; и др.);

**мен̄лIаь-* 'восемь': Л *муьжуь-д,* Т *миржи-б,* АБк *муйа-д,* Р *мыйе-д,* Ц *моли-ллаь,* Ар *мелIе,* К *миг̆и-д,* Б *мыйӑ-д,* У *мугъ* (ср.: Трубецкой 1922; 197; Лексика 1971, 236; Гигинейшвили 1977, 86; Хайдаков 1973, 114; и др.);

**ў[и]лчIвы-* 'девять': Л *кIуь-д,* Т *урчIву-б,* А *йарчIуI-д,* Р *гьучIу-д,* Ц *йичIу-ллаь,* Ар *учI,* К *йичIи-д,* Б *вичIи-б,* У *вуй* (ср.: Лексика 1971, 236; Хайдаков 1973, 114; и др.);

**ўицIы-* 'десять': Л *цIу-д, Т йицIу-б,* А *ицIу-д,* Р *йицIы-д,* ЦГ *йицIе-ллаь,* Ар *вицI,* К *йицIы-д, Б йицIы-д,* У *виц̄* (ср.: Бокарев 1961, 70; Лексика 1971, 237; Хайдаков 1973, 114; и др.);

**к̆ъа-* 'двадцать': Л *къа-д,* Т *къа-б,* А *къа-д,* Р *къа-д,* ЦГ *къа-ллаь,* Ар *къа,* К *къа-д,* Б *къа-д,* У *къа* (ср.:Бокарев 1961, 54; Лексика 1971, 238; Хайдаков 1973, 115; и др.);

**ваIлш̄-* 'сто': Л *виш,* Т *варж,* А *баIрш,* Р *ваьш,* ЦГ *ваIш,* Ар *баIш̄а-,* У *бачъ* (ср.: Лексика 1971, 238).

Образование остальных числительных осуществлялось с помощью комбинаций перечисленных. Возможно, имелось числительное, обозначавшее, например, следующий после сотен разряд, однако в современных языках бытует лишь заимствованное слово *тысяча,* ср. лезг. *агъзур,* таб. *агъзур,* агул. *агъзур,* рут. *гьагъзыр,* цах. *а̄зыр,* арч. *изар*

и т.п., так что реконструкция такой единицы не представляется возможной.

Как видно, простыми были все числительные первого десятка. Числительные второго десятка строились по модели "десять+единица первого десятка". В современных лезгинских языках эта модель реализуется в четырех вариантах:

основосложение типа 10+1 (лезг. *цІу-са-д*, таб. *йицІи-са-б*, агул. *цІи-са-д*, рут. *цІы-са*, цах. *йицІы-са-д*);

основосложение типа 1+10 (удин. *са-ӣце* '11', *цаІ-ӣце* '12' и т.п.);

сочетание типа 10+соединительная частица+1 (крыз. *цІынна са-д*< **цІы-д-на са-д*, буд. *ыс-на са-д*<**ыцІ-на са-д*?)[15];

сочетание типа 10 в форме местного падежа+1 (арч. *моцІо-р ос* '11', *моцІо-р кьІве-* '12' и т.п.).

Реконструкция пралезгинской модели, на наш взгляд, может учитывать следующие моменты: во-первых, соображения ареального характера; во-вторых, данные о контактировании языков; в-третьих, проекцию пралезгинской системы в общедагестанскую. Что касается первого фактора, то первый вариант модели должен представляться несомненным новообразованием, поскольку остальные варианты представлены на периферии лезгинской языковой общности. Учет данных о возможном контактировании позволяет сопоставить первый вариант с тюркской моделью (ср. *он беш* '15' и т.п.), а второй, т.е. удинский, — с иранской (ср. перс. *йаз-дäh* '11'; *дäваз-дäh* '12' и т.п.; курд. *йанздәh* '11'; *дондәh* '12' и т.д.). Арчинская система могла сформироваться под влиянием аварской, ср. *анцІи-ла цо* '11', где *-ла* — формант местного падежа. Последний фактор исключает лишь первую модель: в нахских языках имеем модель удинского типа (см. Дешериев 1963, 463), эта же модель факультативно функционирует в цезском. В аварско-андийских отмечена модель арчинского типа (что, как будто, подтверждает идею возможности возникновения этой системы в арчинском под влиянием аварского), в цезских, лакском и даргинском — шахдагская модель.

Учитывая условность предлагаемого решения, мы тем не менее склонны возводить к общелезгинскому уровню шахдагскую модель с использованием союза. Таким образом, пралезгинские числительные второго десятка могли иметь следующий вид: **ӯицІы-т̄-на с̄а-* '11', **ӯицІы-т̄-на кьІвась-* '12' и т.п. (*-т̄-* — классный показатель).

Образование числительных свыше двадцати представляло собой вигезимальную систему, сохранившуюся в крызском, будухском, удинском и лезгинском языках. Эта же система сохранилась и в киналугском. Таким образом, лезгинская языковая территория распадается на два четко выраженных ареала: северо-западный с децимальной системой и юго-восточный с вигезимальной. Последняя реконструируется исходя из следующих соображений: во-первых, все лезгинские языки сохранили пралезгинскую лексему **к̅ъ̅а-* 'двадцать', восходящую к общенахско-дагестанскому уровню; во-вторых, вигезималь-

---

[15] В киналугском образованке числительных первого десятка идет по модели (1): *йаъІаз-са* '11', *йаъІаз-кІу* '12' и т.п.

ная система широко представлена в других дагестанских и, более того, в нахских языках. Наконец, децимальная система в лезгинских языках характеризуется гетерогенностью: если в табасаранском и ряде других языков названия десятков строятся по модели 3×10, 4×10, 5×10 и т.п. (рут. *хьиб-цIыр* '30', *йугъ-цIур* '40', *хьу-цIур* '50' и т.д.), то в арчинском имеем иной способ, не поддающийся пока удовлетворительной этимологизации, ср. *львиби* '30' при *льеб* '3', *букьи* '40' при *ебкь* '4' и т.д.

Следует при этом отметить, что прослеживаемая в литературе зависимость децимальной и вигезимальной систем от соответствующего наличия/отсутствия в лексике особого названия для пальца ноги (Эдельман 1975. 34) в данном случае нарушается, поскольку для пралезгинского реконструируется также и лексема **моркол* 'палец ноги', ареал распространения рефлексов которого не совпадает с территорией распространения децимальной системы (в частности, он затрагивает лезгинский язык, но не распространяется на арчинский).

Названия двадцаток строились в пралезгинском языке, по-видимому, следующим образом: **к̄ъа-* '20'; **кьIваь-к̄ъа-* '40'; **льей̄ы-к̄ъа-* '60'; **йевкьы-кьа-*'80'. Сложнее обстоит дело, однако, с числительным 100 и последующими названиями двадцаток. Дело в том, что для 100 в пралезгинском, как указывалось выше, имелась собственная лексема **ваIлӣ*. Если предположить заимствованный характер этой лексемы, а также учесть строение соответствующих слов в шахдагских языках (крыз. *фы-кьад,* буд. *фу-кьад,* букв. "5×20"), то ряд приведенных пралезгинских числительных можно было бы продолжить следующим образом: **л̄ьве-к̄ъа-* 'сто', **рильы-к̄ъа-* '120', **ў̄ирл̄Iы-к̄ъа-* '140' и т.д. Думается, однако, что строение этих числительных было все же другим.

Формулу строения остальных числительных от 21 до 99 в пралезгинском языке можно представить в виде **Х-к̄ъа-т̄-на* (**ў̄ицIы-т̄-на*) Y, где X и Y — числительные первого десятка, например: *к̄ъа-т̄-на лъей̄ы- '23', **лъей̄ы-к̄ъат̄-на ў̄ицIы-т̄-на ў̄ирл̄Iы-*'77'и т.п. Эта же формула могла использоваться для числительных, больших 100. Число сотен при этом выражалось сложением единицы первого десятка с лексемой **ваIлӣ* 'сто': **кьIваь-ваIлӣ* '200', **льей̄ы-ваIлӣ* '300' и т.д. Ср., например: **йевкьы-ваIлӣ-на кьIваь-к̄ъа-т̄-на ў̄ицIыт̄-на с̄а-* '451'.

Заключая обзор образования сложных количественных числительных в пралезгинском языке, подчеркнем еще раз, что при общей нестабильности системы счета в различных языках мира предложенная реконструкция носит несколько условный характер.

Количественные числительные в пралезгинском языке имели классные изменение. Как и для других частей речи, здесь можно реконструировать четыре классные морфемы: I кл. *-*ў̄*; II кл. *-*р*; III кл. *-*й̄*; IV кл. *-*т̄*, занимавшие ауслаутное положение (позиция классного показателя в составе сложного числнтельного отмечалась выше в виде *-*т̄*). Исходная система сохранилась в арчинском языке, ср. *кьIве-ву* (<**кьIваь-ў̄*), *кьIве-ру* (<**кьIваь-р*); *кьIве-бу* (<**кьIваь-й̄*); *кьIве-тIу* (<**кьIваь-т̄*) 'два'. В других языках в соответствии с общей тенденцией нейтрализации классных противопостав-

лений произошло вытеснение показателя *-*ў* показателем *-*р*: ср. рут. *кьIва-р* (I, II кл.), *кьIва-б* (III кл.), *кьIва-д* (IV кл.) 'два'. Еще дальше продвинулся этот процесс в табасарском языке, где форма IV класса используется лишь при счете отрезков времени (*кьIве-д йигъ* 'два дня', *кьIве-д йис* 'два года' и т.п.), заменяясь в остальных случаях формой III класса. Наконец, в языках, утерявших классное изменение, числительные либо вообще не имеют классных морфем (в удинском), либо сохранили окаменелый показатель IV класса (лезг. *са-д* '1', *кьве-д* '2'; агул. *са-д* '1'; *кьIу-д* '2').

Важно заметить, что в отличие от других атрибутивов не всегда присоединявших классный показатель, числительное имело классные формы во всех своих функциях.

Порядковые числительные в пралезгинском строились описательно при помощи причастий вспомогательного глагола 'сказать'. Эта модель достаточно хорошо сохранилась во всех лезгинских языках: лезг. *сад лагьай*, таб. *саб-пи*, агул. *сад пуф*, рут. *сахьусды* 'первый', цах. *кьIор-есда*, арч. *кьIве-бостy* 'второй'. В шахдагских языках все порядковые числительные являются заимствованными. В удинском, по-видимому, заимствован лишь суф.: *са-мджи* 'первый' при аз. *бир-инджи*.

Выделяемые в современных языках числительные других разрядов являются скорее всего продуктом позднейшего развития.

МЕСТОИМЕНИЕ

Возможный вариант реконструкции фрагмента парадигмы личных местоимений пралезгинского языка отражен в табл. 2. Следует заметить, что восстановление пралезгинской системы личных местоимений представляет особые трудности не только вследствие произошедших, как можно полагать, во всех лезгинских языках серьезных структурных изменений, но и в силу уникальности представленных здесь звуковых соответствий.

Уже уникальность пралезгинского *з в местоимении 1-го лица ед. числа (ПЛ **зо-н*>Л *зун*, Т *узу*, А *зун*, Р *зы*, Ц *зы*, Ар *зон*, К *зын*, Б *зын*, У *зу*) ставит некоторых исследователей в тупик. В частности, Б.К. Гигинейшвили (1977, 76), предлагая восстанавливать в данном случае общедаг. **д*, был вынужден характеризовать как заимствования арч. *зон* и уд. *зу*, хотя подобное предположение не поддерживается ни с точки зрения фонетики (трудно, например, сказать, какие формы конкретно послужили источником заимствования), ни с точки зрения географического расположения арчинского и удинского языков, достаточно удаленных от других языков лезгинской группы.

Исконное противопоставление инклюзива и эксклюзива во мн. числе 1-го лица **длаь-н*~**джи-н*, сохранившееся в таб. *ухьу~учу*, агул. *хьин~чин*, крыз. *йин~жин*, а также в виде параллельного употребления обеих основ в диалекте рут. ихр. *йи*//*жи*, в остальных языках нейтрализовалось. При этом рефлексы инклюзива отмечаются

Таблица 2

Пралезгинская система личных местоимений (см. Гулыга 1979, 19)

	1 ед.	2 ед.	1 мн.ин.	1 мн.экс.	2 мн.нейтр.	2 мн огр
Абс.	**зо-(н)*	**ви-(н)*	**длаь-(н)*	**джаь-(н)*	**ви-гьIваьн*	**джваь-(н)*
Ген. 1	**изо*	**ито/*иво*	**идло*	**иджо*	?	**иджво*
Ген. 2	**аьзи*	**аьви*	**аьдли*	**аьджи*	**ви-гьIви*	**аьджви*
Косв.	**за*	**ва*	**идла*	**иджа*	**ви-гьIва*	**иджва*

в рут. *йаь,* уд. *йан,* буд. *йин*; эксклюзива — в лезг. *чун,* рут. шин. *жи,* цах. *ши.*

Утрата исконного противопоставления в арчинском привела к "возместительной" оппозиции инклюзива *нен*(<**лен*<**длаьн*) и эксклюзива *нен-тIу,* где вторая форма образована от первой с помощью суффиксального классного показателя. Как показал О.И. Кахадзе (1964, 368), эксклюзивная форма является по происхождению возвратной. Очевидный инновационный характер этой формы служит одним из оснований гипотезы, согласно которой "наличие категории инклюзива-эксклюзива во всех лезгинских языках, различающих эту категорию, явление вторичное, и ее следует рассматривать как результат морфологизации различных фонетических вариантов" (Топуриа 1969, 104). Тем не менее даже в условиях уникальности, имевших в данном случае место фонетических процессов, рассматриваемые формы оказываются независимыми, не производимыми одна от другой.

Развитие рассматриваемой оппозиции в современных языках проходит в основном под знаком ее нейтрализации. Достаточно уникальной в связи с этим представляется ситуация, сложившаяся в борчинско-хновском диалекте рутульского языка, где ныне противопоставлены следующие единицы: *йи* 'я', *йанур* 'мы (инкл.)', борч. *йухъIнаьр,* хнов. *йухъIунбы* 'мы (экскл.)' (см. Ибрагимов 1978, 260—261).

Лишь основа *йи* 'я' восходит здесь к пралезгинскому (и соответственно к проторутульскому) состоянию, являясь исторически формой инклюзива (<**йа-н*<**длаьн*). Такое переосмысление инклюзивной формы происходило одновременно со сдвигом в значении формы эксклюзива *йанур,* которая, как справедливо отмечает Г.Х. Ибрагимов (1978, 260), образована от *йан-* 'мы (инкл.)'. Вызывает, однако, сомнение правомерность трактовки суф. *-ур* как форманта множественности — в рутульском такой суффикс не зафиксирован. На наш взгляд, *-ур* в данной форме может оказаться окаменелым классным экспонентом (I—II классы сильной серии), ср. аналогичное строение арчинского эксклюзива.

Современные формы эксклюзива в рассматриваемом диалекте, по-видимому, также образованы от *йи-* (>*йу-*) и содержат аффиксы мн. числа *-аьр* и *-бы.* Что же касается элемента *-хъIн/хъIун-,* то его происхождение неясно. Сближение его с таб. *-гьIар/-къар* (см. Ибрагимов 1978, 265) сомнительно.

Более сложными оказываются вопросы реконструкции пралезгин-

ских местоимений второго лица. Так, местоимение второго лица ед. числа представлено в лезгинских языках двумя основами — лезг. *вун*, таб. *увү*, агул. *вун*, рут. *вы*, цах. *ву*, арч. *ун*, крыз. *вын*, буд. *вын*, уд. (варт.) *ун* (< ПЛ **ўо-н*) и цах. *гъу* (//*ву*), рут. (шин., хнов., ихр.) *гъу* (<ПЛ **гъу-н*). При этом, поскольку и в данном случае перед нами уникальные соответствия, нельзя с полной уверенностью отнести к тому или к другому ряду уд. (нидж.) *гъун*. В принципе возможно допущение генетической связи обоих вариантов: например, реконструировать **гъван* (Лексика 1971, 229) или **гъвэн* (Назаров 1974, 31). Как будто подтверждает реконструкцию **гъв* широко распространенный процесс **гъ*<*ў* в тюркских языках.

Можно было бы считать основу *гъу-* рутульско-цахурским новообразованием, однако ее употребление зафиксировано и в других ареалах, ср., например, хин. *ох*(-*ур*) 'тебе' при регулярном *вы* 'ты' и т.п. Таким образом, не отказываясь от возможного генетического сближения основ **ўо-н* и **гъу-н*, мы тем не менее предпочитаем восстанавливать для пралезгинского оба варианта. Такое решение подкрепляется парадигматическим их противопоставлением (ср. цах. абс. *ву*//*гъу*, род. *йыгъ-на*, но дат. *ва-с*), которое вряд ли имело бы место в случае сугубо фонетического развития.

Помимо лезг. *куьн*, таб. *учву*, агул. *чун*, рут. (шин., ихр., мюхр.) *жу*, цах. *шу* и арч. *жвен* 'вы', несомненно, восходящих к ПЛ **джв*(*е*)-*н*, в современных языках представлены также следующие формы: рут. *ве*, (хнов.) *выI*, крыз. *вин*, буд. *вин* и уд. *ваIн*//*ефаIн* 'вы'. С одной стороны, они могут восходить к **джв*(*е*)-*н*, однако неясной в таком случае остается фарингализация в рутульском и удинском, и, с другой стороны, к **ви-гъIваь-н* (см. табл. 2). Думается, что все же правильнее было бы восстанавливать одну форму: **джв*(*е*)*I-н*.

Таким образом, пралезгинская система личных местоимений могла включать следующие единицы: **зо-н* 'я', **ўо-н*//**гъу-н* 'ты', **длаь-н* 'мы (инкл.)', **джи-н* 'мы (экскл.)', **джв*(*е*)*I-н* 'вы'.

Для реконструкции склонения личных местоимений существенными оказываются следующие моменты: во-первых, абсолютив личных местоимений имеет аффикс *-н*; во-вторых, косвенная основа личных местоимений образуется с помощью чередования — гласный основы меняется на *а*. Подобное положение хорошо сохранилось во многих языках, ср. лезг. *зун* 'я'~*за-*, *вун* 'ты'~*ва-*, *чун* 'мы~*ча-*, *куьн* 'вы'~*кве-*. Наблюдаемые в остальных языках отклонения от этого принципа могут быть объяснимы выравниванием косвенной основы. В-третьих, особую основу имели два падежа — генитив и датив. Первый представлен следующими формами современных языков:

лезг. *зи-* 'мой', *ви-* 'твой', *чи-* 'наш', *куь-* 'ваш';

таб. *йиз* 'мой', *йав* 'твой', *ихь* 'наш' (инкл.), *ич* 'наш' (экскл.), *ичв* 'ваш';

агул. (бурщ., худ.) *йез* 'мой', *йев* 'твой', *иш* 'наш' (инкл.), *ич* 'наш' (экскл.), *уькв* 'ваш';

рут. (шин.) *из-ды* 'мой', *вы-ды* 'твой', *иш-ды* 'наш', *уш-ды* 'ваш';

цах. *йиз-* 'мой', *йыгъ-* 'твой', *йиш-* 'наш', *вуш-* 'ваш';

арч. *-ис* 'мой', *вит* 'твой', *-оло* 'наш' (инкл.), *-оло-* 'наш' (экскл.), *виш* 'ваш';

крыз. *заь* 'мой', *ваь* 'твой', *йаь* 'наш'(инкл.), *жаь* 'наш'(экскл.), *ве* 'ваш', буд. *за* 'мой', *ва* 'твой' и др.;
уд. *бези* 'мой', *беши* 'наш', *ви* 'твой', *ефи* 'ваш'.

Как видно, большинство языков сохранило исходную форму генитива с "метатезой". При этом в арчинском местоимения 1-го лица принимают классный префикс, ср. *ис* (IV), *вис* (I), *дис* (II), *бис* (III). Учитывая начальные *й-*, *ф-*, *б-* в других языках, можно полагать, что арчинский сохранил первичную картину. Что касается лезгинского, будухского и крызского языков, то здесь, на наш взгляд, произошла вторичная перестройка основы. То же, видимо, можно сказать об удинском конечном *-и*. Уникальным преобразованиям подверглись арч. *вит* 'твой' и *виш* 'ваш'. В последнем имеем неклассную форму, полученную в результате переноса в анлаут элемента лабилизации (<**ишв*). Для *вит* точно определить конкретные пути преобразования сложно, однако возможно, здесь мы имеем конечный окаменелый классный экспонент *-т*. Иначе трактует данную форму Е.А. Гулыга (1979, 19), возводя ее к ПЛ **ито*, что поддерживается внешними параллелями (ср. авар. *ду-р* 'твой' и др.).

Таким образом, генитив пралезгинских личных местоимений имел следующий вид: **-из* 'мой', **-идл* 'наш (инкл.)', **-идж* 'наш (экскл.)', **-иў*//**-игъ* 'твой', **-иIджв* 'ваш' с префиксальным классным показателем.

Дательный падеж в современных лезгинских языках образуется регулярно от косвенной основы, ср. лезг. *за-з* 'мне', *ва-з* 'тебе' и т.п. Исключение составляет арчинский язык: *-ез* 'мне', *-ел* 'нам', *веж* 'вам'. Аналогичная структура хиналугского датива (ср. *ас* 'мне', *ох* 'тебе') позволяет считать данные формы архаичными и восстанавливать пралезгинский датив личных местоимений в виде **-ез* 'мне', **-еў* 'тебе' (//**егъ*), **-еIджв* 'вам'.

Довольно распространенным в лезгинских языках является синкретизм абсолютива и эргатива личных местоимений: таковы данные падежные формы в табасаранском, агульском, цахурском, крызском, будухском, удинском и частично в арчинском языках. В целом факт неразличения данных падежей у личных местоимений, весьма характерный для эргативных языков, — на наш взгляд, одно из свидетельств номинативизации их структуры. Вторичность этого явления в лезгинских языках может быть подтверждена данными личного согласования в табасаранском, ср. (*узу уву*) *агуразаву* 'я тебя ищу', (*уву узу*) *агуравазу* 'ты меня ищешь', где личные суффиксы сохраняют исконное различие.

В пралезгинском различались два возвратных местоимения: первое относилось к именам I—II классов, второе — к именам III—IV классов. Исконное их противопоставление сохранилось в цахурском, где возвратные местоимения имеют следующие косвенные основы: *джу-* (I кл.), *дже-* (II кл.). *чи-* (III—IV кл.). В лезгинском языке произошло перераспределение в употреблении данных местоимений: первое стало относиться к 1-му и 2-му лицам (*жув* 'я сам', 'ты сам'), второе — к 3-му (*вич* 'он сам') и мн. числу (*чеб* 'они сами'), что было вызвано, видимо, утратой категории класса. Аналогичная ситуация наблюдается в

табасаранском, ср. *жвув* 'ты сам'~*учв* 'он сам'~*чиб* 'они сами'. В остальных языках обнаруживаются рефлексы либо первой основы, восстанавливаемой в виде *-*иж* (лезг. *жув*, таб. *жвув*, рут. *в-удж* (I кл.), *р-идж* (II кл.), цах. *в-удж* (I кл.), *й-идж* (II кл.), арч. *инж*, крыз. *идж* (II кл.), либо второй — *-*ич* (лезг. *вич*, таб. *учв*, агул. *ич*, уд. *ич*). Происхождение крыз. *уг* (I кл.), буд. *уг* неясно (процесс **ж>г* в данном случае маловероятен).

Как видно, форма абсолютива возвратного местоимения *-*иж* в цахурском и рутульском осложнена префиксальным классным показателем, что очевидно отражает исходное состояние. То же следует предположить и для *-*ич*: к форме III класса **в-ич* восходят лезг. *вич* и таб. *учв*, а к **й-ич* (IV кл.) — агул., уд. *ич*. Форма мн. числа образовывалась присоединением к основе **жаь-* классного экспонента *-*й̄*, ср. арч. *жа-йу*, а также образованные по аналогии от другой основы лезг. *чеб*. таб. *чиб*, агул. *чаб*, крыз. *чиб* 'сами'. Косвенная основа возвратных местоимений теряла классный префикс: **жви-* (I кл.), **же-* (II кл.), **чи-* (III—IV кл.), хотя лабиализованный согласный в первой форме может указывать на былое наличие префикса **ў-*. Для косвенной основы мн. числа следует предполагать присоединение форманта *-и-* к форме абсолютива: **жаь-й̄-и-*.

Вопросительные местоимения в языках лезгинской группы довольно разнообразны. Это разнообразие достигается не только наличием нескольких первообразных вопросительных местоимений, но также супплетивным образованием косвенной основы и весьма распространенным сложением основ (см. Джейранишвили 1955, 357).

Наследием пралезгинского состояния можно считать, во-первых, вопросительное местоимение **гьи-* (косв. основа **гьа-*), представленное следующими рефлексами: лезг. *гьи* 'который', таб. *гьи'ан*//*гьикьан* 'сколько', агул. эрг. *гьина* 'кто', рут. эрг. *гьала* 'кто', цах. *гьи-шу* 'кто', *гьи-джо* 'что', арч. *гьа-н* 'что', крыз. эрг. *гьа-л-ыр* 'кто', буд. *гьа-н-у* 'чей', *гье-йе* 'куда', уд. (нидж.) *гье*, (варт.) *е* 'что, какой, который'.

Исходное значение **гьи* 'какой', 'который' сохранилось в лезгинском и удинском. На это указывает, в частности, аффиксация адъективных формантов **-то̄-/*-тӣ* и **-н-* при склонении этого местоимения. Аффикс **-н-*, видимо, представлен и в лезгинском эргативом *ни* 'кто' (ср. агул. тп. *гьи-на*, рич. *на*), таб. *на'ан* 'где' (<**гьи-на'ан*) и цах. *не-н* 'какой' (<**гьи-не-н*). Заметим, что Е.Ф. Джейранишвили (Там же) предполагает здесь наличие вопросительной частицы, которая восходит, на наш взгляд, к союзной частице **-на*.

В отличие от **гьи* вторая пралезгинская основа **ши* 'что?' употреблялась только в предикативной функции, т.е. в предложениях типа "Это что?". Ныне, однако, функции этой основы значительно расширились. Реконструкция ее основывается на следующих сопоставлениях: ПЛ **ш̄и-*: Т *фу-ж*, *ш-ли* (эрг.) 'кто'; АБ *фу-ш*, *ше* (эрг.) 'кто'; Р *ву-ш* 'кто', *шив и* 'что', Ц *шав-* (к.о.), *гьи-шу* 'кто', К *ши* 'что', У *шу* 'кто'.

Третья основа **т̄ви* имеет неясную семантику. Ср. Л *ву-ж* 'кто',

ву-ч 'что'; Т *фу-ж* 'кто', *фу* 'что', А *фи* 'что', *фи-ш* 'кто'; Ар *лъ̄ и* // *лъ̄или* (эрг.) 'кто'.

Наконец, четвертая основа вопросительного местоимения характеризует лексемы со значением 'сколько': ПЛ **шум-*: Л *шуму-д*, ЛА *шми-д; ?* Т *швну-б;* Р *шуму-д;* Ар *шуме-йтIу*; У *ема.*

Система указательных местоимений пралезгинского языка включала, во-первых, указательную эмфатическую частицу **гьа-*, реконструируемую на основе следующих сопоставлений: ПЛ **гьа-* '(вот) тот': Л *гьа* 'тот (упомянутый прежде'); Т *гьа-* (ср. *гьа-тиу, гьа-к̄уму*); А *гьа-* (ср. *гьа-ми, гьа-ти, гьа-ги, гьа-ли*); Р *гьа* 'тот'; *гье* (ср. *гье-ми, гье-ти*); Ц *гьа-* (ср. *гьа-маh, гьа-шен*); У *гьа-* (ср. *гьа-ке, гьа-ме, гьа-те*). В арчинском эта частица, по-видимому, представлена в наречии *гьинц* 'сейчас'.

Во-вторых, реконструируется несколько местоименных корней со значением 'этот', имеющих неясное распределение:

ПЛ **'и-*: Л *и*; Ц *ин*; Ар *и-шик* 'здесь';

ПЛ **'а-*: Л *а;* Ар *е-мик*//*и-мик* 'там'; К *аь-д;* Б *а-д;* Л *а;*

ПЛ **мΛ-*: Л *а;* Л *-м* (ср. *и-м, а-м, гьа-м*); Т *-му* (ср. *ду-му, к̄у-му, гъу-му*); А *ми*; Р *ми*; Ц *ман*; Ар *ай-му* 'этот (рядом с собеседником)'; К *-м* (ср. *аь-м, лаь-м*); У *ме* 'этот (рядом с говорящим)'[16].

В значении 'тот' могли выступать следующие основы:

ПЛ **тIΛ-*: ?Л *а-тIа* 'тот (более отдаленный)'; Т *ду-му;* А *ти*; Р *ти*; Ар *то-в* 'тот (удаленный от говорящего и собеседника)'; У *те.*

ПЛ **лΛ-*: А *ли*; К *ли*; Б *ал(ад), ул(уд).*

Два пралезгинских местоимения выражали пространственную характеристику объекта:

ПЛ **гъу-* 'тот (наверху)': Т *гъу-му;* ТД *къу-му;* Ар *гъу-ду;*

ПЛ **ги/гу-* 'тот (внизу)': Т *к̄у-му*; ТД *джу-му*; А *ги*; Ар *гу-ду.*

Словоизменение указательных местоимений регламентировалось правилами, общими для всех адъективов, т.е. косвенная основа демонстративов образовывалась с помощью аффиксов **-т̄Λ-*(**т̄о*/**т̄и*) и**-н-*. Вместе с тем обнаруживается суффикс, присущий только указательным местоимениям, ср. таб. *ду-му* 'он' — эрг. *ду-гъу*; цах. *ман-къу-* 'этот, он' (косв. осн.), где таб. *-гъу-* и цах. *-къу-* являются возможным отражением ПЛ **-къу-*. В цахурском этот суффикс характерен и для склонения других адъективов, ср. *йугун-къу-* 'хороший', *сан-къу-* 'один' и т.п.

ГЛАГОЛ

Категория вида

Одной из наиболее существенных категорий пралезгинского глагола следует, на наш взгляд, считать категорию вида. Как показывают материалы современных лезгинских языков, во многом она уже утратила свой первоначальный облик, однако сохраняется в форме противопоставления так называемых видовых основ: основы совер-

---

[16] Сопоставление этих форм см. у О.И. Кахадзе (1973, 41).

шенного, или недлительного, вида (терминатива) и основы несовершенного, или длительного, вида (дуратива). Прежде чем рассмотреть способы формального противопоставления видовых основ в различных лезгинских языках и реконструировать соответствующие показатели для пралезгинского, укажем на их содержательные характеристики, позволяющие говорить именно о видовых основах.

В рутульском языке (лучекский говор) видо-временные формы группируются в зависимости от исходной основы следующим образом:

1. Формы, образованные от основы терминатива:

аорист (*гьасы йигъхьы латІур* 'так и день кончился');

перфект (*изды батинкайед чІил 'игьипхура* 'у меня на ботинке шнурок развязался');

плюсквамперфект (*гьанов гьухьур джуды пересенти укь сейир ай* 'он сказал, что на своем участке сено косил');

императив (*гьа кІаз къумшийеды къивхе* 'этот кувшин соседу отнеси') и др.

2. Формы, образованные от основы дуратива:

настоящее общее (*хьели гьар халды хьед ру'усды высымбыр лирхьер* 'Потом у каждого дома, чтобы вода течь могла, желоба кладут');

прошедшее общее (*зас гьад шегьерды кІыбкІыб гьаргварий* 'я его в городе часто видел');

настоящее конкретное (*гьугьвал кир'ера* 'дождь начинается');

имперфект (*накьа нины йигьа-нахІма' лейгар ай* 'вчера мать целый день шила');

прохибитив (*къапагъ лемели' кІазылылы* 'крышку не снимай с кувшина') и др.

Аналогичная картина наблюдается и в других лезгинских языках: вариации затрагивают в основном такие глагольные формы, как инфинитив (целевая форма) и будущее время, что, видимо, обусловлено их вторичностью. Впрочем, особое положение в этом отношении занимает удинский язык, не обнаруживающий следов общелезгинских видовых противопоставлений и выработавший свои видовременные формы.

По мнению С.М. Хайдакова (1975, 73), исследовавшего функционирование категории способа действия (которая, на наш взгляд, охватывает и видовые противопоставления) в арчинском языке, в число средств выражения данной категории входят: а) инфиксальный показатель *-р-*; б) мена позиции классного показателя; в) редупликация. Наиболее очевидны в современных лезгинских языках функции показателя *-р-* (с вариантами), с рассмотрения которого целесообразно начать исследование категории вида.

Можно полагать, что в пралезгинском языке имелось противопоставление совершенного и несовершенного видов, выражавшееся соответственно показателями ∅ и *-р-*: ПЛ *-∅ (терм.)~*-р-* (дур.): Л ∅~*р* (*н*); ТД ∅~*л*; А ∅~*р*; Р ∅~*р* (*/* / *л*); Ц ∅~*й*; Ар ∅~*р* (*м*): К ∅~*р* (*л*); Б ∅~*р* (*л, н*); У?

В литературном лезгинском языке противопоставление ∅~*-р-*

обнаруживается лишь в нескольких случаях:

Масдар	Целевая форма	
къун	*рекъиз*	'стыть, остывать',
кьин	*рекьиз*	'умирать, 'убивать',
тІуьн	*нез*	'есть'.

В приведенных примерах различие видовых форм выражается, по-первых, с помощью префикса *ре-* н, во-вторых, с помощью *н-* в последнем глаголе, где корневой является гортанная смычка': начальное *тІ-* в масдаре восходит к сочетанию **т̆'*, где **т̆* — окаменелый показатель IV класса; *н-* в целевой форме есть результат упрощения сочетания **н'* (ср. импер. *не'* 'ешь'). Следует отметить, что целевая форма в литературном лезгинском языке выступает именно в роли основы дуратива: от нее образуются, например, такие формы, как настоящее I и II; будущее, прошедшее несовершенное I, II и III, будущее предположительное I и II, прохибитив. Как показывает форма *не'* 'ешь', основа дуратива может быть представлена и в императиве. В этом случае показатель дуратива *р-* можно выделить и в форме *рухух* 'рожай' (ср. *хун* 'рожать').

Хорошо сохранилось противопоставление ∅~-*р-* в фийском диалекте лезгинского языка. В качестве показателя дуратива здесь выступают -*р*(v)-, и реже, -*л*(v)-, ср. формы масдара и инфинитива: *алукьу~алуркьаз* 'упасть', *атІу~аратІуз* 'резать', *учІу~уричІаз* 'развалиться', *асу~алсаз* 'белить', *тІушу~тІулушаз* 'топтать' (Абдулжамалов 1965, 27).

В табасаранском литературном языке категория вида также не представлена, однако в северном диалекте она достаточно продуктивна, "хотя и не охватывает всей системы глагольных форм" (Магометов 1965, 190). В зависимости от корневого гласного в основе совершенного вида дуратив может быть выражен здесь, судя по материалам ханагского говора (Услар 1979, 290 и сл.), следующим образом:

посредством инфикса *-л-* (корневой гласный *-и-*), ср. *и-б-т~илт-* 'впустить, посадить', *ки-б-г̆~килг̆* 'погнаться', *тІи-б-х-~тІилх-* 'лететь' и др.;

изменением корневого гласного *а, у>и,* ср. *а-б-г-~и-б-г* 'искать', *а-б-къ-~и-б-къ-* 'озябнуть'; *ку-б-чІв-~ки-б-чІв-* 'вступить', *кьу-б-джв-~кьи-б-джв-* 'встать' и др.;

отсутствием классных показателей (корневой гласный *у*), ср. *ву-б-г-~вуг-* 'гореть', *ву-б-дз-~вудз-* 'сеять' и др.

Подобное распределение возникло, по-видимому, в результате ряда взаимообусловленных процессов. Во-первых, произошло перераспределение конечных сонантов в глагольных основах, сопровождавшееся переразложением основ, что привело к появлению деепричастных суффиксов *-р* (ср. *и-б-гу-р-ди* ' иша') при основах с корневыми *а, у* и *-н* (ср. *илтун-ди* 'впуская') при основах с корневым

и. Последний в свою очередь обусловил употребление единого показателя дуратива *-л-* вместо старых **-р-* и **-л-*. Во-вторых, существовавший лишь в некоторых пралезгинских основах аблаут *а/и*, в табасаранском языке распространился на всю глагольную лексику, вытеснив, таким образом, старое противопоставление *ø~р*. Под влиянием этого процесса утратилось видовое **р* и в основах с корневым *у*, сохранив, однако, свои следы в отсутствии в дуративных формах классных показателей (что, впрочем, могло явиться следствием различия у видовых основ "слабой" и "сильной" серий классных показателей). Особого замечания заслуживают основы с чередованием *у~и*. Здесь мы имеем исконные основы вида **иСв*, давшие в терминативе структуру *уСв*. В дуративе же этому процессу, видимо, препятствовал утратившийся позднее инфикс **р*.

Ряд глаголов в северном диалекте табасаранского языка ныне не различает видовых основ. Это прежде всего глаголы корневой структуры *лиС*, ср. хан. *ли-б-ǯ-* 'смотреть', *ли-б-к-* 'хромать', *ли-б-къ-* 'кататься', *ли-б-х-* 'работать', *ли-б-ц* 'ходить'. Поскольку все они в отличие от глаголов группы (а) не имеют пространственных префиксов, здесь оказывается возможным следующее объяснение: структура *лиС* возникла в результате метатезы **илС*, где *-л-* был видовым показателем. Происшедшая метатеза в свою очередь привела к распространению анлаутного *л-* на всю парадигму. Наличие же *-л-* в основе терминатива воспрепятствовало появлению вторичного *-л-* в дуративе (т.е. возникновению форм типа **лилǯунди* 'смотря'). Последнее подтверждается неразличением видовых основ у глаголов с корневым *-и-*, имеющих пространственный префикс *-ил-* 'на', ср. деепричастия наст. времени *ил-б-ицун-ди* 'вертясь', *или-б-ǯун-ди* 'складывая', *или-б-кун-ди* 'покрывая' и др.

Из агульских диалектов, судя по материалам Р.М. Шаумяна (1941), наиболее последовательно проводят противопоставление *ø~-р-* собственно агульский и гекхунский диалекты, в то время как керенский и кошанский уже практически его утратили. В буркиханском (геккунском) говоре, описанном А.М. Дирром (1907), все глаголы по отношению к инфиксу *-р-* можно подразделить на три группы:

имеющие противопоставление *ø~р*: *ах- ~арх-* 'ложиться', *кетI-~кертI-* 'просыпаться', *агв-~аргв-* 'видеть' и т.п. (ср. также *кIес* 'умирать', *лукIвири* 'умирая');

не имеющие инфикса *-р-* в дуративе: *гIай-* 'плакать', *х-* 'принести', *файихъ-* 'бросать', *учI-* 'входить', *ух-* 'пить', *ухъ-* 'сосать', *ухI-* 'беречь', *ӯкв-* 'бегать', *уз-* 'доить', *угв-* 'гореть', *икI-* 'сунуть', *кет-* 'трогать', *гьиӣ-* 'убегать', *джик-* 'подметать', *див-* 'тянуть', *алейш-* 'спускаться';

имеющие инфикс *-р-* в терминативе: *фаӣархъ-* 'падать', *хъадурф-* 'смотреть', *ӣиркIв-* 'кончать', *йарх-* 'бить', *гIадарк-* 'мешать', *арчIв-* 'разрушать', *гьургьв-* 'разговаривать' (ср. также *илгв-* 'оставаться', *далгъ-* 'расходиться', *елхъI-* 'смеяться').

В последнюю группу естественно включить также глаголы с анлаутными *р-* и *л-*: *рихв-* 'спрашивать', *рук̄-* 'зарезать', *рукъв-* 'сушиться', *рукъ-* 'достигать', *рух-* 'греметь (о громе)', *руьхъ-* 'кипеть' (ср. также

тп. *руцас* 'искать', *ругъас* 'вязать'); *ликI-* 'писать' (тп. *ликIенас*, а также *лиханас* 'работать').

Не исключено, что сонанты глагольных корней последней группы представляют собой окаменелые видовые инфиксы, занявшие в беспревербных основах в результате метатезы анлаутную позицию (ср. цирх. *уркас* 'зарезать', *уьрхьес* 'варить', бурщ. *уркъас* 'сохнуть', *уршас* 'варить'). Вместе с тем не удается пока выявить причин, обусловивших подобное развитие, ни в фонетической структуре этих глаголов, ни в их семантике. Нельзя также предложить обоснование утраты инфикса *-р-* в основе дуратива у глаголов второй группы. В связи с этим более приемлемой, по-видимому, должна считаться гипотеза о существовании уже в пралезгинском состоянии трех групп глаголов, аналогичных перечисленным.

Следует, впрочем, учитывать и возможность соотнесения подобных сонантов с окаменелыми классными показателями (ср. Магометов 1970, 57 и сл.). Однако и подобное решение не имеет ни формальной, ни семантической мотивировки: классный показатель *-р-* может выступать, во-первых, для обозначения II класса (женщин) в слабой серии или I—II классов (мужчин и женщин) сильной серии. Поскольку перечисленные глаголы за редкими исключениями подразумевают наличие неодушевленного объекта (субъекта), наличие в них классного показателя *-р-* противоречило бы его функциональной природе.

В рутульском языке противопоставление ∅~*р* охватывает значительную часть глагольной лексики, ср. *'аьчIв-*~*'аьрчIв-* ' входить', *лаьшв-*~*лаьршв-* 'брать', *гьиг-*~*гьирг-* 'гнать' и т.п. К глаголам, стоящим вне этого противопоставления, относятся прежде всего беспревербные типа *й-ахх-* 'бежать', *й-ий-* 'бросать', *гь-а'-* 'делать', *й-аьз-* 'доить', 'сеять', *в-ис-* 'жарить (зерно)', *гь-ацI-* 'знать' и др. (*гь-*, *й-*, *в-* — классные показатели), представленные лишь основой терминатива, а также редуплицированные глаголы типа *хурхв-* 'вязать', *гъургъв-* 'гулять', *гырг-* 'нести', *хырх-* 'ткать', *ды-кьыркь-* 'умирать' (мн.). В связи с высказанной выше гипотезой о наличии в пралезгинском трех групп глаголов, по-разному относящихся к видовой корреляции, особый интерес представляют исключения из данного правила: *'аркьI-* 'гнить', *чаркIв-* 'грызть', *гьерхъв-* 'лаять', *ларс-* 'кипеть', *й-ирз-* 'хвалить', а также немногочисленные глаголы, имеющие инфиксальный *-л-*, отражающий утраченный конечный сонант *л*(*н*): *кьалкь-* 'дрожать', *гь-алг-* 'разговаривать', *гь-улхъв-* 'танцевать'.

В связи с функционированием корреляции ∅~*-р-* в рутульском языке следует сделать два замечания: во-первых, отмечаемое здесь противопоставление форм типа терминатива *сатар*~дур. *салтар* 'оставляет' для настоящего общего и терминатива *сатыр*~дур. *салтыр* 'оставил' для прошедшего общего (Ибрагимов 1978, 104—105), вызвано, на наш взгляд, не более последовательным противопоставлением, а смешением видовых форм; во-вторых, утверждения о том, что "глаголы семантически недлительного действия категорию аспекта не различают" и "глаголы семантически длительного (учащенного) действия в парадигме последовательно сохраняют формант аспекта" (Ибрагимов 1978, 156), не находят здесь материального подтверждения.

В цахурском языке выявление показателя дуратива *-*р*- затруднено произошедшим здесь процессом **р* > *й*/∅. Учитывая, однако, возможные последствия этого процесса для цахурского спряжения, здесь можно выделить показатель дуратива -*й*- в следующих глаголах (приводим формы I кл.):

	Целевая форма[17]	Дуратив
'оставлять'	*гьаĉарас*	*гьа-й-ĉар*
'бросать'	*гьувохьарас*	*гьуво-й-хьар*
'звать'	*хьотIалас*	*хьо-й-тIал*
'бежать'	*къадахьванас*	*къада-й-хьван*

В специальной литературе -*й*- в форме дуратива квалифицировался в качестве аффикса I—IV классов (Талибов 1961, 221). На это, как будто, указывают и данные других лезгинских языков, где подобный показатель имеется. Вместе с тем соотнесенность инфикса -*й*- именно с формами дуратива приводит к выводу о видовом характере этого форманта.

Важно заметить, что все глаголы, имеющие в дуративе показатель -*й*-, имеют конечный сонант: *гьо-й-гьал* 'моет', *гьытIо-й-кIал* 'лопается', *гьо-й-тал* 'тащит', *гьа-й-т̄ал* 'катает (тесто)'; *гьо-й-кIал* 'прыгает', *гьо-й-гьар* 'стонет', *уло-й-зар* 'стоит', *о-й-зар* 'устает', *гьа-й-кьвар* 'ломается', *хьи-й-гьар* 'мерзнет', *хьо-й-хьар* 'варится', *гьо-й-хьар* 'ерзает', *хьо-й-шар* 'стрижет', *го-й-хьан* 'горит', *ацIа-й-кIван* 'кусает', *о-й-хьан* 'ест', *га-й-сан* 'закрывает'.

Определенными процессами с участием дуративного -*й*- могло быть обусловлено, на наш взгляд, также сохранение в ряде цахурских глаголов чередования *и*/*е*:

	Целевая форма	Дуратив
'умереть'	*хьикIас*	*хьекIа*
'заставить'	*аликас*	*илека*
'спать'	*къалихьас*	*къилехьа*

Особенность данных глаголов — отсутствие конечного сонанта (к ним относятся также *гикIас* 'убивать', *гихьас* 'попасть, оказаться', *алишес* 'покупать', *гичIес* 'входить', *гьихвас* 'убегать', *хьишес* 'свежевать').

Третью группу глаголов, предположительно отражающих видовую корреляцию ∅~*й*, составляют лексемы, имеющие -*й*- в основе терминатива, ср.: *айтIалас* 'связывать', но и дуратив *йтIал* и др.

Наконец, довольно большое количество глаголов в цахурском языке не имеет соотносимых форм, увязываемых с противопоставлением ∅~*й*. Это, во-первых, глаголы, дуратив которых имеет сильную серию классных показателей (ср. *гьа-ба-гьва* 'ползти', *хьа-ба-гьва* 'тереть', *гьIа-ба-ха* 'выбирать', *хьыт̄а-ба-ха* 'рвать', *ҁIа-ба-хьIа* 'потухнуть', *га-ба-ха* 'вырубать', *гьичIе-ба-хьва* 'просеивать', *ала-ба-тIа* 'поднимать', *але-ба-тIа* 'брать', *хьа-ба-хьIа* 'читать', *багьа-ба-хьIа* 'чихать', *га-ба-хьва*

[17] Хотя целевая форма не совпадает с основой терминатива, с точки зрения корреляции ∅~-*й*- это различие несущественно.

'брить', *са-ба-че* 'уносить', *гьа-ба-тIа* 'вымереть', *гьытIе-ба-хва* 'копать', *ӡо-ба-це* 'течь', *хъе-ба-хье* 'делиться', *къIе-ба-че* 'запирать'[18], и, во-вторых, глаголы типа *гигъалес* 'начинать', *хъIохъIас* 'красть', *ӑкес* 'находить', *еӣас* 'качать', *ӡокьIас* 'тереть', *гетас* 'бить', *ӡохъас* 'сосать' и т.п. Если распространение сильной серии классных показателей на основы дуратива выглядит несомненным новообразованием, то вторая группа скорее всего отражает пралезгинское состояние.

В арчинском языке бóльшая часть глаголов различает видовые основы с помощью корреляции ∅~*р*, ср., например:

	Терминатив	Дуратив
'резать'	*атIу*	*артIур*
'ломать(ся)'	*ахъIу*	*архъIар*
'мерзнуть'	*хъа*	*хъерхъир*
'стать пасмурным'	*даIшни*	*даIршин*

Системная утрата корреляции ∅~*р* затрагивает здесь лишь основы вида *-CV-*, ср. *кьIас~кьIар* 'делить', *цас~цар* 'хвалить', *кос~кор* 'слышать', *х̄Iубус~х̄Iар* 'переворачивать', *ӣубус~ӣур* 'брать', *лIуммус~лIан* 'тянуть' и т.п. Эти основы, как и в лезгинском, восходят обычно к пралезгинскому типу **-иCV-*, но в отличие от лезгинского языка, здесь они представлены лишь основой терминатива. От данной группы отличаются глаголы, имеющие основу терминатива *-CV-*, но все же сохраняющие противопоставление ∅~*р*. Сюда относятся, во-первых, лексемы с редуплицированной основой дуратива типа *хъес~хъерхъир* 'мерзнуть', *шеIс~шеIршир* 'гнить' (а также глаголы, отражающие конечные пралезгинские сонанты **-л* и **-н*: *х̄уммус~х̄емх̄ин* 'плести', *л̄ъуммус~л̄ъемл̄ъин* 'убегать' и т.п.), и, во-вторых, глаголы, дающие чередование ∅~*о*: *карас~оркир* 'брать с собой', *х̄ес~орх̄ир* 'уносить', *хъIес~орхъIир* 'идти'.

В связи с данными лексемами несомненный интерес представляют также случаи лексикализации видовых форм одного и того же глагола: *шеIс* 'побежать'~*гьерIӣас* 'бежать', *хъIес* 'идти'~*гьерхъIас* 'ходить', *кьвас* 'испаряться'~*кьурас* 'сохнуть'.

Перечислим лексемы, стоящие вне корреляции ∅~*р*:

1) *бакьIар* 'возвращается', *кьацIар* 'мирится', *ас̆ар* 'дрожит', *сак̆ар* 'смотрит', *сесар* 'жарит (зерно)', *дубхъар* 'разрушает', *дубл̄ъар* 'шьет', *бабцIур* 'тешет', *бабх̄Iур* 'опухает', *дабльур* 'отпирает', *габх̄ур* 'царапает', *ублIур* 'обувает' (в последних глаголах видовой инфикс мог быть вытеснен окаменелым классным показателем);

2) *арс̆ас* 'крошить', *ерх̄Iас* 'черпать', *гьеIрӣас* 'бежать', *гьерхъIас* 'ходить', *аргьас* 'думать', *орс̆ас* 'макать', *оIрчас* 'остывать', *баргьас* 'нянчить', *доркьас* 'причитать', *аркIвмус* 'ковырять', *артIмус* 'глодать', *архмус* 'рассыпаться', *еркьIвмус* 'скрывать', *ирхвмус* 'работать' *льорольмус* 'стать щекотно', *тарас* 'свертываться', *чарас* 'жарить', *хIарас* 'смеяться'.

---

[18] Приведены формы дуратива.

Если не считать случаев типа *гьеIрйас* 'бежать', представляющих собой отмеченный выше результат расщепления видовой парадигмы, то можно считать, что арчинский язык в какой-то мере также отражает пралезгинское распределение глагольных лексем на три группы.

В крызском языке противопоставление ∅~*р* последовательно проводится лишь в глаголах с конечными сонантами. При этом в качестве показателя дуратива здесь выступают *-р-* в глаголах с конечным *-р* и *-л* — в глаголах с конечными *-л* и *-н*:

1) *тIу-д-хур-идж~тIу-р-ху-ри* 'скрести', *вуср-идж~ву-р-саь-ри* 'потухнуть', *гIад-кIур-идж~гIа-р-кIу-ри* 'продеть' и т.п.;

2) *къотIл-идж~къо-л-тIаь-ли* 'стоять', *куьтIл-идж~куьлтIуь-ли* 'запрягать', *коьсл-идж~коьлсаь-ли* 'смотреть' и т.п.;

3) *ваьхн-идж~ваьлхаь-ни* 'бороться', *йиг̃н-идж~йулг̃у-ни* 'тянуть', *йыкьн-идж~йылкьаь-ни* 'бежать' и т.д.

Тенденцию к выражению дуратива с помощью инфикса *-р-* обнаруживают также глаголы с сильной серией классных показателей (ср.: *и-р-хъаьдж, и-б-хъаьдж* 'видеть' — дур. *ирхъаьри*), что, очевидно, является результатом переосмысления классного показателя *-р-* (I, II кл.).

В крызском имеются также единичные глаголы, которые вопреки приведенному правилу, с одной стороны, сохраняют оппозицию ∅~*р* (*къаьчIидж~къорчIаьри* 'выходить', *саьчаьдж~саьрчаьри* 'гнить') и, с другой стороны, не имеют таковой (*саьхъридж~саьхъри* 'просить', *йетридж~йатри* 'оставлять', *аьхридж~ахари* 'спать'). Последние лексемы, по-видимому, исконно не относились к сонантному спряжению, и конечный *-р-* в них вызван исходом основы терминатива на узкий гласный (подобный процесс более отчетливо прослеживается в будухском языке).

Обязательное инфиксальное выражение дуратива при глаголах сонантного спряжения характерно и для будухского языка. При этом конечный *-л* обусловливает наличие инфикса *-л-* (ср. терм. *акьулджи*~дур. *алкьо-ли* 'сесть' и т.п.), а конечный *-н* — инфикса *-н-* (ср. *есин-джи~энси* 'гаснуть' и т.п.). Что же касается глаголов с конечным *-р*, то здесь произошло его перераспределение: в основе терминатива он появляется практически всегда после узкого гласного, ср. *си'ир-джи* 'сделал', *суьгуьр-джи* 'сжег' и т.п.

Таким образом, термин "сонантное спряжение" в будухском языке относится лишь к глаголам с конечными сонантами *-л* и *-н*. Среди остальных глаголов особый интерес, естественно, вызывают глаголы с отсутствием корреляции ∅~*р*: *ацIу* 'сыпать' (терм. *ацIәджи*), *ату* 'бить' (терм. *атәджи*), *чосу* 'подложить' (*чийеджи*), *чIахъу* 'грызть' (*чIахъаджи*), *еди* 'стричь' (*едеджи*), *екьи* 'делить' (*екьеджи*), *еши* 'слезть с лошади' (*ешеджи*), *етIи* 'разрубить' (*етIеджи*) и др.

Как мы указывали, лишь удинский язык не сохранил следов противопоставления ∅~*р*. К возможным факторам, повлиявшим на подобное развитие в первую очередь можно отнести фонетический процесс *$р > ∅$, а также возросший удельный вес в глагольном словаре сложных глаголов, образованных сочетанием глагольной основы со вспомогательным глаголом.

На основании изложенных фактов можно с большой долей уверенности говорить о существовании в пралезгинском языке трех групп глаголов, различным образом относящихся к видовой оппозиции *∅~р*, и очертить контуры их лексического состава. В первую группу, характеризующуюся отсутствием инфикса *-р-* в основе дуратива, входили, например, следующие глаголы:

**'атва* 'бить, толочь' > лезг. *гатаз*, таб. дюб. *йа-∅-тус*, агул. бурщ. *утас*, рут. *в-етас*, цах. *г-ōтас*, арч. *б-āтас*, крыз. *в-аьтаьдж*, буд. *ату;*

**'аx̄ва* 'верить' > лезг. *агъаз*, таб. *хъу-∅-гьуз*, агул. *хъухас;*

**'ахъва* 'открывать(ся)' > агул. *дахъас*, цах. *ахъас*, арч. *даха-ас*, буд. *къахъу* 'разболтать (секрет)', а также лезг. *ахъа*, уд. *хъай* 'открытый';

**'аx̄Ia* 'знать' > таб. *агъIу хьуз*, агул. *хар хьас*, цах. *ахIа* (дур.), крыз. *х'ар йеридж* 'обучать', уд. *ахI* 'наставление';

**'ацIа* 'знать' > рут. *в-ацIас*, цах. *ацIа* (дур.), арч. *бецIас* 'мочь, уметь', крыз. *в-аьцIаьдж*, буд. *гьа-ва-цIар*, уд. *айе-сун* 'уметь';

**'ац̄Iа* 'болеть' > лезг. *тIаз*, таб. *иц̄ру хьуз*, агул. *ит̄ар хьас*, рут. *й-аьддас*, арч. *ац̄Iар*, крыз. *титаьдж*, буд. *туткар;*

**йа'а* 'делать' > лезг. *ийиз*, таб. *апIуз*, рут. *в-а'ас*, цах. *гьа'ас*, арч. *ас*, крыз. *йеридж*, буд. *си'и*, уд. *бес;*

**ъаьш̄аь* 'плакать' > лезг. *ише хьун*, таб. *ишуз*, агул. *гIашас*, рут. *й-ешес*, цах. *г-ейшес*, крыз. *в-ишаьдж;*

**гьIеца* 'жарить (зерно)' > таб. канд. *у-∅-цуз*, агул. *уцас*, рут. *в-исас*, цах. *хъ-ецас*, арч. *сесас*, крыз. *гIайсаьдж*, буд. *къ-асу;*

**'ильве* 'идти' > лезг. *физ*, таб. *гъ-аф-ну* (терм.), рут. *гьыхьыр* (терм.), крыз. *ихьидж*, буд. *вихьиджи* (терм.);

**йиx̄Λ* 'косить' > агул. *ихьес*, крыз. *йихьаьдж*, буд. *сухьу*, уд *ех* 'жатва';

**'ильы* 'быть' > лезг. *хьун*, таб. *хьуз*, агул. *хьас*, цах. *ихьес*, крыз. *хьийидж*, буд. *йихьэр;*

**'ихъы* 'найти' > таб. *д-ихъуз*, арч. *хос*, уд. *бикъ-сун* 'держать, хватать';

**'ōк̄вы* 'гореть, жечь' > лезг. *к̄уз*, таб. *у-р-гуз*, агул. *угвас*, арч. *б-ōк̄ас*, крыз. *угадж*, буд. *сугор*, уд. *бōк̄-сун;*

**'ōт̄в[ы]* 'срывать' > лезг. *т̄ваз* 'брить', таб. *уду-∅-дуз* 'ощипывать', агул. *удас*, цах. мишл. *хъ-одас*, арч. *ōт̄ас*, крыз. *вудаьдж* 'стричь (овец)', буд. *еди* то же;

**'охва* 'пить' > таб. *у-∅-хуз*, агул. *ухас*, арч. *x̄у-бус;*

**'охъва* 'сосать' > лезг. *хъваз*, таб. *у-∅-хъуз*, агул. *ухвас*, цах. *г-охъас*, арч. *мам бухас* 'сосать грудь', крыз. *ч-охъаьдж* 'впитывать (влагу)'.

Включение перечисленных глаголов в данную группу основывается на следующих показаниях: а) наличие классных показателей *б/∅* в табасаранском, б) отсутствие видового *-р-* в агульском, рутульском (в беспревербных глаголах), цахурском, крызском и будухском языках. Надо сказать, что некоторые из этих глаголов по значению можно квалифицировать как глаголы состояния (ср.: *верить, знать, открываться* < *быть открытым, болеть*), поэтому в них возможно распространение основы терминатива на всю глагольную парадигму.

Вторую группу с регулярным противопоставлением *∅~р* составляли,

надо полагать, следующие глаголы:

*'*аǩвaь* 'видеть' > лезг. *аǩваз*, таб. *а-∅-гуз* 'искать', агул. *агвас*, рут. *а-в-гвас*, цах. *гьāгвас* 'показывать', арч. *б-аǩус*, уд. *аǩ-сун;*

*'*аǩǩaьр* 'брать, держать' > лезг. *кьаз*, таб. *гьада-∅-гьуз*, агул. бурщ. *акъас*, рут. *гьа-в-къас*, цах. *а-в-къас*, арч. *б-аǩǩас* 'оставлять', крыз. *йихъриdж*, буд. *су-р-хъу*, уд. *акъ-сун;*

**йатaьр* 'отпускать, оставлять' > лезг. *таз*, таб. *гъ-и-∅-туз*, агул. *атас*, рут. *с-а-б-тас*, арч, *а-б-тис*, крыз. *йа-б-тыриdж*, буд. *йо-р-ту;*

**йатIвы* 'резать' > лезг. *атIаз*, таб. *кт-а-∅-тIуз*, агул. *атIас*, рут. *гьа-б-тIвас*, цах. *гьа-ба-тIас* 'вымирать', арч. *а-б-тIас*, буд. *йо-ро-тIу*, крыз. *йа-б-тIыриdж*, уд. *бостун* < **ботсун;*

**ахaьр* 'спать' > таб. *а-∅-хуз*, агул. *ахас*, рут. *с-а-в-хас*, арч. *а-б-хас* 'ложиться', крыз. *ахриdж*, буд. *а-р-хар*, а также лезг. *ахвар* 'сон', уд. *бар-хи* 'горизонтальный, поперечный' < *'лежащий';

**гьIацIы* 'наполнять(ся)' > лезг. *ацIуз*, таб. *а-∅-цIуз*, агул. *ацIас*, рут. *а-в-цIыр* (терм.), цах. *г,-ацIāс*, арч. *а-б-цIас*, буд. *са-р-цIар*, а также крыз. *гIацIaьд*, уд. *буй* 'полный';

*'*илъIе* 'умирать, убивать' > лезг. *рекьиз*, таб. *йи-∅-кIуз*, арч. *кIис*, агул. *кIас*, рут. *в-икьес*, цах. *хъ-екIес*, крыз. *кьaьйиdж*, буд. *са-р-кьар*, уд. *бийе-сун;*

*'*ецвaьр* 'стоять' > лезг. *акъв-азиз*, таб. *гъу-∅-зуз*, агул. *гъ-узас*, цах. *ул-ойзарас*, арч. *о-б-цис*, рут. *л-у-в-звас*, крыз. *къ-у-б-зуриdж*, буд. *къ-у-р-зар;*

*'*ича(н)* 'гнуть' > таб. *д-ирджуз*, агул. *гь-адижас* 'завернуть', арч. *час* 'мотать', буд. *къ-енджи;*

*'*ичIвaь* 'входить' > лезг. *екь-ечIиз* 'выходить', таб. *у-∅-чIуз*, агул. *учIас*, рут. *aь-б-чIвас*, цах. *икI-ечIес*, арч. *чIу-бус*, крыз. *къ-aь-б-чIaьdж* 'выходить', буд. *гI-ачIи*, уд. *байес;*

*'*ишвaь* 'брать' > агул. *гъ-ушас*, рут. *л-aь-в-швас*, цах. *ил-ешес*, арч. *шу-бус;*

**ъичaь* 'гнить' > рут. *с-и-в-чес*, цах. *хъI-ы-в-чес*, арч. *шеIс*, крыз. *с-aь-б-чaьdж*, буд. *се-р-чер;*

**гьишвaь* 'убежать' > агул. *гьишас*, арч. *шеIс* (также *гьеIршас* 'бежать');

*'*окъва* 'идти (об осадках)' > лезг. *къваз*, таб. *у-р-гъуз*, агул. *угъас*, рут. *гьугъвас*, цах. *г,-огъIас*, а также уд. *агъала* 'дождь';

*'*охIвы* 'беречь' > лезг. *хуьз*, таб. *у-р-хIуз*, агул. *ух̂ас*, рут. *у-ву-хIас*.

Это противопоставление сохраняется в агульском, рутульском, крызском и будухском языках. В табасаранском ему может соответствовать как оппозиция классных показателей *б~р*, так и *б~∅*, что вызвано, вероятно, частными аналогиями. В арчинском лишь лексема *аǩус* 'видеть' не дает ожидаемого *-р-* в дуративе (ср. *аǩур*), однако здесь можно предположить расщепление парадигм, ср. *и-р-ǩус* 'искать' (с аблаутом *а~и*).

Наконец, глаголы третьей группы имеют *-р-* (*-л-*) в обеих видовых основах:

*'*иркьaьр* 'достигать' > лезг. *акьаз* 'попасть, удариться', таб. *ру-∅-къуз*, агул. *рукьас*, рут. *лaь-в-кьас*, цах. *авайкьарас*, арч. *е-б-кьис*, крыз. *вокьdж* 'найти', буд. *чу-ракьар*, уд. *е-сун/ей-сун;*

*'*иркъе(р)* 'мерзнуть' > лезг. *рекъиз*, таб. *а-р-гъуз*, агул. *ругъас*, рут. *си-в-гъес*, цах. *хъ-игъарас*, арч. *хъес*, крыз. *сагъадж*, буд. *са-р-гъар;*

*'*илйа* 'хвалить' > рут. *в-ирзас*, арч. *цас;*

*'*илхъва* 'танцевать' > агул. *лухъас*, рут. *гьулхъвас*, арч. *хъебус*, а также таб. *йалхъван* 'танец';

*'*илкъваь* 'крутиться' > лезг. *елкъвез*, таб. *и-д-иргъуз* 'валять', рут. *ру-в-гъвас* 'быть круглым';

*'*ерл̄ъIа* 'гнать' > таб. дюб. утIу-р-к̆ус, агул. бурщ. *ахъарк̄ас*, рут. *гьи-ви-гас;*

*'*елхъва* 'лаять' > агул. *ч-ирхъвас*, рут. *в-ерхъвас;*

*'*арк̄ъIаь* 'видеть' > таб. *ра-∅-къIуз*, агул. бурщ. *ракъIас*, рут. *га-в-къас*, крыз. *и-б-хъаьдж*, буд. *и-р-хъи;*

*'*алс̄а* 'дрожать' > лезг. *къарсаз*, рут. *ла-вы-рсас* 'кипеть', арч. *б-ас̄ас*, крыз. *в-аьсаьдж*, буд. *гьа-ва-сар;*

*'*алх̄Лн* 'рассыпать(ся)' > таб. хан. *да-р-гъув*, агул. бурщ. *далханас* 'разойтись, разбрестись', арч. *архмус;*

Как видно, более последовательно сохраняется *-р-/-л-* в агульском языке. В целом же сохранение или выпадение инлаутного сонорного регламентируется фонетическими правилами, сформулированными С.А. Старостиным.

Что касается фонетических или каких-либо иных условий предложенного разбиения глаголов на три группы, то можно заметить лишь, что конечные сонорные в значительной степени способствуют сохранению инфиксальных видовых показателей. Видимо, вообще, когда речь идет о глаголах сонантного спряжения, можно говорить лишь о регулярном противопоставлении *∅~р* при реконструкции глагольного корня вида CVCVR или же о корневом сонанте при реконструкции глагольного корня вида CVRCVR.

Особо следует остановиться на функциональной характеристике категории вида. Как уже отмечалось, в современных лезгинских языках видовые основы достаточно четко распределены (в зависимости от выражения) в глагольной словоформе других категорий: в частности, за словоформой императива закреплена основа терминатива, а за словоформой прохибитива — основа дуратива. Есть основания полагать, что пралезгинское состояние было иным: во-первых, на это указывает различие видовых характеристик целевой формы — в лезгинском языке это основа дуратива, а в других языках терминатива; во-вторых, соотносительность видовых форм императива угадывается в противопоставлении собственно императива и желательного наклонения в шахдагских языках (см. подробнее "Категория наклонения").

Наряду с противопоставлением *∅~р* к средствам выражения значений аспектуального характера в пралезгинском относилось чередование корневых гласных, т.е. аблаут. Специальное исследование этого явления было осуществлено С.А. Старостиным, с рукописью которого автор имел возможность ознакомиться. Как было установлено, на пралезгинском уровне было представлено как чередование первого гласного корня (исходная основа терминатива), так и второго (исходная основа потенциалиса) (табл. 3).

Таблица 3

	Основа терминатива	Основа дуратива	Основа потенциалиса		Основа терминатива	Основа дуратива	Основа потенциалиса
Первый гласный корня	*и*	*аь*	*ы*	Второй гласный корня	*а*	*о*	*а*
	а	*и*	*а*		*а*	*о*	*аь*
	е	*е*	*е*		*ы*	*ы*	*ы*
	о	*о*	*о*		*а*	*а*	*е*

Исконное состояние не сохранилось ни в одном из языков лезгинской группы. Поскольку рефлексы различных типов чередований составляют предмет сравнительной фонетики, здесь мы остановимся лишь на случаях их морфологической переинтерпретации в современных языках. К подобным случаям можно отнести, во-первых, использование аблаута *и~ы* для противопоставления сингулярных и плюральных форм в рутульском, ср. *сикьвас* (ед.)~*сыдкьас* (мн.) 'сидеть'; *йикьес* (ед.)~*ды-кьыркьас* (мн.) 'умирать'. Реинтерпретации подвергся в рутульском языке также аблаут *а~е* и *а~аь*, противопоставляющий ныне неодушевленные и одушевленные формы мн. числа, ср.:

	III—IV (неод.)	I—II
'оставлять'	*сатас*	*салтес*
'стоять'	*лузвас*	*лулзес*
'видеть'	*гьагвас*	*гьадгвес*
		и т.п.

В ином направлении пошло развитие аблаута *а~е* и *а~аь* в шахдагских языках. Более архаичная ситуация в этом отношении сохранилась в будухском языке, где представлены соответственно чередования *а~и* и *у~и*, ср. алсал 'вернуться'~терминатив *есилджи; йорту* 'отпустить'~*йе,пирджи*. Вместе с тем уже на протошахдагском уровне ступень *а* стала интерпретироваться как непереходная, а от ступени *и* начали "достраиваться" переходные формы, ср. *елси* 'вернуть', а также *ансан* 'гаснуть' /*енси* 'гасить' — терм. *есинджи*, *архар* 'спать'/ *ерхи* 'усыплять' — *ехирджи* и др. От ряда основ могли образоваться непереходные формы терминатива со ступенью *а*: *саргъар* 'мерзнуть' (ср. *сергъи* 'морозить') — терм. *сагъаджи*, *саркьар* 'умереть' — *сакьаджи*. В дальнейшем подобное противопоставление распространилось и на некоторые глаголы, не имевшие аблаута *а~е*.

В крызском языке произошла нейтрализация конечных корневых гласных. Это приводит в конечном счете к их переинтерпретации: ср. "При образовании неопределенной формы глагола между основой глагола и инфинитивным суффиксом *дж* появляются соединительные гласные *оь, а, и, у, ы*, которые отчасти зависят от качества корневого гласного глагольной основы" (Хидиров 1964, 9). Реминисценцией былых чередований здесь можно считать мену *и/аь, аь/и, а/у, а/ы* в формах масдара и инфинитива: *джир-и-дж/джир-аь-с* 'жарить, варить', *йихь-*

аь-дж/йихь-и-с 'жать, косить', *уг-а-дж/уг-у-с* 'гореть, жечь', *сагь-а-дж/сагь-ы-с* 'остыть'. Регулярный характер приняло в крызском языке противопоставление переходных и непереходных форм: в формах дуратива для выражения непереходности обязательно используется суф. *-а-/-аь-*, восходящий, судя по будухским данным, к аблаутной ступени *а*, ср. *йитI-ри* 'рвет'~*йитI-аь-ри* 'рвется', *уг-ри* 'жжет'~*уг-а-ри* 'горит', *вулту-ли* 'качает'~*вулт-аь-ли* 'качается', *рукь-ри* 'убивает'~*рыкь-аь-ри* 'умирает' и т.д.

К числу функциональных изменений в области пралезгинского аблаута можно отнести также лексикализацию некоторых его типов в арчинском языке, ср. *хъIес* 'идти'~*гьерхъIас* 'ходить', *лIос* 'давать'~*олIас* 'продавать' и др.

В сферу средств выражения значений аспектуального характера в пралезгинском языке входила, по-видимому, и рудупликация, на что указывает функционирование рудуплицированных форм в различных лезгинских языках.

Для лезгинского языка характерна редупликация в формах императива (см. Мейланова, 1954, 269). Она имеет место в случае односложности исходной формы, ср.:

агъ-угъ 'верь', но *авагъ* 'оттаивай'
акI-укI 'вязни', но *алукI* 'одевай'
атI-утI 'режь', но *акъалтI* 'кончай'

В ряде диалектов встречаются редуплицированные глаголы: в фийском — *кьуркьу* 'сохнуть', *хурху* 'ткать', *ӵурӵу* 'жарить' (Абдулжамалов 1965), в джабинском — *хырхы*ᴴ 'вязать', *къуркъу*ᴴ 'сохнуть', *гыргы*ᴴ 'варить' (Ганиева 1980, 17), в докузпаринском — *хутху*ᴴ 'отнести', *хырхы*ᴴ 'вязать, ткать', *гыргы*ᴴ 'варить', *кьыркьы*ᴴ 'вялить, сушить' (Мейланова 1964б, 216).

В рутульском языке редупликация не имеет грамматических функций[19], однако ряд глаголов представлен здесь исторически редуплицированной основой: *кьалкьас* 'дрожать', *джирджес* 'жарить', *гыргас* 'вести', *гъургъвас* 'гулять', *хурхвас* 'вязать', *хырхас* 'ткать'. Эти же глаголы могут встречаться как диалектные варианты и в нередуплицированной форме: *йиргас* 'вести', *йиджес* 'жарить', *ругъвас* 'быть круглым'. Но даже и при отсутствии нередуплицированного коррелята принадлежность глагола к данной группе может быть определена по одной характерной особенности — наличию префиксальных классных показателей: *ра-кьалкьас* II, *ва-кьалкьас* III 'дрожать' и т.п. В то же время нередуплицированные глаголы со структурой основы CV(R)C всегда инфигируют классный показатель: *ки-р-кас* II, *ки-в-кас* III 'быть похожим' и т.п.

Грамматическая функция, выполняемая редупликацией в цахурском языке, зависит от семантики глагола. Глаголы активного действия редуплицируют формы дуратива, ср. *хьикека* 'приносить' при терм.

[19] Лишь в одном случае можно говорить о противопоставлении грамматических форм с помощью редупликации: *йикьес* I, *рикьес* II, *викьес* III 'умирать' — мн. I—II *ды-кьыркьас*.

хъыќы, ухуха 'рожать' при терм. *ухы, акъакъа* 'держать' при терм. *акъы, ыхIыйхIа* 'бить' при терм. *ыхIы.* Стативные глаголы редуплицируют основу терминатива, ср. *ыкIейкIыр* 'болеть' при дур. *ыкIар, ыќыйкын* 'любить' при дур. *ыќан.* Следует, впрочем, заметить, что примеры грамматического противопоставления редуплицированных и нередуплицированных глагольных форм в цахурском языке ограничиваются приведенными, если не считать также глаголов, редуплицированных во всех формах: *ухьйхьанес* 'пасти', *выгъыгъас* 'чесаться'.

Наиболее разнородны примеры редупликации в арчинском языке (см. Хайдаков 1975, 75—76). Здесь регулярно редуплицируются, во-первых, формы дуратива, императива и масдара глаголов с исходной основой вида *Се(м)* и, во-вторых, формы императива и масдара глаголов с основой *Сар,* ср.:

	Исходная основа	Дуратив	Императив	Масдар
'считать'	*кьIвем-*	*кьIвемкьIин*		*кьIвемкьмул*
'убегать'	*л̄ъвем-*	*л̄ъвемл̄ъин*		*л̄ъвемлъмул*
'таять'	*с̄ем-*	*с̄емс̄ин*		*с̄емсмул*
'плести'	*х̄ем-*	*х̄емх̄ин*		*х̄емхмул*
'просеивать'	*ц̄Iем-*	*ц̄Iемц̄Iин*		*цIемцIмул*
'размешивать'	*ш̄еIм-*	*ш̄еIмш̄ин*		*ш̄еIмшмул*
'заблудиться'	*кьIе-кIе-*	*кьIе-кIеркIир*		
'побеждать'	*хе-*	*херхир*	*хехи*	*хехмул*
'мерзнуть'	*хъе-*	*хъерхъир*	*хъехъи*	*хъехъмул*
'гнить'	*шеI-*	*шеIршир*	*шеIши*	*шеIшмул*
'сохнуть'	*к̄ъвар-*	*кьвар*	*кьурак̄ъа*	*кьуракьмул*
'уводить'	*кар-*	*оркир*	*карака*	*каракмул*
'смеяться' (терм. *хIараxIу*)	*хIар-*	*хIар*	*хIараxIа*	*хIараxIмул*
'жарить'	*чар-*	*чар*	*чарача*	*чарачмул*

Ср. также редуплицированные формы нерегулярных глаголов: дур. (=импер.) *кукин,* масд. *кукмул* от *куммус* 'есть (о животном)', импер. *хвихир,* масд. *хвихмул* от *хвис* 'умирать', импер. *х̄ех̄а* от *х̄ес* 'уносить', импер. *сиси* от *с̄убус* 'варить(ся)', импер. *кIимкIа,* масд. *кIимкIмул* от *кIис* 'умирать (ед.)', а также редуплицированный во всех формах глагол *кьIейкьIис* 'садиться'.

В крызском языке рудуплицируются формы дуратива нескольких глаголов с основами CVR: *джир-идж* 'жарить' — дур. *джидж-ри, зым-ыдж* 'мыть' — дур. *зыз-ни, шил-идж* 'прясть' — дур. *шиш-ли, къыр-идж* 'пить' — дур. *къыкъ-ри, хыр-идж* 'ткать' — дур. *хых-ри, хъур-идж* 'смеяться' — дур. *хъухъ-а-ри.*

В остальных языках сколько-нибудь заметные следы редупликации глагольных основ отсутствуют. Как видно, показания языков, обнаруживающих явление, во многом разноречивы и малоинформативны. Однако наиболее вероятным представляется следующее предположение:

редупликация в раннем пралезгинском состоянии характеризовала интенсивность действия, сочетаясь при этом с разными видовыми основами. но лишь с определенными ступенями аблаута, т.е. с теми, которые выражали множественность действия. Уже на позднем пралезгинском уровне редупликация утратила свой категориальный характер и закрепилась за определенными видо-временными формами (дуратив, императив), сохраняясь при этом в глаголах специфической корневой структуры (ср. *'*ик̄ъвар* 'сохнуть', *'*ирх̄вар* 'вязать', *'*ихар* 'ткать', *'*ич̄ар* 'жарить'). В некоторых из них редуплицированные формы распространились на всю парадигму.

Судя по материалам других дагестанских языков, категория вида не является новообразованием лезгинских языков, а унаследована от общедагестанского состояния. Наиболее непосредственные аналогии обнаруживает в этом отношении даргинский язык, в котором совершенный и несовершенный виды противопоставлены, во-первых, при помощи инфиксов *-р-* и *-л-*, ср. *бикIес* 'выбрать' — *би-р-кIес* 'выбирать'; во-вторых, чередованием гласных, ср. *абхьес* 'открыть' — *ибхьес* 'открывать', и, в-третьих, сочетанием первого и второго способов (имеются и другие способы противопоставления видовых основ в даргинском языке; см., например: Абдуллаев 1967, 516). Сопоставимы с данными лезгинских языков и факты противопоставления длительных (учащательных) и недлительных форм в аварском языке, суффиксация *-л*(*-ла*) для образования длительного вида в лакском языке, противопоставление результативных и нерезультативных основ в хиналугском и т.п. Наконец, "можно вполне определенно говорить о первичности аспектуальности в нахских языках, первоначально представленной категориями однократного и многократного "способов действия" (Дешериева 1979, 164). Рассматривая взаимоотношения нахских и дагестанских языков, Б.К. Гигинейшвили выдвигал глагольный аблаут в качестве одного из показателей специфики нахских языков: "Это характерное для морфологии нахского глагола чередование корневых гласных совершенно чуждо дагестанским языкам как на нынешнем этапе их развития, так и исторически" (Гигинейшвили 1977, 24). Как видим, такое суждение оказывается верным лишь по отношению к аваро-андо-цезским языкам.

Категория класса

Как показывают исследования (см., например: Мейланова, Талибов 1977), для современных лезгинских языков характерна тенденция к нейтрализации классных противопоставлений. Прямым следствием этой тенденции является отсутствие данной категории в лезгинском, агульском и удинском языках.

Значительно редуцировалась система классного словоизменения табасаранского глагола. Здесь ныне противопоставлены два класса: личный (класс человека) и неличный (класс вещи). Как отмечает А.А. Магометов (1965, 84), "в северном диалекте глагол лучше сохранил грамматические классы сравнительно с южным диалектом". Наблюдаемые

здесь классные экспоненты сводятся к следующим типам:

	Личный класс	Неличный класс	Мн. число
I тип:	*д-(р-)*	*б-*	*д-*
'испугаться'	*д-и-р-къус*	*б-икъус*	*д-икъус*
II тип:	*-р-*	*-в-*	*-р-*
'лететь'	*тIи-р-хус*	*тIи-в-хус*	*тIи-р-хус*
III тип:	*-ø-*	*-в-*	*-ø-*
'работать'	*ли-ø-хус*	*ли-в-хус*	*ли-ø-хус*
IV тип:	*-р-*	*-ф-*	*-ø-*
'отнести'	*да-р-къус*	*да-ф-къус*	*да-ø-къус*

Нейтрализация классных оппозиций в южном диалекте затрагивает, с одной стороны, утрату их функций, в результате чего они выступают уже в окаменелом виде, и, с другой стороны, их полную редукцию (см. Магометов 1965, 86).

Остальные языки лезгинской группы дают в совокупности надежный материал для реконструкции пралезгинского классного спряжения, представленного четырехчленной системой.

В рутульском языке (лучекский говор), в зависимости от имеющегося набора классных экспонентов, глагольные лексемы подразделяются на три типа. Выступающие в этих типах классные показатели представлены в табл. 4.

Для цахурского глагола характерно различие двух типов классных показателей: в первом типе имеем показатели *-ø-* для I и IV классов, *-й-* для II класса и *-в-*для III класса, во втором так называемые универсальные классные показатели (Талибов 1961, 221) — *-р-* для I и II классов, *-б-* для III класса, *-д-* для IV класса. В зависимости от употребления того или иного набора классных показателей глаголы в цахурском языке распределяются на несколько групп: а) глаголы, во всех видовых основах имеющие тип I; б) глаголы, имеющие тип II в терминативе, в) глаголы, во всех видовых основах имеющие тип II.

В арчинском языке реально засвидетельствован один набор классных показателей: I класс — *в*, II класс *д-*, *р*, III класс — *б*, IV класс — *ø*. В то же время проводится различие между глаголами с классными префиксами и классными инфиксами, ср. *в-аӣус, д-аӣус, б-аӣус, ø-аӣус* 'видеть', но *е-в-кас, е-р-кас, е-б-кас, е-ø-кас* 'упасть'. В формах дуратива и императива глаголы второго типа также присоединяют классные префиксы: *в-еркар, д-еркар, б-еркар, ø-еркар; в-ека, д-ека, б-ека, ø-ека* (см. Хайдаков 1980, 130).

Шахдагские языки ныне обладают значительным разнообразием типов классного словоизменения, однако это разнообразие может быть сведено к двум типам: ср. крыз. *й-итIаьдж* I, IV, *в-итIаьдж* II, III 'резать', но *чаь-р-гъулидж* I, *чаь-б-гъулидж* II, III, *чаь-д-гъулидж* IV 'отпустить'; буд. *гьацIар* I, IV, *гьа-ра-цIар* II, *гьа-ва-цIар* III, 'знать', но терм. *соркIунджи* I, II, *собкIунджи* III, *содкIунджи* IV 'испугаться'.

Основываясь на вышеприведенном материале, можно реконструировать для пралезгинского состояния два набора классных

Таблица 4

Классные показатели в рутульском глаголе

Класс \ Тип глагола	I	II	III дуратив	III терминатив
I ед.	*гь/∅* *гь-ацIас* 'знать' *лу-∅-звас* 'стоять'	*й* *й-ешес* 'плакать' *гье-й-гас* 'выгонять'	*∅* *са-∅-ртар* *хи-∅-ргар*	*р/∅* *са-∅-тас* 'оставлять' *хи-р-гас* шевелиться'
II ед.	*р* *р-ацIас* *лу-р-звас*	*р* *р-ешес* *гье-р-гас*	*р* *са-ры-ртар* *хи-ри-ргар*	*р* *са-р-тас* *хи-р-гас*
III ед.	*в* *в-ацIас* *лу-в-звас*	*в* *в-ешес* *гье-в-гас*	*в* *са-вы-ртар* *хи-ви-ргар*	*б* *са-б-тас* *хи-б-гас*
IV ед. III—IV мн. неод.	*гь/∅* *гь-ацIас* *лу-∅-звас*	*й* *й-ешес* *гье-й-гас*	*∅* *са-∅-ртар* *хи-∅-ргар*	*д/∅* *са-∅-тас* *хи-д-гас*
III—IV мн. од.	*гь/л* *гь-ацIас* *лу-л-зес*	*й/л* *й-ешес* *гье-л-гас*	*л* *са-л-тер* *хи-л-гар*	*л* *са-л-тес* *хи-л-гас*
I—II мн.	*д/л* *д-ацIас* *лу-л-зес*	*д* *д-ешес* *гье-д-гас*	*д* *са-ды-ртер* *хи-ди-ргар*	*д/л* *са-л-тес* *хи-д-гас*

показателей — сильную и слабую серии:

	Сильная серия	Слабая серия
I кл.	**р*	**ў*
II кл.	**р*	**р*
III кл.	**п̄*	**в*
IV кл.	**т̄*	**й*

Если учесть реконструкцию классных показателей при адъективах (ср. арч. *гьибат̄у* < **гьибат̄у-в, гьибат̄у-р, гьибат̄у-б, гьибат̄у-т* 'хороший', где показатель *-т* IV класса свидетельствует о сильной серии классных показателей), то окажется возможным для показателя I класса сильной серии также реконструировать **ў*, допуская при этом произошедший во всех остальных лезгинских языках процесс нейтрализации.

Сильная серия классных показателей достаточно хорошо сохранилась в рутульском, цахурском и шахдагских языках. В арчинском глаголе эта серия не сохранилась, и во всех видовых формах здесь уже выступают показатели слабой серии, но противопоставление обеих серий находит довольно четкое отражение в позиции классного показателя в основе терминатива — инфиксальной в случае сильной серии и префиксальной в случае слабой серии. Впрочем, в двух случаях ар-

чинские данные не могут считаться показательными: во-первых, основы, утратившие первый гласный, утеряли соответственно инфиксальную позицию и имеют всегда префикс; во-вторых, глаголы сонантного спряжения, сохранившие первый гласный основы, имеют всегда инфикс, если эта позиция не занята уже корневым *-р-*.

Соответствия показателей сильной серии:

ПЛ	**р*:	Р *р;*	Ц *р;*	К *р*	Б *р;*
ПЛ	**ӣ*:	Р *б;*	Ц *б;*	К *б;*	Б *б;*
ПЛ	**т̄*:	Р *д*/∅;	Ц *д;*	К *д*/*дж*/∅;	Б *д*/∅.

Кроме того, в ряде языков имеют место сугубо фонетические процессы: например, **б'* > *пI*, **д'* > *тI*, ассимиляции по признакам придыхательности и абруптивности, не учтенные в приведенных формулах.

Процесс *д* > ∅ в рутульском имеет место в позиции перед переднеязычными шумными, в шахдагских языках в той же позиции *д* > ∅. Вариант *дж* в крызском языке, отмечаемый в лексемах *вавь-дж-фидж* 'подмести', *кьаь-дж-х'уридж* 'выбирать', *ке-дж-хулидж* 'подковырнуть', *хаь-дж-фидж* 'растереть', гIаь-дж-гъулидж 'загнать', обусловлен, по-видимому, позицией после переднего гласного (ср. *сы-д-хуридж* 'оцарапать') перед гласными *и, у* (ср. *къаь-д-фыдж* 'вырваться').

Нулевая рефлексация **д* в шахдагских языках приводит подчас к перестройке согласовательного механизма: совпадение сильной и слабой серии в IV классе приводит к выравниванию показателей других классов: нулевым становится и показатель I класса, а формант II класса уступает место показателю III-го, как это имеет место в слабой серии. Такое положение зафиксировано в крызском языке. В будухском же формант II класса все-таки сохраняется. Таким образом, реально в шахдагских языках имеются по два согласовательных набора, отражающих сильную серию.

	Буд.		Крыз	
I кл.	*р*	∅	*р*	∅
II кл.	*р*	*р*	*р*	*б*
III кл.	*б*	*б*	*б*	*б*
IV кл.	*д*	∅	*д*(*дж*)	∅

При реконструкции для того или иного глагола сильной серии классных показателей важно учесть также ее утрату, помимо указанных арчинских глаголов, в двух случаях:

а) в рутульских беспревербных глаголах с анлаутным гласным основы, ср. *в-ицIас* 'таять' при крыз. *йу-б-цIуридж* (также лезг. *цIураз*, таб. *йерцIуз*, агул. *ицIвас*, арч. *цIас*) < ПЛ **йи-ӣ-цIвыр;*

б) в крызских глаголах с ауслаутным *-н*, ср. *саьхнидж* 'забывать' при рут. *у-б-хвас*, цах. мишл. *кIели-б-хын*, буд. *се-б-хин* (также таб. дюб. *гьäрхус*, уд. варт. *ех* 'память') < ПЛ **'е-ӣ-хван; ваьцнидж* 'мерить' при рут. хнюх. *гьа-б-цвас*, арч. *а-б-смус*, буд. *се-б-син* (также лезг. *алцумиз*, таб. *йе-р-цуз*, агул. *алцас*) < ПЛ **'а-ӣ-лцван.*

Таким образом, можно говорить о наличии сильной серии клас-

сных показателей у следующих пралезгинских глаголов (приводим основу терминатива III класса):

ПЛ *'*Iа-п̆-хъIва* 'копать': Р *а-б-хъIвас*, Ар *йа-б-хIас*, ср. также таб. *у-р-хъIуз;*

ПЛ *'*ΛкIван* 'вздрогнуть': Ц *хъIа-б-кIын* 'бояться', Б *со-б-кIун*, ср. также таб. *гукIни хьуб;*

ПЛ *'*и-п̆-тIал* 'капать, проливаться': Ц *о-б-тIыл*, Б *гIа-б-тIил*, ср. также таб. дюб. *битIус*, агул. *атIас*, уд. *бит̄сун* 'падать';

ПЛ *'*икан* 'месить (тесто)': Р *къи-д-кас* IV, Б *ветIе-б-кин;*

ПЛ *'*е-п̆-ц̆IвΛл* 'махать': РХх *су-б-дас*, ЦМш *го-б-тул* 'трясти (ковер)', К *ву-б-тулидж* 'шевелиться', а также таб. *тIу-р-ч̄вуз*, агул. *т̄ут̄ас;*

ПЛ *'*е-п̆-л̄ьвы* 'класть, лежать': Р *си-б-хьвас* 'падать', Ц *ги-б-хьыр* 'попасть, оказаться', Ар *е-б-л̄ьис*, ср. также лезг. *ец̆игиз* 'класть';

ПЛ *'*а-п̆-рч̄а* 'снимать, сдирать': Р *хъа-б-джес*, Ар *а-б-час*, ср. также лезг. *алажиз;*

ПЛ *'*а-п̆-рльва* 'подметать': Р *хъа-б-хьас*, К *вaь-дж-фыдж* IV, Б *во-б-ку;*

ПЛ *'*а-п̆-лкIван* 'ковырять': ЦЦ *кIа-б-кIын* 'копать', Ар *аркIвмус*, Б *чуь-б-кIуьн* 'вдевать';

ПЛ **ъа-п̆-хъIа* 'гаснуть': Р *са-б-хъIас*, Ц *кIа-ба-хъIас*, Ар *а-б-хIас*, ср. также лезг. *елуьхьиз;*

ПЛ **йа-п̆-тIвы* 'резать': Р *гьа-б-тIвас*, Ц *гьа-ба-тIас* 'вымирать', Ар *а-б-тIас*, Б *йо-б-тIу*, К *йа-б-тIыридж*, ср. также лезг. *атIаз*, таб. *ктитIуз*, агул. *атIас*, уд. *бост̄ун* < **бот̄-сун;*

ПЛ **йа-п̆-тар* 'оставить': Р *са-б-тас*, Ар *а-б-тис*, К *йо-б-тыридж*, К *йе-б-тир*, ср. также лезг. *таз*, таб. *гьитуз*, агул. *атас*, уд. *бартесун*.

Имеются случаи, когда сильной серии в одном языке соответствует слабая серия в других и, наоборот, ср.:

Ц *а-в-тIыл* ~ Р *си-б-тIас*, Ар *е-б-тIмус*, К *йу-б-тIулидж*, Б *ве-б-тIил* (также лезг. *кутIуниз*, таб. *йитIуз*, агул. *итIас*) < ПЛ **йетIал* 'связывать';

Р *си-в-чес*, Ц *хъIы-в-чы* ~ К *саь-б-чаьдж*, Б *се-б-че-* (также арч. *шеIс*) < ПЛ **ъичаь* 'гнить';

Р *а-в-гъвас* ~ Б *къа-б-гъу-* < ПЛ *'*акъве* 'посадить';

Р *га-в-къас* 'смотреть' ~ К *и-б-хъаьдж*, Б *ы-б-хъа-* (также таб. *ракъIуз*, агул. бурщ. *ракъIас*) < ПЛ *'*арк̄ъIаь* 'видеть';

Р *са-в-хас*, К *ахридж*, Б *оьхуьр-* ~ Ар *а-б-хас* 'ложиться' (также лезг. *ахвар* 'сон', таб. *ахуз*, уд. *бархи* 'горизонтальный, поперечный' < *'лежащий') < ПЛ *'*ахаьр* 'спать';

Р *ли-в-хьес*, К *кьихьаьдж* 'одеваться', Б *кьыхьə-* то же ~ Ар *е-б-льас* (также лезг. *кхьиз* 'писать', агул. *ихьас*, цах. *гихьес*) < ПЛ *'*елье* 'класть';

Б *гIакə-* ~ ЦЦ *гьигъIа-б-кыр*, Ар *е-б-кас* (также таб. *алдакуз*, агул. *алгъадаркас* 'опрокинуть', уд. *саксун* 'валить, ронять') < ПЛ *'*еркыр* 'падать';

Ц *а-в-ху*, Ар *б-ех̄ас* ~ Р *хьигьи-б-хвас* 'отстать' < ПЛ *'*ех̄ва* 'остаться';

Р *лу-в-звас* ~ Ц *уло-б-зыр*, Ар *о-б-цис*, К *кьу-б-зуридж*, Б *къу-б-зур* (также лезг. *акьвазиз*, таб. *гъузуз*, агул. *гъузас*) < ПЛ *'*ец̆ваьр* 'стоять, встать';

Р *ли-в-кІвас*, ЦМш *хьокІу* ~ Б *гІуь-б-кІуьн-* (также лезг. *куькІуьниз*, арч. *кІвас*) < ПЛ *'*икІва* 'зажечь';

Р *си-в-гьес*, К *сагьадж*, Б *сагьа-* ~ Ц *хьи-б-гьыр* (также лезг. *рекьиз*, таб. *аргьуз*, агул. *ругьас*, арч. *хьес*) < ПЛ *'*иркье(р)* 'мерзнуть'.

Какие процессы лежат в основе подобных расхождений, предстоит еще выяснить.

Слабая серия классных показателей может быть реконструирована на основе следующего ряда соответствий:

	Рут	Цах	Крыз	Буд	Арч.
ПЛ **ў*	*гь/й/∅*	*∅*	*й/∅*	*∅*	*в*
ПЛ **р*	*р*	*й/∅*	—	*р*	*д/р*
ПЛ **в*	*в*	*в/∅*	*в(∅)*	*в(∅)*	*б*
ПЛ **й*	*гь/й/∅*	*∅*	*й/∅*	*∅*	*∅*

Естественно, вследствие различных морфонологических процессов реальная картина в рассматриваемых языках несколько сложнее, чем это представлено на схеме. Так, при определенных фонетических условиях, например, при стечении согласных, классные показатели выступают не в виде одной согласной фонемы, а в виде слога. Различную природу имеют нулевые рефлексы: показатели I и IV классов представлены действительно нулевыми морфами. Для других показателей характерна следующая ситуация: в цахурском они вызывают долготу соседнего гласного — переднего в случае II класса и заднего в случае III класса. В шахдагских языках нулевой рефлекс III класса вызывает лабиализацию корневого гласного.

Приведем примеры пралезгинских лексем, для которых можно восстанавливать слабую серию классных показателей:

ПЛ*'*а̄кваь* 'видеть': Р *а-в-гвас*, Ц *гьа-в-гу* 'показывать', Ар *б-а̄кус*, а также лезг. *а̄кваз*, таб. *а-∅-гуз* 'искать', агул. *агвас*, уд. *а̄ксун;*

ПЛ *'*а̄къ̄аьр* 'брать, держать': Р *гьа-в-кьас*, Ц *а-в-кьы*, Ар *б-а̄къ̄ас* 'оставлять', К *йихьридж*, Б *суьхьуьр-*, а также лезг. *кьаз*, таб. *гьада-∅-гьуз*, агул. бурщ. *акъас;*

ПЛ *'*атва* 'бить': Р *в-етас*, Ц *ӡ̄оты*, Ар *б-а̄тас*, К *в-аьтаьдж*, Б *ә-вә-тә-*, а также лезг. *гатаз*, таб. дюб. *йа-∅-тус*, агул. бурщ. *утас*, тп. *атас;*

ПЛ *'*а̄ца* 'доить': Р *в-аьзас*, Ц *ӡазас*, Ар *б-ацас*, К *в-аьзаьдж*, Б *сәзә-*, а также, лезг. *а̄цаз*, таб. *а-р-зуз*, агул. *узас;*

ПЛ *'*ацІа* 'знать': Р *в-ацІас*, Ц *ацІа*, Ар *бецІас* 'мочь, уметь', К *г, в-аьцІаьдж*, Б *гьа-ва-цІар*, а также уд. *айесун* 'уметь';

ПЛ *'*аькьІва* 'мять; давить, жать': ЦЦ*ӡокьІас*, Ар *б-а̄кьІас*, а также лезг. *чуькьвез*, таб. *чІу-р-кьІуз*, агул. *чІукьІас;*

ПЛ *'*аьӡ̄а* 'пахать, сеять': Р *в-аьзас*, Ц *езас*, Ар *б-ацас*, К *в-изаьдж*, Б *сизе-*, а также лезг. *ӡ̄аз*, таб. *у-р-зуз*, агул. *узас*, уд. *ез* 'вспашка, пахота, пашня';

ПЛ *'*аьшвы* 'заткнуть': Р *аь-в-швас*, Ц *хьешес*, Б *гІашу-* 'вонзить',

а также таб. *гьитIи-∅-швуз*, уд. *бошьесун* 'быть похороненным';

ПЛ *'*оќвы* 'гореть, жечь': Ар *б-оќас*, К *угадж*, Б *суго-*, а также лезг *ќуз*, таб. *у-р-гуз*, агул. *угвас;*

ПЛ *'*охъва* 'сосать': ЦЦ *гōхъы*, Ар *бухас*. К *чохъадж* 'впитывать (влагу)', а также лезг. *хъваз*, таб. *у-∅-хъуз;*

ПЛ *'*Iаьгьы* 'бросать': Р *се-в-ес*, Ц *агьас* 'стрелять', Ар *йāгьас* 'веять', К *саьгIаьдж*, Б *са-в-гIа-*, а также лезг. *вегьиз*, таб. *и-т-уз*.

Как видим, многочисленны глаголы и с сильной, и со слабой серией классных показателей. Не обнаруживается при этом никаких следов семантической или фонетической обусловленности их употребления, если не считать упоминавшиеся выше позднейшие перераспределения в арчинском, рутульском и крызском языках.

Тем не менее есть основания предполагать единое происхождение обеих серий. Во-первых, на это указывает их материальная близость, что дает возможность объяснить подобное положение определенными фонетическими процессами; во-вторых, сильная серия классных показателей парадигматически ограниченна: она представлена за редкими исключениями, вызванными вторичными процессами, лишь в основе терминатива. Это дает возможность предполагать, что сильная серия *была получена из слабой при определенных фонетических условиях.*

Данный вывод подтверждают и внешние данные, не обнаруживающие аналогичных распределений, ср.: ав. *в-* I, *й-* II, *б-* III, *р-,-л* (мн. число); анд. *в-* I, *й-* II, *б-* III, IV, *р*-V, цез. *∅-* I, *й-* II, *б-* III, *р-* IV, дарг. *в-* I, *р-* II, *б-* III и т.п. Даже при сравнительном разнообразии классных экспонентов в отдельных языках (ср. лак. д/р/н/л/рд — II кл., *б/й/в/м* — III кл.) эти данные не удается непосредственно сопоставить с противопоставлением сильной и слабой серий классных показателей в лезгинских языках. Отсюда можно предположить, что данное явление возникло на пралезгинском уровне, т.е. является общелезгинской инновацией.

Категория наклонения

Хотя система индикатива в современных лезгинских языках претерпела значительные изменения, здесь все же прослеживается общий принцип образования видовременных форм, выражающихся в построении их по модели "вспомогательное деепричастие + вспомогательный глагол".

Понятие вспомогательного деепричастия в данном случае является довольно условным, поскольку, можно полагать, что оно представляло собой практически соответствующую видовую основу. Подобное положение хорошо сохранилось в цахурском языке, ср.:

	Дуратив	Терминатив
'звать'	*хъойтIал*	*хъортIыл*
'бежать'	*къадайхьван*	*къадархьун*
'болеть'	*ыкIар*	*ыкIикIыр* (с редупл.)
'плакать'	*гейи*	*гейу*

В других языках произошли следующие преобразования.

1. Основа совершенного вида выравнивалась по типу *гейv*, т.е. утрачивались конечные сонорные у глаголов сонантного спряжения, ср. лезг. *кьу-на* 'взял', *ӯа-на* 'посеял', *тӀуь-на* 'съел'; агул. *гъушу-на* 'взяв', *иху-на* 'выпив', *акьу-на* 'сделав' и т.п. Если в восточно-лезгинских языках этот процесс затрагивает все глаголы, то в арчинском и шахдагских — в основном глаголы *р*-спряжения. Впрочем, можно предполагать, что аффикс терминатива *-ди* в арчинском отражает именно исконный конечный сонант **-р*, ср. арч. *аӣи* 'отпустил' (<**ат-ди*) ~ крыз. *йаьтыр-джи;* арч. *ос-ди* 'встал' ~ буд. *кьузур-джи*.

В целом же конечные сонанты в основе терминатива арчинского и шахдагских языков сохраняются достаточно хорошо.

2. Основа дуратива выравнивалась по типу *ыкӀар*. Полностью завершился этот процесс в рутульском языке, ср. *рацу-р а* 'меряет', *сарта-р а* 'оставляет', *йеше-р е* 'плачет', *йитӀер е* 'связывает', где приведенные глаголы восходят соответственно к *-н-*, *-р-*, *-Ø-*и *-л-* спряжениям. В арчинском и шахдагских языках подобное выравнивание затронуло лишь глаголы с гласным исходом основы: арч. *арцӀа-р* 'наполняет', *берӣӀа-р* 'может'; крыз. *йатӀ-р-и* 'режет', *кет-р-и* 'бодает'; буд. *ату-р-и* 'бьет', *арха-р-и* 'засыпает' и т.п.

Тот же процесс, видимо, имел место в табасаранском, где, например, в ханагском говоре (см. Услар 1979, 280—294) имеются аффиксы деепричастия *-рди* и *нди*, разлагаемые соответственно на *-р-*, *-н-* и *-ди*.

3. По типу (*ыкӀ*)*икӀыр* выравнивается основа терминатива. Этот процесс опять же характерен для рутульского языка: *рацыра* 'мерял', *сатыра* 'оставил', *йеишра* 'плакал', *йитӀира* 'связал'. Аналогично было сформировано причастие прош. времени на *-р* в лезгинском: *кьу-р* 'державший', *аӣу-р* 'видевший', *кьачу-р* 'взявший'. Тем не менее здесь сохраняется противопоставление аффиксов *-р* и *-ай*, ср. *ат-ай* 'пришедший', *гъ-айи* 'принесший' и т.п. Наконец, в табасаранском языке также все глаголы образуют причастие прош. времени с помощью суф. *-р* (см. Услар 1979, 312).

Важно отметить, что глагольная основа выступала и в атрибутивной функции, т.е. в роли причастия. Подобное положение сохранилось в табасаранском (см. *гъажаргу бай* 'побежавший мальчик' и т.п. формы причастия прош. времени, образованные по типу *гейу; лихру бай* 'работающий мальчик', и т.п. формы причастия наст. времени, образованные по типу *ыкӀар* и вторичной аффиксацией *-у* по аналогии с причастиями прош. времени), шахдагских и, по-видимому, в удинском языке, где причастие прош. времени образуется по типу *гейу* (ср. *би* 'сделанный'), а причастие настоящего-будущего времени — по типу *хьойтӀал* (ср. *бал* 'делающий', *егъал* 'приходящий').

Функционирование вспомогательных глаголов в современных лезгинских языках представляет собой довольно разнородную картину. В лезгинском языке имеется два глагола со значением 'быть': глагол-связка *йа* (ср. *ам хъсан кас йа* 'он хороший человек') и глагол *ава* 'есть, имеется' (ср. *заз китаб ава* 'у меня книга есть'). Последний имеет также превербные формы: *ала, гала, ква* и др. В качестве вспомогательного здесь используется лишь *ава*, присоединяемый к самым различным

основам: *къачуз* 'брать' — *къачуз-ва* 'берет', *ацукьна* 'сел' — *ацукьна-ва* 'сидит' и т.д. С помощью суф. *-й* от данного глагола образуется форма прош. времени: *ава-й* 'имелся', *къачуз-ва-й* 'брал', *ацукьна-ва-й* 'сидел'.

Табасаранский язык различает глаголы *ву* (дюб. *ву'у,* хюр. *йу'*) и *а* с аналогичным противопоставлением. При этом оба глагола участвуют в образовании аналитических глагольных форм, образуя противопоставление действия, не связанного с определенным моментом, и действия, связанного с определенным моментом, ср. *лихура* 'работает' ~ *лихуру* (< *лихури ву*) 'он, вообще, поработает'; *лицурайи* 'ходил в тот момент' ~ *лицуйи* (< *лицури вуйи*) 'ходил вообще'.

В агульском подобным образом различаются глаголы *е* (прош. время *и*) и превербные — *хъа-, гьа-, фа-, ке-, ке-, ал-, гьІаь-, 'а-*. В системе спряжения же противопоставлены формы, образованные с помощью вспомогательных глаголов *е*(*и*) и *а*(*ай*).

По тем же принципам противопоставлены рутульские глаголы *и*/ /*и'и* (прош. время *ий*/ /*-и'ий*) и *а* (*ай*). Основа *-и'и* при этом имеет классный префикс: *йи'и* (I, IV кл.), *ри'и* (II кл.), *ви'и* (III кл.).

В цахурском языке отмечается лишь один глагол-связка *во-р* (I, II кл.), *во-б* (III кл.), *во-д* (IV кл.). В глагольном спряжении он используется для образования настоящего описательного и прошедшего описательного. Также лишь одним вспомогательным глаголом располагает арчинский язык: наст. время *и* (IV кл.), *в-и* (I кл.), *д-и* (II кл.), *б-и* (III кл.), прош. время *е-ди* (IV кл.), *е-в-ди* (I кл.), *е-р-ди* (II кл.), *е-б-ди* (III кл.).

В крызском языке имеется глагол *йагІаь* 'есть, имеется', употребляемый для образования настоящего сложного, ср. *ирхьир-агІаь-джи* 'видит'. Как указывает В.С. Хидиров (1964, 11), эта "форма обозначает действие или состояние предмета, наблюдающееся в момент речи при конкретных обстоятельствах" и противопоставлена другой форме наст времени, обозначающей "действие или состояние предмета, присущее предмету вообще, независимо от времени". В целом же крызские глагольные формы имеют суффиксальные элементы *-и*/*-йи* (I, IV кл.), *-ув*/*-йув* (II, III кл.), *-иб*/*йиб* (мн. число).

В будухском глагол-связка *ви* 'есть, имеется, является' употребляется для образования настоящего конкретного (*чагъара-ви* 'идет', *гІалса га-ви* 'гуляет' и т.п.). Здесь же представлены аффиксы *-и* (*чагъар-и* 'идет, ходит', *гІалсал-и* 'гуляет вообще') и *-ә* (*чагъар-ә* 'пойдет', *гІалсал-ә* 'будет гулять'). В нередуцированном виде глагол-связка выступает в форме причастия *вегІи* 'имеющий(ся)'.

Анализ материала современных лезгинских языков позволяет говорить о двух вспомогательных глаголах, реконструируемых соответственно в виде **агьІа* и **'е*. Первый выражал действие, связанное с конкретным моментом, второй действие,происходящее вне связи с конкретным моментом. Обе основы, по-видимому, имели классные аффиксы: суффиксы сильной серии в первом случае и префиксы слабой серии во втором. Кроме того, вспомогательные глаголы имели формы времени: наст. время **-Ø*; прош. время **-й,* ср. лезг. *ава* ~ *ава-й,* таб. *а* ~ *а-й, ву* ~ *ву-йи,* агул. *а* ~ *а-й, е* ~ *и,* рут. *а* ~ *а-й, и* ~ *и-й.* Аналогичное

противопоставление находим в удинских личных формах: наст. *беса-не* 'делает' — прош. (несов.) *бесане-й*, аор. II *бене* — давнопрош. *бене-й*.

Преобразования исходной системы в современные происходили различными путями. Не претендуя на полный охват данного процесса, укажем лишь на некоторые характерные явления.

Во-первых, во многих языках вспомогательные деепричастия стали употребляться в качестве предикативных форм без использования вспомогательного глагола, ср. таб. *лихур* 'возможно, поработает', *гъIур* 'возможно, придет'; *гъабгъу* 'остыл', *гъилигу* 'посмотрел'; арч. *аркIур* 'гонит' ~ *акIу* 'погнал' и др.

Во-вторых, в систему спряжения нередко включаются причастия, т.е. глагольные основы, осложненные суф. **-т̄-/-н-* (см. "Имя прилагательное"). Видимо, таким образом сформировалось будущее время с суф. *-да* в лезгинском: *къачу-д = а > къачу-да* 'возьмет' и т.п. Наиболее последовательно проводится использование причастных форм в цахурском языке.

В-третьих, на основе целевого наклонения формируется буд. время: агул. *акьас* 'делать' — *акьас е* 'сделает'; рут. *лузвас* 'встать' — *лузвас(и)* 'встанет'. В лезгинском и удинском целевая форма послужила основой для группы времен несов. вида: лезг. *къачуз-ва* 'берет', *къачуз-ва-й* 'брал' и т.п.; уд. *бес-а-не* 'делает', *бес-а-не-й* 'делал' и т.п.

Образование повелительного наклонения осуществляется в рассматриваемых языках несколькими способами. Наиболее типичным из них является усечение конечного гласного основы. При этом, если основа имеет конечный сонорный, такого усечения не происходит, ср.: лезг. *ацукь* 'садись', *кис* 'молчи', *лагь* 'скажи'; таб. *лих* 'работай', *урхI* 'храни'; агул. *ух* 'пей', *див* 'тяни'; рут. *йах* 'беги', *ухI* 'береги', *йеш* 'плачь'; крыз. *тугъ* 'неси', *вохъ* 'храни', *дихь* 'строй'; буд. *ат* 'бей', *чош* 'вонзи', *чIахъ* 'грызи', с другой стороны, глаголы сонантного спряжения: арч. *лIен* 'тяни', *х̄емх̄ин* 'плетн'; крыз. *куьтIуьл* 'запрягай', *ваьхын* 'борись', *йетыр* 'оставь'; буд. *акьул* 'садись', *ехир* 'засыпай', *чуьбкIуьн* 'вдень' и др.

Второй способ образования повелительного наклонения заключается в аффиксации гласного: лезг. *-а* (*килиг-а* 'смотри', *алукI-а* 'одень'), цах. *-е* (*хъетI-е* 'трогай', *айтIыл-е* 'связывай', *кIелихн-е* 'забудь', *илозр-е* 'стой'), арч. *-а, -е, -и* (*акI-а* 'гони', *ӣ-е* 'бери', *ak-и* 'уходи'). Можно полагать, что вышеприведенные формы неоднородны. Если лезг. *-а* и цах. *-е*, по-видимому, восходят к вторичной аффиксации формы императива от глагола *делать* (лезг. айа, цах. *гье'е*)[20], то арчинский императив представляет скорее чистую основу (ср. *акIа-с* 'гнать', *а̄ки-с* 'уходить'). Последний способ рудиментарно представлен и в лезгинском, ср. *къачу* 'бери', *а̄ку* 'видь', *чIугу* 'тяни'.

Сказанное позволяет сделать вывод: форма императива в пралезгинском языке представляла собой глагольную основу. Можно полагать, что в качестве императива употреблялись основы как совершен-

[20] Образование императива по модели "основа смыслового глагола + императив глагола *делать*" широко распространено в рутульском: *йих(е)а'* 'неси', *йез(а)а'* 'дои', *леш(е)а'* 'бери' и др. На материале лезгинского языка эта трактовка была обоснована У.А. Мейлановой (1954), отмечавшей, что все глаголы с императивом на *-а* относятся к переходным.

ного, так и несовершенного видов. Впоследствии, однако, эта функция закрепилась за основой терминатива.

Следует отметить, что в современных языках отмечаются некоторые нерегулярные способы образования императива. Так, в лезгинском и арчинском довольно распространенной является редупликация. Исконно, по-видимому, эти формы не были связаны с императивом и выражали интенсивность. Закрепление же интенсивных форм для выражения повелительного наклонения у глаголов определенной структуры представляется вполне естественным.

Засвидетельствованная в лезгинском языке форма *тур* от *тун* 'оставить', а также *кутур* от *кутун* 'подложить' скорее всего сохраняют конечный сонорный основы, восходящей к ПЛ **йатаьр*, который утратился в других формах.

Некоторые глаголы в крызском языке образуют императив с помощью префикса *саь-*, ср. *саь-джир* от *джиридж* 'жарить', *саь-зын* от *зымыдж* 'мыть', *саь-кьыр* от *кьыридж* 'пить', *саь-шил* от *шилидж* 'прясть', *саь-хьур* от *хьуридж* 'смеяться', *саь-кь* от *кьаьйидж* 'умереть', *саь-хь* от *хьийидж* 'быть', *саь-кур* от *куридж* 'зарезать'. Все эти глаголы, во-первых, имеют структуру основы CVR и, во-вторых, как правило, редуплицируются в дуративе (ср. тенденцию к редупликации у глаголов типа *Сар* в арчинском). Следует заметить, что морфемные границы в рассматриваемых формах проходили в прошлом иначе: *с-аьджир* и т.п., где *с-* — префикс, а *-аь-* — корневой гласный, чередовавшийся с выпавшим впоследствии **и*.

Определенный интерес вызывает наличие в ряде табасаранских глаголов суффикса императива *-н*, ср. *апIин* от *апIуз* 'сделать', *акъIин* от *хуз* 'принести'. Регулярно приобретают *-н* формы прохибитива: *мапIан* 'не делай', *мибикIан* 'не пиши'. (см. Магометов 1965, 275 и сл.). На наш взгляд, генезис этих форм можно увязывать с 1 лицом императива в лезгинском, образуемым с помощью *-н*, ср. *ацукьи-н* 'давай сядем', *ца-н* 'давай нальем' и т.п.

Для образования оптатива в пралезгинском использовался суф. *-(*а*)*й*, рефлексами которого являются лезг. *-ай*, таб. *ай*, агул. *-ай*, рут. *-й*, крыз. *-аьй*. Исходное значение суффикса сохранилось в лезгинском и рутульском, ср. лезг. *ацукь-р-ай* 'пусть сядет', рут. *вихе-й* 'пусть несет'. В табасаранском, агульском и крызском рефлексы данного суффикса означает ныне мн. число императива: таб. *апIин-ай* 'делайте', агул. *уп-ай* 'скажите', крыз. *лып-аьй* 'скажите'. Как и в современных языках, прибавлялся он к форме императива, т.е. непосредственно к глагольной основе. В составе сложного суф. *-ур-ай* этот формат используется для выражения оптатива и в агульском: *акь-ур-ай* 'пусть делает' и др. Агул. *-ур-* в приведенной форме, равно как и лезг. *-р-* в *ацукь-р-ай* и таб. *-р-* в *урх-р-и* 'пусть читает', видимо, исконно обозначали мн. число, что как будто подтверждается арч. *-р* в составе форм *оци-р* 'стойте' (*уци* 'стой') и т.п. Нельзя не заметить в связи с этим материальной близости данного аффикса с показателем мн. числа субстантивов *-*ар*.

Наблюдаемые в различных языках случаи супплетивизма в образовании императива порой представляются как исторические чередования. Г.Х. Ибрагимов (1978, 37—38) пишет, например, о чередо-

ваниях *к* ~ *хь* (*йикис* 'быть' — *йихь* 'будь'), *'* ~ *х* (*ру'ус* 'пойти' — *рых* 'иди'). На наш взгляд, рассматриваемые соотношения целесообразнее было бы квалифицировать как результат совмещения в одной парадигме различных глагольных лексем. На материале лезгинских диалектов подобное развитие было убедительно продемонстрировано Г.В. Топуриа (1976), сопоставившим, в частности, форму императива *вач* от глагола *фин* 'идти' (в ахтынском диалекте) с крызским дуративом *чери* 'идет, иду, идешь'.

Отрнцательная форма императива, т.е. запретительное наклонение, образовывалась с помощью префикса **м-* (см. Топуриа 1972, 76), присоединявшегося, как это имеет место в современных языках, к основе дуратива, ср. таб. *м-апI-ан* 'не делай'; агул. *ма-гъа* 'не неси', *м-уха* 'не пей'; рут. *мыйах* 'не беги', *мийет* 'не бей'; цах. *мехье* 'не будь', *мацIахье* 'не знай'; крыз. *ма-джу* 'не жарь', *м-угу* 'не жги'. В удинском языке данный префикс функционирует в виде самостоятельной частицы: *ма ба* 'не делай', *ма еке* 'не приходи' и т.п. В основах, осложненных пространственным превербом, этот показатель занимал позицию между превербом и основой: рут. *са-ма-рыт* 'не оставляй', цах. *ги-ме-кIа* 'не убивай' и т.п. В лезгинском языке морфема запретительного наклонения занимает посткорневую позицию, ср. *къачу-мир* 'не бери', *хъуьре-мир* 'не смейся' и т.п. Такое положенне обусловлено распространением здесь аналитической модели прохибитнва: "основа дуратива + прохибитив глагола *делать*". Эта модель помимо лезгинского отмечается также в рутульском языке, ср. *тIалхъа ма'* 'не пачкайся', *ухьа ма'* 'не вари' и др.

В арчинском языке исконная форма прохибитива была вытеснена аварской: ср. арч. *вар-ги* 'не делай' ~ авар. *ц̄Iалу-ге* 'не читай'.

Хорошо сохранилась в современных языках пралезгинская форма целевого наклонения, образовывавшаяся с помощью суф. **-c̄* от соответствующей видовой основы (естественно считать данный аффикс историческим показателем датива): лезг. *къачу-з* 'брать', *рекьи-з* 'умереть'; таб. *апIу-з* 'делать', *агу-з* 'искать', агул. *агва-с* 'видеть', *дива-с* 'тянуть', рут. *лешва-с* 'брать', *лузва-с* 'стоять'; цах. *хьикIа-с* 'умирать', *къалихьа-с* 'лежать'; арч. *ати-с* 'отпустить', *акIа-с* 'гнать'; крыз. *вуйи-с* 'дать', *зымы-с* 'мыть'; уд. *бе-с* 'делать', *уке-с* 'есть, кушать' и т.д.

Остальные формы наклонений лезгинских языков характеризуются гетерогенностью и возведение их к пралезгинскому уровню проблематично.

Отрицание

В пралезгинском языке имелась морфема отрицания *-т̄-, занимавшая в глагольной основе префиксальную позицию. Данная морфема реконструируется на основе следующих сопоставлений: ПЛ **т̄-;* Л *т̄-;* Т *д-;* А *д-;* Р *дж-;* Ц *д-;* Ар *-тI-;* К *д-;* Б *д-;* У *т-*.

Несколько необычны в данном ряду рутульский и арчинский рефлексы (ожидалось бы соответственно **д-* и **-т̄-*). Видимо, здесь имели место определенные морфонологические процессы, установить которые пока не представляется возможным.

Важно отметить, что отрицательный префикс присоеднялся к основе глагола, выступающего не в финитной форме, т.е. только к причастию, деепричастию и т.п. В противном случае этот префикс принимал вспомогательный глагол. Ныне в лезгинских языках имеются следующие отрицательные формы глагола-связки: лезг. *т̄уш;* таб. *дар,* агул. *дава,* рут. *диш,* цах. *деш,* крыз. *даь-р,* буд. *дә-р.* В последних двух формах вычленяется конечный классный экспонент, что позволяет говорить об аналогичном окаменелом элементе в таб. *дар.* В лезгинском, рутульском и цахурском налицо одна из основ глагола *быть* — * *'ий̄аь.*

Отклонения от описанного принципа наблюдаются в нескольких случаях. Во-первых, в табасаранском в качестве префикса выступает не *д-*, а целиком связка *дар*, подвергающаяся определенным фонетическим изменениям, ср. *агуб* 'искать' — *дарагуб; ипIуб* 'есть' — *дирипIуб; алабхъуб* 'накрыть' — *ала-ла-бхъуб.* Сохранилось лишь несколько слов, отражающих употребление префикса *д-* в табасаранском, ср., например, *дак̄ни* 'нелюбимый'. Во-вторых, в арчинском языке морфема отрицания *-тIу-* во всех случаях выступает в суффиксальной позиции, ср. *аркIур-тIу* 'не гонит', *аркIур-тIу-ши* 'не гоня'. Наконец, в удинском частица *те* всегда предшествует глагольной форме: *те-нееса* 'не идет', *тенеашбеса* 'не работает'. Все перечисленные случаи являются несомненными новообразованиями. То же следует сказать и о лезг. *-ч* (ср. *фена-ч* 'не поехал') и рут. *-ш* (ср. *гьагу-ш* 'не видел'), возникших, видимо, в результате стяжения основы смыслового глагола с отрицательным глаголом-связкой.

Впрочем, не исключено, что лезг. *-ч,* равно как и рут. *-дж-* генетически связаны с арч. *-чу-* в составе сложного суф. *-чугу,* выражающего сомнение: *ебди-чугу* 'вряд ли было' и т.п. В этом случае возможна реконструкция второй морфемы отрицания *ч̄.

Деепричастие

Помимо вспомогательных деепричастий, развитие которых было охарактеризовано при описании образования индикатива, в пралезгинском языке существовало по крайней мере одно временное деепричастие предшествования с суф. *-*на,* представленное рядом соответствий:

ПЛ *-*на:* Л *-на,* Т *-ну/н,* А *-на,* АФ *-н,* Р *-на/-ны,* Ар *-на/-н,* К *-наь,* Б *-нә.*

Исконное значение сохранилось в нескольких языках. В табасаранском продолжением данной формы является деепричастие прош. времени с суф. *-ну,* ср. дюб. *гӯчIву-ну* 'выйдя из-под', *кāпIу-ну* 'побрив', *къāфкъу-ну* 'купив, взяв'. (Магометов 1965, 288). С данным деепричастием, по свидетельству А.А. Магометова (1965, 254), имеют связь и перфектные формы, ср. дюб. *апI-ну-за* 'я сделал', *апI-ну-ва* 'ты сделал', *апI-ну-в* 'он сделал', где выявляется модель "деепричастие с *-на* + вспомогательный глагол". В этих же функциях употребляется деепричастие прош. времени с суф. *-на* в агульском (Магометов 1970, 128 и сл.), ср. фит. *акьу-н* 'сделав', *хуру-н* 'прочитав', бурк. *акьу-на* 'сделав', *хуру-на* 'прочитав', *ликIи-на* 'написав' и т.п. При этом "от деепричастия про-

шедшего времени образуются: прошедшее совершенное (основное), давнопрошедшее, прошедшее результативное, преждепрошедшее" (Магометов 1970, 147). С ПЛ *-*на*, видимо, можно связывать и рут. -*ны* в составе суффикса деепричастия -*й-ны* (генезис данной формы не совсем ясен), ср. *гьагу-й-ны* 'увидев', *сигъи-й-ны* 'замерзнув', *йибкьи-й-ны* 'подойдя' и т.д.

В арчинском языке деепричастие на -*на* также сохраняет свое значение, но "употребляется при главных глаголах, выражающих действие, не происходившее до момента речи, т.е. при главных глаголах в потенциальном виде, в запретительном наклонении, а также в констативе; кроме того, деепричастие на {na} возможно в предложениях, выражающих повторяющееся действие (с главным глаголом в форме имперфекта или паст-итератива)" (Кибрик и др. 1977, т. 2, 254), ср. *абу-на* 'сделав', *босо-на* 'взяв', *сабkу-на* 'посмотрев' и т.д. Вероятно, подобное ограничение — результат вытеснения этой формы деепричастием на -*ли*.

Близко к исконному значение крызского условного наклонения (Хидиров 1964, 13): *чийаь-наь* 'если напишет', *тугьаь-наь* 'если отнесет', а также будухских форм типа *сахьә-нә* 'будучи'. В рутульском деепричастие с помощью -*на* образуют только глаголы типа *а* 'есть, имеется', ср. *а-на* 'будучи, находясь', однако этот суффикс может быть выделен в составе сложных аффиксов условно-сослагательного (-*ухь-на*) и условно-связывающего (-*на-кун*) наклонений. В лезгинском языке формы с -*на* употребляются в предикативной функции: *къачу-на* 'взял', *гата-на* 'ударил'. Их исходные деепричастные функции проявляются в возможности сочетания со вспомогательным глаголом *ава*: *ацукь-на-ва* 'сидит', *кса-на-ва* 'спит'. В крызском формант -*наь* входит в состав суф. -*аьнаь*, образующего условное деепричастие: *гIухьаьнаь* 'если придет', *хьийаьнаь* 'если будет'.

Того же происхождения, несомненно, аналогичные суффиксы, выделяемые в составе наречий времени некоторых языков, ср. таб. *чв-ну* 'осенью' (косв. осн. от *чвул* 'осень' — *чвли-*), *кьIурд-ну* 'зимой'; агул. *кьIурд-а-на* 'зимой', *хьид-а-на* 'весной', *гьIул-а-на* 'летом', *цул-а-на* 'осенью', цах. *гьи-на* 'сегодня', арч. *ихь-на* 'днем', *иш-на* 'ночью'. Сюда же можно отнести и рутульский суффикс наречий -*на* с вариантами, ср. *темиз-на* 'чисто', *йых-ана* 'хорошо' и др.

Можно предположить, что к данному аффиксу восходит и уд. -*не* — показатель 3-го лица ед. числа, ср. *беса-не* 'делает', но *беса-з(у)* 'делаю', хотя данный аффикс может иметь и другое происхождение.

Нельзя не обратить внимание также на материальное сходство данного форманта с союзной частицей *и*: лезг. -*ни* (*буба-ни диде* 'отец и мать'), таб. -*на* (*узу-на ву* 'я и ты'), агул. -*на* (*руш-на геда* 'девочка и мальчик'), рут. -*на* (*зу-на вы* 'я и ты'), цах. -*ни*, -*на*, крыз. -*наь*. Эта союзная частица, несомненно, сыграла определенную роль в образовании некоторых других глагольных форм современных лезгинских языков. В частности, можно говорить о частице -*ни* в лезгинских вопросительных (*къведа-ни* 'придет ли') и уступительных (*къведатIа-ни* 'если даже и придет') формах и др. (Топуриа 1959, 81).

Отметим также, что к пралезгинскому уровню можно возводить

еще одну союзную частицу — **ра*. Представлена она следующими рефлексами: ПЛ **ра*: Л *-ра;* Т *-ра;* А *-ра;* Ар *-ра*.

Исконное значение частицы хорошо сохранилось в восточно-лезгинских языках, ср. таб. *узура, увура* 'я и ты', агул. *бавра гагра* 'мать и отец'. В этих же языках отмечается вторичное использование данной частицы для образования собирательных числительных (агул. *хьибі д-ра* 'оба') и кратных числительных (лезг. *кьуд-ра* 'четырежды', 'четыре раза'). В арчинском языке *-ра* используется в вопросительных предложениях: *вит л̄ъонол ди-ра* 'у тебя жена есть ли?' В этом случае отмечается развитие, параллельное лезг. *-ни*. Возможно, к данной частице восходит и основа некоторых вопросительных слов в арчинском языке: *да-нна* 'где', *да-ки* 'почему', *да-ши* 'куда' (с закономерным переходом **р* > *д* в начале слова). Соединительная союзная частица *-ра* имеется также в даргинском языке.

С функционированием союзных частиц связано и образование в лезгинских языках некоторых отрицательных местоимений, ср. лезг. *сад-ни*, агул. *сад-ра* (букв. 'один-и') 'никто', рут. *вуш-ни* 'никто' (букв. 'кто-и').

О наличии в пралезгинском других деепричастных форм судить трудно, хотя и наблюдаются определенные соответствия. Так, к пралезгинскому *-*к̄а* могут восходить таб. *-ган*, агул. *-гана*, рут. *-га*, выражающие одновременность действия, ср. рут. *мишет ма' зас кагъад кирхъе-га* 'не мешай мне, письмо пишу-когда' (элементы *-н, -на* в табасаранском и агульском могут восходить к союзной частице). В качестве внешней параллели данному аффиксу можно привести хин. *-га* в наречиях типа *микIил-га* 'вечером', *аьс̄ти-га* 'утром'.

Еще один ряд соответствий могут составить рут. *-ден* (ср. *лихьирий-ден* 'если бы положил'), арч. *-т̄ан* (*охъIа-т̄ан* 'не пойти ли'), крыз. *-даь-* (*ву-даь-м* 'пусть я дам', *ву-даь-раьй* 'пусть мы дадим') и буд. *-дән* (*во китаб зәз йуту ирх'а-дән* 'твою книгу мне дай посмотреть'), предполагающие исходную форму *-*т̄аь(н)* с несколько неопределенным значением сослагательного наклонения. Обращает на себя внимание также сходство функций лезг. *-ла* (ср. *хтай-ла* 'когда вернулся') и арч. *-т̄а* (*хъIва-т̄а* 'когда пришел'), которые могут восходить к пралезг. *-*л̄а*. К этой же форме, видимо, восходит таб. *-ла* в вопросительном наречии *фи-ла* 'когда'. Более проблематичным является разложение таб. *-митIла* (*гъафимитIла* 'как только пришел') на неясное *-митI-* и *-ла*, восходящее к *-*л̄а*. Впрочем, если принять во внимание агул. *-тIала* (например, *зун-тIала* 'только я'), членение таб. *-митIла* придется производить следующим образом: *-ми-* *'еще' + *-тIла* 'только'.

Для некоторых форм можно предполагать происхождение из самостоятельных лексем. Так, в ряде аффиксов усматривается одна из основ глагола *быть* — *'*ш̄аь*. В табасаранском она выступает в виде *-ш*, аффикса условного наклонения (*гьерхиш* 'если спросят'), в агульском в той же функции имеем *-ш/ /-шин* (*хуру-ш/ /хуру-шин* 'если прочтет'). В курагском говоре, однако, имеем *-чин* (*хуру-чин* 'если прочтет'), что осложняет данное сопоставление. К глаголу *быть* могут быть возведены также рут. *-шийны* (*лабтIур-шийны* 'если закончился') и арч. *-ши* (*ар-ши* 'делая'), *-шав* (*ви-шав* 'хотя был') и *-ш* (*хъIва-нчIи-ш* 'если придет')

Вторая основа глагола *быть* *'*икаь* предположительно могла быть использована для образования рут. -(*ла*)*кун* в формах типа *вилес-лакун* 'если есть будет' (рут. -*ла*- < ПЛ *-*ла*-?), арч. -*кан* (*овлIи-л-кан* 'пока не придет'), -*ей-кун* (*вирхвинейкун* 'пока работает'), -*кини* (*хъIвали ви-кини* 'хотя бы пришел'). Наконец, рут. -*хьуни* (*йыхIы-хьуни* 'если убьет'), цах. -*хьи* (*хъикIуна-хьи* 'если бы умер'), уд. -*ахун* (*цамк-ахун* 'при написании') могут восходить к третьей основе глагола *быть* *'*ильы*.

К пралезг. ***ма** 'еще' восходят аффиксы соответствующих деепричастий в рутульском (*вылцIама'* 'пока не даст'), удинском (*цамка-ма*/ / *цамка-м-ин* 'до того как написал/ /напишет'), а также -*ма*- в составе арчинского суф. -*ма-т* (*кьовди-мат* 'сидя') и -*ми*- в таб. -*митIа* (*гъафи-митIа* 'как только пришел').

К глаголу *хъIес* 'пойти' Н.С. Трубецкой (1929, 161) возводил арчинский суффикс буд. времени -*хьи* (*абу-хьи* 'сделает'). В данном случае, однако. неясной остается причина утраты фарингализации.

К форме полнозначного глагола могут восходить, видимо,не только аффиксы типа рассмотренных. но и именные суффиксы, энклитики и служебные части речи. В связи с этим в первую очередь можно указать на выражение значений 'с (обладая)' и 'без' при помощи положительной и отрицательной форм глагола 'быть, находиться' (> 'иметь'), ср.: "лезгинским *аваз, алаз, галаз, гваз, кваз,* дифференцированно выражающим наличие, совместность, и формам *авачиз, алачиз, галачиз, гвачиз, квачиз* 'без' (отсутствие совместности, наличия) в будухском соответствуют формы: *виджена* (деепричастная форма от *ви* 'есть') и *дабджена* (деепричастная форма от слова *даб* 'нет', 'не есть')" (Мейланова 1979, 51—52).

Интересную в этом отношении параллель представляют лезг. *кьван* 'столько, столь много: оказывается; вплоть до, по; хотя бы; как, подобно'; таб. -*кьан* в *фу-кьан* 'сколько, насколько' (*фу*- 'что'); арч. *екьен* IV, *евкьен* I, *еркьен* II, *ебкьен* III 'до (чего-л.)' и крыз. *кь*(*в*)*ан* 'с', послелог с комитативными и инструментальными функциями. Связь сопоставляемых единиц с исходным глаголом прослеживается на арчинском материале (ср. образование по той же модели: *ацIен* 'досыта' от *ацIас* 'наполниться, наесться'), хотя этот глагол отмечается и в других языках лезгинской группы: лезг. *акьаз,* таб. *рукьуз,* агул. *рукьас,* рут. *лаьвкьас,* цах. *авайкьарас,* арч *ебкьис,* крыз. *вокьудж,* буд. *чуракьар,* уд. *ecун* < ПЛ *'*иркьаьр* 'достигать'.

НАРЕЧИЕ

Наречия места в современных лезгинских языках представлены в основном двумя группами: первую составляют падежные формы локативных частиц, как правило, генетически родственных падежным показателям и глагольным префиксам; вторую образуют отместоименные наречия. По-видимому, нет каких-либо оснований не проецировать наличие этих групп наречий на пралезгинский уровень.

Из наречий первой группы можно привести:

**'выр*(*е*) 'впереди': Л *вили-к,* Т *ули-хь,* АТ *уди-гь,* АБ *ила-гь,* АБк *ури-гь,* Р *ули-хьта.* РХ *выра сур* 'передняя сторона', Ар *гьара-к,* К

*гIуьр*ıь*-к,* Б *гIура.* Во многих языках произошла контаминация с лексемой *'*вил* 'глаз' (ср. Лексика 1971, 106; Гигинейшвили 1977, 69).

*хъΛ- 'сзади, позади; после': ТК *хъа,* А *хъа* 'ну, а' (частица), Р *хъу',* Ар *хи-р| |ха-ра,* У *хъо-ш.*

**ваь-* 'наверху': Л *ви-не-л,* К *ва-раь,* Б *во-рэ-н.*

Отместоименные наречия довольно широко функционируют в современных языках, ср., например, лезг. *гьи* 'какой?' — *гьи-на* 'где?', *и* 'этот' — *и-на* 'здесь', *а* 'тот' — *а-на* 'там' (Гаджиев, Талибов 1966, 585). Для пралезгинского состояния, по-видимому, было характерно аналогичное их образование, т.е. от местоименных корней при помощи адъективных суффиксов и падежных формантов (список местоименных корней см. в разделе "Местоимение").

Во многих языках наблюдается также некоторое количество наречий, возводимых к падежным формам имен существительных. Как правило, производящая основа таких наречий сохраняется. Однако в отдельных случаях ее наличие прослеживается лишь с помощью сравнительного анализа. Поскольку такого рода наречия не образуют межлезгинских изоглосс, предполагать их существование на пралезгинском уровне нет оснований. Таким образом, наречия, приводимые ниже, квалифицируются как новообразования:

арч. *лъIил-лилъI* 'под головой' при лезг. *кьил,* таб. *кIул,* агул. *кIил,* рут. *гьукьул,* цах. *вукIул,* крыз. *кьыл,* буд. *кьыл,* уд. *бул* < ПЛ **вольIул* 'голова';

арч. *x̄Iоло* 'в небе' при рут. *хIал,* цах. *хIав* < ПЛ **x̄Iал* 'небо';

арч. *льет̄ей-т* 'пешком' при лезг. *гел,* таб. *шил,* агул. *хьил,* рут. *хьаьл,* крыз. *хьэл* < ПЛ **л̄ъаьл̄* 'след';

арч. *игъI-да* (< **икъI-т̄а*) 'в середине' при лезг. *йукь,* таб. *йукьIв,* агул. *икьI,* рут. *йыкьI,* цах. *йыкьI,* буд. *йикь-идж,* уд. нидж. *бигъI| |бызъI* < ПЛ **йикьIв* 'середина; поясница, талия; спина';

таб. дюб. *мас̄у дувус,* агул, *маса 'ис,* рут. *масы выс,* крыз. *мазаь вуйидж* 'продавать' при лезг. *мас,* арч. *мас* 'цена' < ПЛ **мас̄а.*

Наречия времени, по-видимому, являлись падежными формами от имен-названий отрезков времени. Вместе с тем для пралезгинского уровня можно восстанавливать ряд основ, употребляемых, как правило, лишь в адвербиальной функции:

**къи| |къе* 'сегодня': Л *къе,* Т *гъи,* ТД *къи,* Р *гъи-гъа,* Ц *гъи-на,* Ар *хъи* 'днем', Б *къе,* К *къе,* У *гъе* (древнее образование от **йикъ* 'день');

**накь(а)* 'вчера': Л *накь,* Т *накь,* А *накьв,* АБ *накь,* Р *накьа,* К *наькь,* Б *накьа,* УВ *наIине;*

**п̄ака(й)* 'завтра': Л *п̄ака,* А *бага,* Р *быга,* Б *пага* (возможно влияние перс. *паьгагь*);

**с̄ан* 'вчера': Л *сен-физ* 'вчера ночью', Ц *сан-ха* 'вчерашний день', Ар *сан-гьи;*

**шваI[с]* 'в прошлом году': Л *шаз,* ТХ *сач,* Р *шаьс,* Ц *шаца,* Ар *шваIш,* К *шэш,* Б *шеше;*

**ел̄ъа* 'поздно': РХх *ыхьэ,* Ц *ех̄ъа* 'вечер', Ар *л̄ъе-т̄ут* 'поздний'.

Любопытное развитие имело место в арчинском языке, где адвербиализовались формы абсолютива имен — названий времен года, ср.:

арч. *хъIит* 'летом' при агул. *гул*, рут. *гъIыл-д*, цах. *гъIыл* < ПЛ **кьIол̄* 'лето'.

арч. *кьIот* 'зимой' при лезг. *кьуьд*, таб. *кьIурд*, агул. *кьIурд*, рут. *кьIыд*, цах. *кьIыд-ым*, крыз. *кьуд*, буд. *кьадж-рэдж* < ПЛ **кьIорт̄а* 'зима';

арч. *сот* 'осенью' при лезг. *зул*, таб. *чвул*, агул. *цул*, цах. *цувул* < ПЛ **цовыл̄* 'осень'.

Современные же формы абсолютива от этих корней в арчинском языке представляют собой застывшие падежные формы (ПЛ *-*кьI* 'между, среди'): *хъIит̄-ихъI* 'лето', *кьIот̄-ахъI* 'зима', *л̄ъанн-ихъI* 'весна' (при лезг. *гад*, таб. *хьад*, агул. *хьид*, рут. *хьад*, цах. *йух̄ъан*, буд. *хьадж-рэдж* < ПЛ **л̄ъан̄* 'весна'), *сот̄-ахъI* 'осень'.

Трудно сказать, были ли в пралезгинском состоянии первообразные наречия других семантических групп. Укажем лишь на некоторые заслуживающие внимания параллели:

лезг. *лух* 'в сильной степени' ~ арч. *лабхан* (-*н* — наречный суффикс) < ПЛ **л[а]вх-* 'много';

таб. *ух-ди* 'быстро' ~ арч. *вих-таш* 'вдруг' < ПЛ **ӯих-*.

В целом же, как и в ряде других современных языков, для образования различных разрядов наречий использовался суф. *-*на* (см. "Деепричастие").

ПОСЛЕЛОГ

При наличии развитой системы пространственных падежей, достаточно детально описывающих местоположение предмета относительно ориентира, существование в языке пространственных послелогов представляется в значительной степени избыточным и, вследствие этого, маловероятным. Мы вправе предположить отсутствие послелогов в пралезгинском языке и потому, что, с одной стороны, выделение этой части речи вызывает ряд серьезных проблем уже при синхронном описании лезгинских языков, с другой стороны, происхождение многих из имеющихся в современных языках послелогов находит мотивацию уже в пределах отдельно взятого языка.

Последнее обстоятельство можно продемонстрировать на материале лезгинского языка. Так, послелоги *кьилив* 'у, около', *къвалав* 'около, поблизости', *п̄ат̄ав* 'около, в стороне' представляют собой застывшие формы падежа на -*в* 'у, около' от имен *кьил* 'голова', *къвал* 'бок', *п̄ад* 'сторона', к соответствующим падежным формам восходят также послелоги *кIаник* 'под' (< *кIан* 'дно'), *къене* 'внутри' (< *къен* 'внутренность'), *йукьва* 'внутри, в середине' (< *йукь* 'середина') и др. (см. Мейланова 1979, 50—51).

Структура некоторых послелогов может быть прояснена привлечением материала родственных языков, ср. таб. *бага-хь* 'поблизости, около', сопоставляемое с лезг. *п̄агв*, агул. *багв*, крыз. *бэг*, арч. *бакв*, рут. *бег* (ср. Гигинейшвили 1977, 76), или же буд. *бода* 'у, около', сопоставляемое с лезг. *п̄ад* 'сторона' (Мейланова 1979, 51). Аналогичные параллели находят также лезг. *мукьув* 'рядом, около' и крыз. *мекьав* 'близко': ср. агул. *мукь*, арч. *бикьв* 'место'.

Не последнюю роль в решении вопроса о наличии или отсутствии

послелогов в общелезгинском играет также факт функционирования в качестве послелогов пространственных наречий: едва ли не единственным критерием разграничения двух частей речи в рассматриваемых языках является самостоятельность или несамостоятельность употребления. В первом случае лексическая единица признается наречием, во втором — послелогом (естественно, не менее правомерной оказывается и точка зрения, согласно которой послелог выступает в функции наречия; см. Гаджиев, Талибов 1966, 586).

Процесс возникновения послелогов нередко увязывают с иноязычным влиянием: такое влияние могло найти отражение не только в непосредственном заимствовании отдельных лексических единиц (см., например, Асланов 1981, 59), но и в их калькировании, которое может происходить двояким способом — оформлением заимствованного корня своим аффиксом или буквальным переводом всей лексемы.

Как полагают, "возникновение описательных форм или послеложных конструкций, выполняющих функцию местных падежей, постепенно приводит к исчезновению некоторых органических падежных форм" (Саадиев, 1981, 62). На наш взгляд, нейтрализация падежных противопоставлений и расширение функций послелогов — взаимообусловленные явления. Основную роль здесь играет выделение одного из падежей (обычно с исконным значением 'внутри') в качестве средства обозначения типичного местонахождения предмета относительно ориентира: ср., например, будухский локатив: *кура* 'в реке', *дәрә* 'на дереве', *дидә* 'около матери' и т.п. Соответственно другие падежные формы постепенно выходят из употребления, и для устранения возникающей при этом неоднозначности прибегают уже не к утраченным падежным единицам, а к вновь возникающим словам-уточнителям — послелогам.

МЕЖДОМЕТИЕ

Подавляющее большинство слов, относимых к междометиям, составляют звукоподражания. Хотя сопоставление подобных слов с точки зрения исторической фонетики имеет весьма ограниченную ценность (ср.: «Минимальную ценность в этом отношении имеет и фонд так называемой "дескриптивной" лексики, использующий звукосимволические и звукоподражательные основы, очень часто не подчиняющиеся в силу самой своей специфики принципу системности фонологических корреспонденций в родственных языках и нередко повторяющиеся в очень сходном облике по языкам самых различных семей» — Климов, 1971, 23), наличие специфических звукотипов, характеризующихся при этом достаточно регулярными соответствиями, позволяет говорить об общелезгинском характере многих из них. Приведем примеры:

ПЛ **гьемгь-* 'ворчание' > Л *гьугь*, Т *гьугь*, Ар *гьIемгьIә-* (ср. также рут. *гьIыныгьI* 'сердитое лицо');

ПЛ **гьIымӣ* 'сморкание' > Т *иш*, Р *гьIамш*. ЦМш *гьIыӣ-* (ср. также лезг. *нер ишун* 'сморкаться');

ПЛ **ӣвитI* 'свист' Т *швутI-рам* 'свирель', Ар *ӣвитI-*, Б *фитI*.

См. также Лексика 1971, 136 ('кашель'), 146 ('поцелуй'), 249 ('ржать'), 253 ('лаять'); Талибов 1980, 316 ('шептать'); Гигинейшвили 1977, 80 ('плюнуть') и др.

Как правило, звукоподражания обособлены от других частей речи как в формальном (отсутствием словоизменения), так и функциональном плане (употребляются в качестве именной части сложных глаголов типа лезг. *гьугъ авун* 'ворчать', что отличает их, кстати, и от действительных междометий). Впрочем, возможно звукоподражательное (звукосимволическое) происхождение и некоторых лексем конкретной семантики:

таб. *кьаркьар*, агул. *кьуркь*, рут. *къакьарак*, арч. *къакьара*, уд. *къокъ* 'горло, гортань';

таб. канд. *кьискьис*, агул. *кьискьис*, рут. шин. *кьискьис* 'жадный'; агул. *къIурмав*, рут. *маркьIав* 'кот';

таб. *къIаркъIар*, агул. *къIаракъIал*, рут. *къIаракъIал* 'сорока';

таб. *фарфалаг* 'волчок', крыз. *фаьрфаьраьнг* 'круглая доска веретена';

лезг. хл. *фтфил*, рут. ихр. *хьутхьул* 'ящерица';

лезг. нют. *мизмиз*, таб. *мизмиз*, агул. бурщ. *мизмиз*, цах. *бызбыза* 'муха, комар';

лезг. *пси*, цах. *бӣси* 'кошка'.

Ср. также **цIимцI* 'муравей'; бабочка; кузнечик', **цIицI* 'кузнечик', **цIинцI-* 'ящерица', **цIор*(Λ)*цIол* 'куница', **тортор* 'куропатка'.

Звукосимволическое и звукоподражательное происхождение подобных лексем устанавливается не только вследствие самого принципа называния предмета по характерному звучанию, но и в силу их характерной структуры (редупликация), а также нередких перебоев в звуковых корреспонденциях.

Из действительных междометий (точнее слов-предложений) к пралезгинскому уровню предположительно можно возвести следующие:

ПЛ **чIаIв* 'хватит, довольно': Л *чIав*, Т *чIеве-н*, АТ *чIеве-не* (*-н, -не* — наречные суффиксы?), РМ *чIев*, Ц *чIаIв*. Арч. *чIем* 'время' < лак. *чIун*;

ПЛ **ма* 'на, возьми': Л *ма*, Т *ма/ / магъ*, Ар *ма*.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Имя существительное

Среди суффиксов имен существительных в пралезгинском языке были продуктивны **-л*, **-р*, и **-н*, служившие для образования имен обычно абстрактного значения от глаголов. Трудно сказать, существовало ли какое-либо распределение между этими суффиксами, однако обращает на себя внимание их тождество с собственно глагольными сонантами. Ныне эти суффиксы непродуктивны, если не считать суф. **-н*, функционирующего ныне в качестве показателя масдара в рутульском, лезгинском и удинском языках.

Пралезгинские образования с суф. **-л*[21]:

---

[21] Б.Б Талибов (1969, 84) пишет о древнем словообразовательном суф. *-ал*, подкрепляя его выделение лексемами лезгинского: *къвал* 'дождь' (включение арч. *х̄Iел* в этот ряд, на наш взгляд, неправомерно), *егъвел* 'окучивание', *ечIел* 'прополка', таб. *бирхал* 'шов', *ишал* 'плач', *чIаьргъIал* 'щепка', *тIуркIал* 'прыщ' и др. Хотя о других суффиксах в работе Б.Б. Талибова не говорится, там же приводятся лексемы (лезг.) *гвен* 'жатва', (таб) *рагъIин* 'мельница', т.е содержащие суф. **-н*.

ПЛ *йетIал 'связывать' (Л илитIиз, Т йитIуз, А итIас, Р сибтIас, Ц итIалас, Ар етIмус, К йутIлидж, Б волтIу) > Л тIвал, А итIул, Р йитIал 'узел';

ПЛ *аӥIа 'болеть' (Л тIаз, Т ицру хьуз, А итар хьас, Р йаьддас, Ар аӥIар, К титаьдж, Б туткар) > *'аӥIа-л 'боль, болезнь': Л тIал, А итал, Р йаьддал;

ПЛ* 'окъва 'идти (о дожде)' (Л къваз, Т ургъуз, А угъас, Р гьугъвас, Ц ȝогъас) > *'окъва-л 'дождь': Л къвал, А угъал, Р гьугъвал, У агъала;

ПЛ *ъаьшаь 'плакать' (Л ише хьун, Т ишуз, А гIашас, Р йешес, Ц гешес, К йишаьдж) > *ъаьшаь-л 'плач': Л ишел, Т ишал, Р йаьшаьл;

ПЛ *ъачIа(р) 'полоть' (Л ечIез, ТХюр вурчIув) > *ъачIа-л 'сорняк': Л ечIел, Т ачIал, АБ чIал, У ил;

ПЛ *екъва 'чесать(ся)' (Л къва хьун, Т угру хьуз, АБ игис, Ц кегас, Ар гукә-бос) > *'екъва-л 'зуд, чесотка': Л квал, Т угал, А угал-ар (с другим суф. рут. хнюх. гар).

Ср. также лезг. звал, гюн. гваьл, уд. жьал 'кипение' (глагольная основа отсутствует, сюда же арч. жвал-бос 'кишеть') < ПЛ *жвал; лезг. гъал 'нитка' (возможно, < ПЛ *'ирхвар 'вязать': ТД увгъус и др.); лезг. цвал 'стежок' (< цваз 'шить'); таб. асал 'смазка', къал 'спица' (< ПЛ *'икъвЛн 'шить'), ахал 'точило', даршвул 'лучина' (< ПЛ *'арсва 'крошить'); агул. гIуьл 'хлеб' (< ПЛ *'и'ваьл 'есть, кушать'), ифул 'лихорадка' (ср. лезг. ифин 'накаливаться'); арч. хъол 'лед' (< хъес 'замерзать'), хвал 'пойло' (< ПЛ *'охва 'пить').

В лезгинском языке суф. -ал/-ел используется также для образования существительных от существительных: тупIал 'перстень' (< тIуб 'палец')[22] и др. (Гайдаров 1966б, 46). В этой функции лезг. -ал можно сопоставлять с арч. -әла (ср. оцIәла 'огниво' < оцI 'огонь' и др.). Как полагают (Кибрик и др., 1977, т. 1, 93), арч. -ол и -әла являются варианты одного и того же суффикса.

Выделение суф. *-л в словах типа лезг. курцIул, арч. кIонцIол 'щенок' и т.п. (см.: Гайдаров 1966б, 46; Кибрик и др., 1977, т. 1, 93) проблематично, поскольку производящая основа не представлена ни в одном из языков. Даже если принять производный характер данного слова, словообразовательная модель в этом случае должна быть иной.

Пралезгинские существительные с суф. *-р:

ПЛ *'ахаьр 'спать' (Т ахуз, АБ ахас, Р сахас, Ар абхас, К ахридж, Б архар, У бархи 'горизонтальный') > лезг. ахвар, буд. ахур 'сон';

ПЛ *'аьха 'рубить, колоть' (Л хаз, Р саьхас, Ц габхас 'вырубить') > *'аьха-р 'рубец, рана'; Л хер, К хыр;

ПЛ *'алхъIар 'смеяться' (Л хъуьрез, Т алхъIуз, А илхъIас, Ар хIарас, К хъуридж) > Л хъвер, крыз. хвур, буд. хъур 'смех';

ПЛ *'ихар 'ткать' (Л храз, Т урхуз, Р хырхас, Ц хъехас, К хыридж, Б соху) > Р ухур, Ц ухара, Б хири 'нитка'.

Ср. также лезг. звер, гюн. гвер 'кручение; бег'; арч. чор 'пойло для собаки' (<час 'лакать, лизать'); крыз. гыр 'жар' (ср. рут. сигас 'быть теплым').

---

[22] Данное слово, возможно, представляет застывшую форму местного падежа на *-л̄.

Пралезгинские существительные с суф. *-*н*:

ПЛ *'*аьца* 'пахать' (Л *ĭаз*, Т *урзуз*, А *узас*, Р *ваьзас*, Ц *езас*, Ар *бацас*, К *визаьдж*, Б *сузу*) > *'*аьца-н* 'вспашка, пахота': Л *ĭан*, Т *изан*, Б *йизен*, РМ *йидзан;*

ПЛ *'*икьвЛн* 'шить' (ЛА *цIукьун*, А *дукьас*, Р *удкьас*) > Л *кьун*, Р *лукьун*, Ц *вукьна*, К *кьун*, Б *кьун* 'спица вязальная';

ПЛ *'*илхан* 'работать' (Т *лихуз*, АТ *лиханас*, Ар *ирхвмус*) > Т *лахIин*, АБ *лехен* 'работа', Р *лухун* 'коллективная работа на строительстве дома';

ПЛ *'*илхъве* 'танцевать' (А *лухъас*, Р *гьулхьвас*, Ар *хъебус*) > *'*илхъве-н* 'танец': Т *йалхъван*, А *лухъун;*

ПЛ *'*ахаьр* 'спать' > *'*ахаь-н*: Т *ахин*, А *ахун* 'постель, тюфяк';

ПЛ *'*иль(в)Л* 'пасти(сь)' (Р *выхьас*, Ц *ухьĭхьас*, Ар *уль̆ду* 'чабан') > *'*иль(в)Л-н*: РХх *хьын*, К *хьын*, Б *хьын* 'трава'.

Ср. также таб. *иган*, лезг. *гвен* 'жатва' (ср. лезг. *гуьз* 'жать'); рут. *ухун* 'рубашка' (ср. *хырхас* 'ткать'; *дын* 'шерсть' (< ПЛ *'*иц̆Iа* 'прясть', ср. агул. *уτ̆ас*, цах. *илеτ̆ас*); цах. *ахьIана* 'смех' (< ПЛ *'*илхъIар* 'смеяться', ср. лезг. *хъуьрез* и др.); *ыхIна* 'рана' (ср. *ыхIас* 'бить'); арч. *гон* 'палец' (< *гвас* 'гнуться')[23], а также *ак̆он* 'свет', *абцIон* 'стружка', *цIеннен* 'отходы муки', *кьурен* 'сухие тонкие ветки' (соответственно от *ак̆ус* 'видеть', *бабцIас* 'строгать', *цIуммус* 'просеивать', *кьурас* 'сохнуть') и др. (см. Кибрик и др., 1977, Т. I, 90); крыз. *йихьаьн*, буд. *йихьэн* 'время жатвы' (ср. крыз. *йихьаьдж* 'косить, жать'); уд. *биτ̆ун* 'посев', *чьупун* 'плевок', *чьапун* 'сыпь', *укун* 'съестные припасы' (ср. *биτ̆сун* 'сеять', *укес* 'есть') и др.

Реликты суф. *-*н* обнаруживаются также в составе суф. -*шин*. (таб.) и -*хьын* (буд.), служащих для образования существительных от стативных глаголов (прилагательных), ср. таб. *уьру-шин* 'краснота', *ацIу-шин* 'толщина', *йагъли-шин* 'высота', *йаркьу-шин* 'ширина' (см. Загиров 1981, *24*); буд. *гьеркIи-хьын* 'вес' от *гьеркIи* 'тяжелый' и т.п. Оба суффикса, как можно полагать, восходят к существительным, образованным с помощью *-*н* от таб. *шуз*, буд. *йихьэр* 'быть'.

К пралезгинским словообразовательным суффиксам можно отнести также -*хъан*, разлагаемый обычно на показатель локализации -*хъ*- 'за' и -*ан*. Последний элемент идентифицируется с суффиксом причастий и имен прилагательных (см. Гайдаров 1966б, 69). В современных языках суф. -*хъан* относительно продуктивен и служит для обозначения профессии, занятия человека: лезг. *гъуьрче-хъан*, агул. *гъIурча-хъан* 'охотник'; лезг. *хп̆е-хъан*, агул. *х̇уп̆ехъан*, рут. *хIаба-хъан* 'чабан'; таб. *рагъIни-хъан*, агул. *рах̇у-хъан*, рут. *рухIу-хъIан*, цах. *йохIа-хъан* 'мельник' и др. Производящей основой в приведенных примерах является косвенная основа имени существительного: *гъIорч* 'охота, дичь', *хI [а]п̆ 'овца', *рех̆Iва 'мельница'. Можно было бы считать лексемы *охотник*, *чабан*, *мельник* пралезгинскими образованиями, однако, судя по таб. *рагъI-ни-хъан*, где производящая основа — косвенная основа от *рагъI-ин* 'мельница' с суф. -*ин*, являющимся табасаранским новообразованием, возможно и позднейшее образование по общелезгинской модели.

---

[23] Ср. связь индоевропейских названий пальца (др.-инд. aŋguli, aŋguri 'палец руки и ноги', авест. fngušta- 'палец руки и ноги') с и.-е. *ang-, *ank- 'гнуть(ся)' (см. Эдельман 1975, 36).

В лезгинском языке "среди слов, образованных посредством рассматриваемого суффикса, встречаются и такие, которые обозначают отдельные предметы или их части: *перци-хъан* 'деревянная ручка, держатель' (*пер* 'самодельная остроконечная лопата для рытья'); *чичIе-хъан* диал. 'вид ворсистого паласа' (*чичI*—*чIичI* 'ворс'); *кьачIа-хъан* 'отросток' (*кIачI* 'стебель; основная часть') и др." (Гайдаров 1966б, 69). Учитывая возможно более широкое значение данного суффикса, можно было бы привлечь сюда же арч. *хъIuпи-хIан* 'черный ворон', *х̄Iолош-хъIан* 'звезда', однако эти лексемы, по-видимому, имеют другое происхождение: здесь во второй части усматривается, с одной стороны, **хъIан* 'ворона', с другой стороны, **х̄Iан* 'звезда'.

Широкое распространение получил в лезгинских языках суф. **-вал*: лезг. *-вал*/*-вил-* (в косвенных падежах), ср. *йару-вал* 'краснота' от *йару* 'красный', *йацIу-вал* 'толщина' от *йацIу* 'толстый'; таб. *-вал*, ср. *инсан-вал* 'человечность' от *инсан* 'человек', *йархла-вал* 'дальность, расстояние' от *йархла* 'далекий', *лиху-вал* 'работа' от *лиху-з* 'работать'; агул. *-вал*/*-вел*, ср. *идж-вел* 'доброта' от *идже-д* 'хороший', *чвуй-вел* 'братство' от *чвуй* 'брат', *х'ула шуй-вал* 'гостеприимство' от *х'ула шуй* 'гость'; рут. *йых-вал* 'доброта' от *йых-ды* 'добрый, хороший', *шу-вал* 'братство' от *шу* 'брат'; цах. *-валла*/*-алла*, ср. *чIер-алла* 'красноватость' от *чIеран* 'красный', *чиIваI-валла* 'сырость' от *чиIваIн* 'сырой'; крыз. *-ваьл*, ср. *фири-ваьл* 'мужество' от *фири* 'мужчина', *лаьх'аь-ваьл* 'чернота' от *лаьх'аь* 'черный'; буд. *-увəл*, ср. *сагьлам-увəл* 'здоровье' (см.: Гайдаров 1966б, 54—56; Загиров 1981, 24; Магометов 1970, 88—89; Ибрагимов 1978, 64; Талибов 1967, 596; Саадиев 1967, 633). Из лезгинского или шахдагских языков суффикс заимствован в хиналугский, ср. *иштаьмишкир-вал* 'работа' и др. Хотя в современных языках степень функционирования данного суффикса различна (от глагола с помощью данного суффикса имена образуются только в табасаранском и хиналугском языках), в целом он обладает значительной продуктивностью, так что говорить о восстановлении на пралезгинском уровне конкретных лексем с данным суффиксом нецелесообразно — такие имена можно образовать от любого общелезгинского прилагательного. Подобная ситуация делает более вероятным заимствованный характер суффикса в большинстве языков (источником заимствования может быть, например, лезгинский или табасаранский язык).

Все же данный суффикс, по-видимому, можно возводить к общелезгинскому уровню, поскольку вышеприведенный ряд соответствий дополняется арч. *-ул* в составе суф. *-кул*, образующего имена от стативных глаголов (прилагательных). На наш взгляд, *-кул* восходит к существительному от глагола *кес* 'становиться', образованному с помощью *-ул*. Другие реликты *-ул* обнаруживаются в суффиксах множественного числа (см. "Категория числа"), а также *-мул*, аффиксе отглагольных существительных.

Достаточно многочисленны в лезгинских языках суффиксы, имеющие экспрессивное значение, ср. лезг. *-к* в *кьуьзе-к* 'старина' от *кьуьзуь* 'старый', *бицIи-к* 'малыш, карапуз' от *бицIи* 'маленький'; *-кь* в *тума-кь* 'короткохвостый' от *тум* 'хвост', *-ц* в *лапу-ц* 'лентяй' от *лапу* 'ленивый', *галкIа-ц* 'заика' от *галкIун* 'заикаться', *кIула-ц* 'горбун' от *кIул* 'горб';

-цI в *муркIу-цI* 'сосулька' от *мурк* 'лед', *-ч* в *нетIе-ч* 'вшивый' от *нет* 'вошь', *-ш* в *кукIу-ш* 'макушка' от *кIукI* 'вершина'; *-тI* в *сафу-тI* 'самодельный соломенный головной убор' от *саф* 'сито', *-х* в *туьтуь-х* 'горлышко (сосуда)' от *туьд* 'горло', *-чI* в *нере-чI* 'сопляк' от *нер* 'нос' (см. Гайдаров 1966б, 44—74); таб. *-хI* в *кучIла-хI* 'лжец' от *кучIал* 'ложь', *-ц* в *гагвла-ц* 'левша' от *гагул* 'левый', *-цI* в *хъIула-цI* 'злюка' от *хъIал* 'зло', *-къ* в *иба-къ* 'тугоухий' от *иб* 'ухо', *-ч* в *хъIунтIи-ч* 'сопляк' от *хъIунтI* 'сопля' (см. Загиров 1981, 26—27); агул. *-ч* в *кIентIва-ч* 'губастый' от *кIентIв* 'губа', *-хв* в *кучIле-хв* 'лжец' от *кучIел* 'ложь', *аьшли-кI* 'плакса' от **аьшаьл* 'плач' (ср. лезг. *ишел*), *гугле-т* 'левша' от *гугле-д* 'левый' (см. Магометов 1970, 89); арч. *муIле-ж* 'сопляк' от *муIл* 'сопли', *кьаркIа-ч* 'оборванец' от **кьоркI* (ср. агул. *кьуркь*, рут. *кьыркI* 'лишай'); крыз. *гаьбаь-ч* 'лапа' (ср. лезг. *кап*, агул. *гап*, рут. *гап* 'ладонь').

Как видно из примеров, наибольшее распространение данные суффиксы получили в восточнолезгинских языках. В остальных языках они представлены в реликтовом виде. Реконструкция их затрудняется также отсутствием лексемных корреляций в употреблении экспрессивных суффиксов, ср. таб. *гагвла-ц*, но агул. *гугле-т* 'левша' и т.п. Таким образом, в данном случае приходится говорить не о рефлексах пралезгинских лексем с тем или иным суффиксом, а об образовании новых слов по общелезгинской модели.

Впрочем, в некоторых общелезгинских лексемах можно усматривать экспрессивные суффиксы:

ПЛ**каба-ч*: Л *кабач*, РХ *габач*, Р *габаш*, Ц *габаш*, К *габач*, Б *гəбəш* 'безрогое животное; животное с короткими ушами'. Хотя производящая основа не сохранилась ни в одном из языков, значение лексемы укладывается в круг значений, выражаемых экспрессивными суффиксами;

ПЛ**тIуп̄у-чI*, Л *туп̄учI*, Т *тIибич*. А *тIубучI*, Р *тIыбычI*, РХх *дыбычI*, Ц *тIубычIи*, ЦМш *тIыбычI* 'веретено'. В данном случае лексема может быть произведена от **тIуп̄* 'палец' (ср. лезг. *тIуб*, таб. *тIуб*, агул. *тIуб*, цах. *тIуб*);

ПЛ **кьеру-ш* 'грязь': Л *кьуруш*, Т *кьуруш*, А *кьIаруш*, РХх *кьырыш*, К *кьыриш*. Возможное производное от **кьар* 'грязь', ср. лезг. *кьар*, таб. канд. *кьар*, рут. хнюх. *кьыр* 'сопля'.

Отметим также материальное и функциональное сходство рассматриваемых суффиксов с экспрессивными превербами.

Экспрессивное (ласкательное?) значение имел также пралезгинский суф. *-ай*, употребляющийся ныне в названиях людей (в том числе в личных именах), животных и растений: ср., например, личные имена — лезг. *Къабанцай*, *Хъанхъулай* (Гайдаров 1966б, 42), рут. *БычIей*, *Не́ней* (Ибрагимов 1978, 65); термины родства — таб. дюб. *агай* 'отец', *едей* 'дедушка', агул. *авай* 'тетя', *адай*, *гIагай* 'дядя', рут. *бабай* 'бабушка' (ср. таб. *баб*); названия животных, птиц и насекомых — таб. дюб. *гугун-ай* 'сова' при канд. *гугу тIин̄* то же, агул. *кьвалинцай* 'жук', *шит̄-ий*||*шит̄-ил-ай* при лезг. *вetI*, агул. фит. *шит* 'мошка, комар', рут. хнюх. *кIара-хъ-ый* 'яловая корова'. цах. *кIуру-кI-ай*||*кIур-ий* 'жеребенок' при крыз. *кIвараь*, буд. *кIорə* 'теленок', рут. *лирхъвай* 'голубь' при лезг. *лиф*, таб. *луф*, агул. *луф*, крыз. *лыф* 'голубь'. рут.

хнюх. *шикьIынтI-ый* 'улитка' при лезг. *шкьуьнт,* таб. *шанкьIут,* цах. *нушей* 'ярка', *кьанкьай* 'ворона', *клынцIацIай* 'ласточка', *нацIагъIай* 'оса', *кабай* 'бабочка', крыз. *шакIвай* 'осленок', *гIаьраьгваьй* 'жук', *цIинцIаьквай* 'ящерица'; названия растений — цах. мишл. *пырпырай* 'сосновая ветка' при лезг. *пирпил* 'сережка', цах. гельм. *никъаьй* 'земляника', цах. *чIурчIуIмай* 'щавель', *баIлилей* 'ромашка'; прочие имена — лезг. хл. *чIепIчIепIай* 'ресница' при агул. *цIипIцIипI,* агул. *кўкал-ай,* рут. *гугал-ай* 'булка, лепешка' при таб. *кйк,* цах. *тIурўк-ай* 'сырная лепешка', *цIанцIар-ай* 'белый камень', *чIугай* 'болото' при таб. *чIвуг* 'грязь', рут. хнюх. *хъварцал-ый* 'домовой' при лезг. *хъварц,* таб. *хъварс, хух-уй* 'корыто' при лезг. *хвах,* таб. *хвахв,* агул. *хахв* и др.

Как и в случае экспрессивных суффиксов практически во всех вышеприведенных примерах имеем новые образования по общелезгинской модели. Из суффиксальных образований, восходящих к пралезгинскому уровню, восстанавливается достаточно надежно лишь лексема **'ап̆-ай* 'отец' (?), ср. таб. *аба* 'отец', лезг. *ап̆ай* 'свекор', цах. *абай* 'свекровь', крыз. *баьй* 'отец'. С адъективным суффиксом корень имеется в арчинском: *аб-т̄у* 'отец'.

Нельзя не отметить также случаев утраты конечного *-й* по типу таб. *аба,* ср. лезг. нют. *дзидзи,* таб. *дзидзи,* при рут. *дзиций* 'кукла' и др. Подобная ситуация зачастую затрудняет квалификацию имен с конечным гласным, поскольку, как правило, они могут трактоваться и как застывшие формы косвенной основы (эргатива), и как локатива.

Отмеченные лексемы, как можно полагать, образованы в соответствии с общелезгинской моделью. Вместе с тем нельзя не указать на возможное развитие исконного значения суф. *-ай* в отдельных лезгинских языках. Так, к ПЛ **-ай* восходит и суффикс вокатива *-ай/-ей,* отмечаемый У.А. Мейлановой (1981, 81) в кузанском диалекте кубинского наречия: *тхай* < *тха* 'дядя', *Нариман-ей, худай* < *худа* 'бог' и др. По мнению У.А. Мейлановой, вокатив — более архаичное явление, чем суф. *-ай* в антропонимах.

Более проблематична связь с данным суффиксом элементов косвенной основы в некоторых языках. Так, достаточно продуктивный в лучекском говоре суф. *-ай-/-уй-* в словах типа *гытI-ай-* 'колос', *куб-ай-* 'молитва', *лит-ай-* 'войлок, бурка' и др. получен в результате процесса **д* > *й* (см. "Образование косвенной основы"). Фонетическими причинами может объясняться наличие *-й-* в лексемах *буба-йы* 'отец', *диде-йи* 'мать', *баде-йи* 'бабушка' при лит. *-ди* в джабинском диалекте лезгинского языка (см. Ганиева 1980, 14). Тот же принцип находим в косвенных основах типа таб. *муджри-йи* 'борода', *джида-йи* 'штык', *адахлу-йи* 'невеста, жених'; цах. *кIатIе-й-н* 'курица' (Курбанов 1966, 10). В специальной литературе предлагается возводить таб. *-й-* к **-д-* (Магометов 1965, 103), а рут. *-й-* к **-р-* (Джейранишвили 1966, 49).

Не находит пока иного объяснения арчинский суффикс косвенной основы мн. числа *-ей* в именах с гласным исходом прямой основы типа *чIаб-ей* от *чIабу* 'овцы', *турат̄-ей* от *турат̄у* 'шапки' и т.п. и в составе суф. *-ч-ей* в именах с согласным исходом типа *нольдор-чей* 'дома', *ойом-чей* 'уши' и *-м-ей* в именах с суф. *-иб* (см. Микаилов 1967, 50—51).

Видимо, список суффиксов именного словообразования в пралезгинском языке не ограничивается рассмотренными. Однако имеющийся в нашем распоряжении материал сравнительно беден. Отметим лишь некоторые заслуживающие внимания параллели:

ПЛ*-*а(н)к̄*: Л *-аг*, Т *-аг*, Р *-аг*, К *-аьнг*, Б *-енг*. Характеризуя суф. *-аг* в лезгинском языке, Р.И. Гайдаров (1966б, 43) пишет: "Суффикс *-аг* образует имена существительные также от звукоподражательных комплексов. Подобные слова, как правило, являются названиями предметов домашнего обихода, хозяйственного инвентаря или игрушек: *гъаргъал-аг* 'скребок' (*гъаргъал→гъаргъар* 'подражание звуку скребления'); *фурфал-аг* 'вид юлы' (*фурфал→фурфул→фурфур* 'подражание звуку вертящегося предмета'), *вардан-аг* 'ручной каменный или деревянный каток' (значение производящей основы затемнено)". Есть основания считать данную модель исконной, ср., например, параллели к лезг. *фурфалаг*: таб. *фарфал-аг* 'волчок', крыз. *фаьрфаьр-аьнг* 'круглая доска веретена'. Из других лексем, образующихся по этой модели, укажем. крыз. *цIылцI-аьнг* 'кузнечик' при таб. *цIицI*, *хархар-аьнг* 'фасоль' при *хархар* 'горох', буд. *реренг* 'маслобойка' (о других моделях в лезгинском языке см. Гайдаров 1966б, 43—44). В некоторых лексемах рефлексы данного суффикса могут быть вычленены лишь путем сравнительного анализа: таб. *сум-аг* при агул. *сем*, крыз. *саьм* 'ягненок после 6 мес.', рут. *йил-аг*, крыз. *ил-аьнг* при цах. *йыва* 'железо'.

ПЛ *-*к̄ан*: Л *-ган*, Р *-гаьн*. В обоих языках с помощью этого суффикса образуются названия сосудов, вместилищ и т.п.: лезг. *тIурар-ган* 'ящичек для ложек и вилок' от *тIур* 'ложка', *хуру-ган* 'фартук, передник' от *хур* 'грудь' и др. (Гайдаров 1966б, 59); рут. *зуру-гаьн* 'мочевой пузырь' от *зур* 'моча'. Ср. также лезг. *хъуьцуьган*, рут. *гьIудигаьн* 'подушка', слово с затемненной производящей основой (может быть, от лезг, *кьвед*, рут. *гьIуд* 'куропатка'?).

Отметим внешние соответствия рассмотренных суффиксов:

ПЛ *-*л*~ав. *-л* в словах типа *ретIел* 'одежда', *рохел* 'радость' от *ретIизе* 'одеваться' и *рохизе* 'радоваться'; беж. *-л* в формах инфинитива типа *бучIа-л* 'рубить', *хъова-л* 'читать'; дарг. *-ла* в *умц-ла* 'мерка' от *умцес* 'мерить', *ис-ла* 'выкройка' от *бирсес* 'кроить' (даргинские формы считают развитием функций генитива).

ПЛ *-*н*~ав. *-н* в отглагольных именах типа *бергье-н* 'победа' от *бергьине* 'победить', *рикIе-н* 'число' от *рикIине* 'считать' и т.п.; цез. *-ни* в формах масдара типа *цах-ни* 'писание', а также *х'ап-ни* 'лай'; лак. *-н* в формах инфинитива, ср. *х'ачIа-н* 'пить', *ласу-н* 'брать' (лакский показатель сравнивают с формантом датива; см. Бокарев 1948, 67); дарг. *-ни* в *вакI-ни* 'приход' *умц-ни* 'измерение'.

Нельзя не отметить наличие аффикса масдара *-н* в андийских языках, полученного здесь из *-р* в глаголах с конечным носовым гласным, ср. *бахо-н* 'шитье' при *бичIо-р* 'смерть' (анд.); *баку-н* 'шитье' при *лъехъу-р* 'бросание' (год.). Не исключено, что генезис аффикса *-н* и в других языках связан с процессом *-*р* > *-н* (более определенно это можно утверждать об ав *-н*).

ПЛ *-*р* ~-*р* в формах масдара андийских языков, ср. ахв. цег. *жабе-р* 'чтение', *гве-р* 'деление'; год. *бали-р* 'чтение', *лъехъу-р* 'бросание'; анд

бельIи-р 'пахота', *бичIо-р* 'смерть'; кар. *багьве-р* 'игра', *бегье-р* 'покупка'.

ПЛ *-*хъан*~ав. *-хъан* в *лъIурду-хъан* 'плясун' от *лъIурдизе* 'плясать'; цез. *-хъу* в *лъочIой-хъу* 'танцор'. Аффикс *-хъан* в андийских и цезских языках обычно трактуют как заимствование из аварского языка.

Параллели обнаруживают также некоторые экспрессивные суффиксы: **кI* в ав. *-кIо,* уменьшительно-ласкательном суффиксе, анд. *-кIа,* цез. *-кIу;* *-*к* в ав. *тIох'о-к* 'паршивец' и др.

Пралезгинские существительные могли образовываться и путем нулевой суффиксации обычно с усечением второго корневого гласного исходного глагола. Примеры данного способа словообразования в современных лезгинских языках не столь редки:

лезг. *регъв,* таб. *рагъIин,* агул. *рах̧,* рут. *рухI,* цех. *йох̄Iа,* арч. *дехIв* < ПЛ *рех̄Iва 'мельница'. Общелезгинская лексема в свою очередь восходит к глаголу **рех̄Iва* 'молоть', ср. лезг. *регъвез,* таб. *рагъIуб,* агул. *рух̧ас,* рут. *рухIвас,* арч. *дебх̄Iас,* крыз. *раьх'аьдж,* буд. *соргIу,* уд. *берхсун;*

рут. *архI,* цах. *архI* 'весенняя шерсть', ср. рут. *рабхIас* 'стричь (овец)';

лезг. *йис,* таб. *йис,* агул. *ис* 'год' < ПЛ**йис̄-* 'старый', ср. лезг. *сур,* таб. йирси, агул. *йарсеф,* рут. *йисды,* цах. гельм. *йис̄ейин,* уд. *биси;*

таб. *дарг,* арч. *дорки* 'веко', ср. арч. *докас* 'накрывать';

лезг. *кичI,* таб. *гучI,* агул. *гучI,* цах. мишл. *гичI,* крыз, *кичI,* буд. *кичI,* арч. *лъIинчIас̄* (*дат.) 'страх', ср. рут. *гичIес* 'бояться';

лезг. *саф,* таб. *сиф,* рут. хн. *сиф* 'сито', ср. агул. бурщ. *зурф̄ис* 'просеивать';

лезг. *рух,* крыз. *рух* 'палас', ср. лезг. *храз,* крыз. *хыридж* 'ткать', а также уд. *ез* 'вспашка' < ПЛ **'аьц̄а* 'пахать', *ох* 'расческа, гребень' < ПЛ **'ерхва* 'причесываться'[24], варт. *ех* 'память' < ПЛ **'ехвен* 'забывать'; таб. *дуркь-ар* 'ткацкий станок' (*-ар* — *суффикс мн. числа) < ПЛ **'икьвЛн* 'шить'; рут. *йахъI* 'смех' < ПЛ **'илхъIар* 'смеяться'; арч. *ихI* 'смех, шутка' < ПЛ **'ирхIва* 'играть' и др.

Видимо, было развито в пралезгинском языке и словосложение, ср.:

ПЛ **цIай-лапан* 'молния': Л *цIай-лапан,* Т *цIай-лапан,* АТ *цIаьйаьлпан,* РМ *цIай-алпан.* Лексема состоит из корней 'огонь' и 'сиять, сверкать';

ПЛ **'вил-цIвем* 'бровь': Л *рцIам,* ТК *улчIвим,* К *гIуьлцIаьм.* Лексема состоит из корней 'глаз' и 'бровь'.

В ряде случаев можно говорить о словосложении, однако значение одного из компонентов оказывается при этом затемненным:

цах. *гим-га,* крыз. *ган-гагь,* буд. *гин-га,* уд. *гим-гаь* при лезг. *к̄им,* таб. *гим,* агул. *гим,* рут. *гим,* цах. мишл. *гим* < ПЛ **к̄им* 'годекан';

лезг. *кьечIем* 'пробор', рут. *кьам-чIаьл,* цах. *кьам-чIеле* 'коса', буд. *кьем-елчIи* 'папаха' < ПЛ **кьам-чIаьлаь,* где первая часть увязывается с арч. *кьам* 'чуб, грива'.

---

[24] Сопоставление уд. *ох* с рефлексами ПЛ **ракъIа* (лезг. *регъ* и т.п.) вызывает возражения по фонетическим причинам.

Большинство сложных слов, наблюдаемых в современных языках, не дает межлезгинских соответствий. Все же некоторые из них представляют интерес с исторической точки зрения, поскольку их сложный состав выявляется лишь путем сравнительного анализа, ср. таб. канд. *шеум-дзадз* 'барбарис', где *дзадз* 'колючка', а первая часть сопоставима с рут. *сын*, цах. *сына* 'барбарис'; таб. *ку-лих*, агул. бурщ. *ку-лех-ар* (*-ар* — суф. мн. числа), где *ку-* < **квил* 'рука', а вторая часть сопоставима с цах. *лаьха* 'браслет'; рут. мух. *кьIу-джаьм* 'свояк', цах. *кьIа-джам-ар* 'жены братьев' < ПЛ **кьIваь* 'два' + **ч̄ам* 'жених', ср. лезг. *ч̄ам*, таб. *джам*, агул. фит. *жам;* арч. *хъIипи-хIан* 'ворон' при лезг. *ћехъ* 'ворона' и рут. *хьIад*, цах. гельм. *хъIан*, уд. *гъIаинаI* 'ворона'.

Как видим, в современных языках представлены различные типы словосложения: объектные, определительные, сочинительные. Возможно, все эти модели были представлены уже на пралезгинском уровне.

Имя прилагательное

Помимо рассмотренных во втором разделе данной главы адъективных суффиксов **-т̄Л-* и **-н-*, к общелезгинскому состоянию можно возводить также таб. *-си-*, с помощью которого "образуются производные прилагательные, выражающие уподобление, сходство: *сул-сиб* 'подобный лисе' (*сул* 'лиса') *яркьуб-сиб* 'широковатый' (*яркьуб* 'широкий'); *кIарур-сир* 'черноватый' (*кIарур* 'черный'); *адми-сир* 'подобный человеку' (*адми* 'человек') и др." (Загиров 1981, 25), и уд. *-с* в *ч̆оч̆а-с* 'красноватый' от *ч̆оч̆а* 'красный', *маӯи-с* 'беловатый' от *маӯи* 'белый' (см. Джейранишвили 1971, 32). С названными суффиксами генетически связаны форманты адъективов в других дагестанских языках: ав. *-се-* в *жакьа-се-б* 'сегодняшний', анд. *-с̄и* в *с̄еду-с̄и* 'передний', цез. *-си* в *сасохъо-си* 'утренний', дарг. *-си* в *ахъ-си* 'высокий', лак. *с̄а* в *хьин-с̄а* 'добрый'.

Можно отметить также в составе основы прилагательного наличие элементов, которые якобы можно трактовать в качестве древних словообразовательных элементов. Так, несколько прилагательных как будто вычленяют префикс **кьЛ-*:

лезг. *кье-зил* при арч. *с̄ала-*, рут. *сыл-*, крыз. *силаь* < ПЛ **с̄ол-* 'легкий';

лезг. *кье-цIил*, таб. *гъIа-цIли*, агул. *кьа-цIулф*, рут. *гъа-цIулды*, крыз. *кьа-цIин*, буд. *кьа-цIын* (< ПЛ **кьаь-цIул* 'голый') при цах. *цIелер-;*

таб. *кьу-тIкьли*, агул. *кьу-лкьулф*, крыз. *кьаь-тIкьул* (< ПЛ **кьа-кьЛл* 'горький' с инфиксальным классным показателем) при лезг. *туькьуьл*, рут. *даькьаьлыд*, арч. *кьала*.

Как видно, данный префикс характеризует односложные прилагательные с ауслуатным *-л*. Интересно отметить факты, указывающие на возможность выделения суффикса адъективов **-л*. Эти факты заключаются в колебаниях от языка к языку наличия или отсутствия в основе конечного *-л*:

Л *ерчIи*, Р *гьарчаь-д*, Ар *оIрчIу*, УВ *ача*~Т *арчул*, АБ *х̇арч̄ле-р* 'правый';

Л *жими*, Т *шми*, АБ *ӣуме-р*, ЦЦ *хьимаI-н*, Ар *л̄ъаIмаI*~Р *хьымыл-ды* 'жидкий';

ЦЦ *кьымна-н*, Ар *хъIанна*~Л *хъуьтуьл*, Т *гьIудли*, А *ҕадкл-*, Р *гъIыдыл-ды*. К *къаьдил* 'мягкий';

Р *кIы'-ды*, Ар *х'окIо-*, Б *кIибе*~Ц *кIыли-н* 'маленький'.

Поскольку функциональная природа **кьЛ-* и *-*л* остается неясной, трудно говорить, являлись ли эти элементы словообразовательными или какими-либо иными аффиксами.

В ряде языков отмечается образование прилагательных от существительных с помощью суффиксов *-н*, *-у* и т.п., ср. лезг. *мекь* 'холод'—*мекь-и* 'холодный', *лам* 'сырость'—*лам-у* 'сырой' и др. (Гайдаров 1966б, 78—80); таб. *кьIаш* 'влага'—*кьIаш-и* 'влажный', *къур* 'сухость'—*къур-у* 'сухой'. (Загиров 1981, 25). Примеры такого рода следует, на наш взгляд, рассматривать как новообразование восточнолезгинских языков. Кроме того, с исторической точки зрения первичными, исходными здесь оказываются прилагательные, поскольку последние в отличие от соответствующих существительных не ограничиваются восточнолезгинским ареалом, ср.:

**йис-* 'старый': Л *сур*, Т *йирси*, А *йарсеф*, Р *йисды*, ЦГ *йисейин*, У *биси* при лезг. *йис*, таб. *йис*, агул. *ис* 'год';

**къIаны* 'беременная': Л *кьIани*, А *ҕанеф*, Р *гьIанды*, ЦМш *къIанна*, Ар *хьIан* при лезг. *кьен*, таб. *гьIан*, агул. *ҕан* 'внутренность, живот';

**'иры* 'красный': Л *йару*, Т *уьру*, А *ирефь*, Р *ирды*, К *ируь*, Б *ирд* 'кровь' (субстантивация) при лезг. *йар* 'краснота; заря, зарево';

**'ик̄ъвар* 'сохнуть': Л *кьураз*, Т *уркьуз*, А *рукьвас*, Ар *кьурас* > Л *кьуру*, А *рукьуф*, Р *къуруд*, Ц *къуру*, У *къари* 'сухой' при лезг. *къур*, таб. *къур* 'сухость'.

Как правило, в подобных случаях можно говорить и о семантической производности существительных от прилагательных. Это же оказывается справедливым и для некоторых существительных, обнаруживаемых за пределами восточнолезгинской подгруппы:

**мелъIаь* 'холодный': Л *мекьи*, ТД *мерчIули*, АБ *микIлер*, Р *мыкьды*, Ц *мыкIан* при таб. *микI*, агул. *мекI* 'ветер', лезг. *мекь*, уд *ми* 'холод'.

Не исключается, конечно, и обратный путь: образование прилагательных от существительных, ср. таб. *гъагъи*, агул. бурщ. *гъегъер* 'тяжелый' при таб. *гъагъ*, агул. бурщ. *гIагI* 'ноша', арч. *хъохъ* 'спина' (ср. *хъахъан* 'ноша'). Вторичность прилагательного подтверждается неисконностью значения 'ноша' < *'спина'.

В табасаранском языке в составе прилагательных зачастую вычленяется суф. *-ру*, ср. *к̄у-ру* 'узкий, тонкий' при агул. *ике-ф*, *ицру* 'больной' при рут. *йаьддас*, арч. *ацIар* и др. Как видно из последнего примера, подобные прилагательные сохраняют связь с глагольными основами. Соответственно, суф. *-ру* в этих прилагательных является причастным суффиксом.

Глагол

В систему глагольного словообразования пралезгинского языка входили пространственные префиксы, совпадающие материально с соответствующими показателями локализации в именах, а также с локативными наречиями-частицами: ПЛ **ал-* 'на; над': Л *ал-/ил-/ел-* (ср *ала* 'находится на поверхности', *илисун* 'давить, нажимать', *елаьгъун*

'снимать' и т.п.); Т *ал-*/*-ил-* (*алжагъуб* 'напасть', *илбижуб* 'намотать' и т.д.); А *ал-* (*алархъас* 'упасть с', *алахъас* 'насыпать на'); Р *л-* (*лихьес* 'класть на', *лузвас* 'вставать'); Ц *ал-*/*ил-*/*ул-* (*уд озарес* 'стоять', *илешес* 'покупать', *алебтIас* 'брать'); У *л-* (*ластун* 'мазать', *лайсун* 'подниматься', *лапсун* 'одеваться', *лахсун* 'класть').

Этот же префикс, по-видимому, функционирует в хиналугском, ср., с одной стороны, *л(а)-* и, с другой — элемент *-л-* в составе сложных превербов, выражающих приближение (Кибрик и др. 1972, 226). В целом достаточно многочисленны глаголы, образованные с помощью префикса **ал-* лишь в лезгинском, табасаранском, агульском, рутульском и цахурском языках. Количество подобных глаголов в удинском ограничивается пятью-десятью единицами с невычленяемой в большинстве случаев основой. В шахдагских языках данный преверб полностью вытеснен префиксом *къ-* (см. **къ-*).

Наречное происхождение префикса подтверждается наличием соответствующих единиц в рутульском (*ла'* 'вверх') и удинском (*ала* 'наверху'), а также параллельным функционированием локативного падежа на *-л̄. Последнее обстоятельство, видимо, подсказывает реконструкцию данного префикса в виде **ал̄-*, в связи с чем особенно важным представляется вопрос о возможных его рефлексах в арчинском. Если учесть, что интервокальный *л̄ в арчинском дает *т̄*, то для начала слова естественно было бы ожидать **т̄* > *д*. Тогда, возможно, в словах *даблъас* 'отпирать', *далIас* 'закрывать', *дак̄ъIас* 'запирать', *даха ас* ' открывать', *даIшмус* 'становиться пасмурной (о погоде)', *дахис* 'ударять', *докас* 'накрывать', *доркьас* 'причитать', *дубхъас* 'отпарывать' мы имеем рефлексы **ал̄-*. К сожалению, в именных корнях соответствия *л:д* не обнаружено, что не позволяет принять изложенную гипотезу как доказанную.

ПЛ **къ-* 'вне': Л *акъ-*/*екъ-* (*акъатун* 'вывалиться' *екъечIун* 'выйти'); Т *къ-* (сев.)/*гъ-* (юж.) (ТХан *къапI-за*. ТХ *гъапIунза* 'я сделал'); А *-гъ-* (*алгъучIас* 'залезть на', *гъагъучIас* 'подняться спереди'); Р *гъ-* (*гъайес* 'вынимать', *гъаьчIвас* 'выходить'); Ц *-гъ-* (*гъӗшес* 'отнимать', *гъадачес* 'выпускать', *илгъечIес* 'переходить'); К *къ-* (*къаьчIидж* 'выйти', *къаьх'аьдж* 'вытащить'); Б *къ-* (*къалакал* 'вытекать', *къахъу* 'разболтать', 'раскрыть секрет').

В арчинском и удинском рефлексы **къ-* не обнаружены. Возможна связь с приведенными формами хин. *къ(ал)-*, выражающего приближение сверху. В табасаранском выделяется пространственный преверб *къI-*/*гъI-* со значением 'между, среди', имеющий иное происхождение. В качестве рефлекса пралезгинского префикса **къ-* мы привлекаем здесь так называемый перфективный префикс.

В агульском преверб *гъ-* встречается в основном только в составе сложных превербов, где он выражает движение снизу вверх. Наличие в цахурском *-гъ-* вместо ожидаемого *-къ-*/*-гъ-* объясняется, по-видимому, особым развитием комплекса **-лкъ-*.

В ряде языков имеются генетически тождественные наречия и послелоги: рут. *гъа'* 'вне'; крыз. *къар* 'из', *къараьн* 'вне', буд. *къал* 'вверх'. В системе склонения параллелей не имеется.

В шахдагских языках у преверба *къ-* как будто имеется вторичное

значение 'на поверхности', ср. крыз. *къитаьдж* 'положить (на)', буд. *къıчIонху* 'нажать' и т.д. Все же более правомерным представляется выделение двух омонимичных префиксов. Как показывают материалы будухского языка, при наличии *кь-* 'из, вне' глагольная словоформа получает широкий гласный (*кьатIоргъу* 'распороть', *къечх'и* 'вытащить', *кьечи* 'блевать', *кьечIи* 'выйти', *кьеди* 'дергать', *кьергIи* 'выкинуть', *кьетIи* 'сорвать'), при *кь* 'на' — узкий (*кьıреки* 'намотать', *кьıрки* 'жать', *кьıрви* 'пришить', *кьулmIу* 'налить', *кьусу* 'класть', *кьушу* 'одеть', *кьуротIу* 'ударить' и др.). Кроме того, имеются внешние параллели для второго префикса, ср. таб. *гъу-му*, арч. *гъу-ду* 'тот (наверху)'.

Зависимость вокализма основы от значения префикса, по-видимому, указывает на то, что исторически префиксы имели вид *CV-, который затем мог видоизмениться в структуры *VC- (**ал-*) или *C- (**кь-*).

ПЛ *'- 'внутри': Т '- (*'-учIвуб* 'входить, *'-итуб* 'посадить (в)'); А '- (*'учIас* 'входить', *'ихьас* 'положить (в)'); Р '- (*'ихьес* 'класть', *'аьчIвас* 'входить').

В остальных языках выделение рефлексов *'- проблематично. Как и в случае аффикса локализации *-', обращает на себя внимание шахдагский материал, где выделяется префикс *гI-* (крыз. *гIаьчIаьдж* 'выйти', *гIаьйаьдж* 'вложить', буд. *гIачIи* 'войти', *гIолтIу* 'влить'). Возможно, в данном случае следует реконструировать какой-либо фарингальный (например, *ь-) и привлекать к сопоставлению арч. *йак* 'внутрь' (ср. крыз. *гIан* 'в', *гIаран* 'внутри'). Однако соответствие *':гI:й* не подтверждается другим материалом.

В лезгинском, цахурском и удинском рефлексы *'-, видимо, отсутствуют.

ПЛ **лъI-* 'под': Л *кI(в)-* (*кIватун* 'проваливаться', *кIвахьун* 'течь, сочиться', ? *кIудун* 'одолевать', 'побеждать'); Т *к̄-* (*к̄ивуб, к̄итуб* 'подложить' и т.п.); А *к̄-* (*к̄ехъас* 'подложить', АК *к̄ет̄ивас* 'убрать из-под'); Р *г-* (*гихьес* 'подложить', *гаьтIас* 'вынимать из-под'); Ц *г-* (*гечIес* 'спускаться', *гедачес* 'стелить'); К *к-* (*кийаьдж* 'подложить', *кеджхулидж* 'спрятать под'); Б *ч-* (*чосу* 'подложить', *чох'улу* 'подрыть').

В удинском рефлексы **лъI-* не обнаружены, однако здесь имеется пространственное наречие *окъа* 'внизу', ср. также арч. *лъIир*, буд. *корэн* 'внизу'. По семантике с приведенными превербами сближаются цах. ķI- (*кI,окьIас* 'макать', *кI,а'ас* 'копать'), а также лезг. *ак-/-ек-* (*акатун* 'попасть под', *акахьун* 'подлезть под', *экечIун* 'подлезть под' и др.), хотя трудно объяснить процессы **лъI > к* в лезгинском и **лъI > кI,* в цахурском. Для лезгинского, впрочем, можно предположить изменение по аналогии, вызванное подобным процессом, характерным для конца слова в именном словообразовании. Укажем в связи с этим, что формы локализации *под* достаточно хорошо сохранились в современных лезгинских языках.

ПЛ **к-* 'в соприкосновении с': Л *к(в)-* (*кватун* 'сползти по вертикальной поверхности', *кучIун* 'слезть по вертикальной поверхности'); Т *к-* (*кучуб* 'прикоснуться', *карсуб* 'прилепить'); А *к-* (*кехьас* 'повесить (на стену)', *кихьас* 'зажечь', 'писать'); Р *к-* (*китIас* 'привязать',

кийкьас 'трогать'); Ц *к-* (*кеӗас* 'чесать', *кешес* 'тесать'); К *ч-* (*чийаьдж* 'писать', *чаьтIидж* 'макать'); Б *ч-* (*чолкьу* 'полоскать', *чологьу* 'хоронить').

В шахдагских языках данный преверб употребляется ныне в значении 'в сплошном пространстве; в массе', что является естественным развитием исконного значения. Сложнее объяснить фонетический процесс **к-* > **ч-* (в будухском при этом совпали **л̅ъI-* и **к-*, в то время как в крызском эти превербы по-прежнему дифференцированы). В качестве вероятных арчинских соответствий можно привлечь пространственные наречия *канак* 'там', *киник* 'там (ниже)', что, однако, проблематично. Засвидетельствована аналогичная форма локализации. В удинском рефлексы **к-* отсутствуют.

ПЛ **л̅ъв* 'около': Л *гв-* (*гва*, ЛН *г̌ва* 'имеется', 'находится у, около', *гваьгъун* 'мазать'); Т *хь-* (*хьа* 'находится у, около'); А *ф-* (*фацас* 'держать', *фаmахъас* 'высыпать (напр., из рук)'); РХ *ф-* (*фугьовчIун* 'прохаживаться туда—сюда'), К *в-* (*ваьджи* 'находится у', *ваьхнидж* 'драться'); Б *в-* (*волтIу* 'привязать', *восу* 'ударить (по щеке)', *вергIи* 'точить').

Вышеприведенные соответствия несколько не укладываются в формулу звуковых корреспонденций для **л̅ъв-*. Кроме того, неоднозначны лезгинские рефлексы: помимо *гв-* здесь можно обнаружить *в-* (ср. *вугун*, ахт. *гыгын* 'дать временно' при *гун* 'дать') и *г-* в словах типа *гелькъуьн* 'ухаживать (за кем-л.)', также предположительно восходящие к **л̅ъв-*. Не исключена возможность, что генетически тождественный аффикс (*-ва-*/*-во-*) может быть вычленен из цах. *гьувохьарас* 'бросать', *гивахана*с 'висеть', *гьувагас* 'играть'. Проблема осложняется тем, что в этих формах мог иметь место процесс **л* > *в*. Что же касается значения цах. *-ва-*/*-во-*, то оно в большой степени затемнено. В табасаранском имеем нейтрализацию *хь-* и *гь-* 'перед'.

Хорошо сохранились рефлексы соответствующего показателя локализации в именах. Ср. также арч. *л̅ъва* 'вместе'.

ПЛ **с-* 'вниз(у)': Р *с-* (*сихьес* 'положить', *саьчIвас* 'спускаться'); Ц *с-* (*сачахарас* 'драться', *сивокIарас* 'опухать'); Б *с-* (*си' и* 'делать', *сурхъу* 'держать', *сугу* 'жечь'); К *с-* (*сыбх'аьдж* 'тащить', *саьгIаьдж* 'бросить', *саьчаьдж* 'гнить'); У *с-* (*саксун* 'валить').

Сюда же можно было бы привлечь и арч. *саӄас* 'смотреть', что, впрочем, проблематично. Пространственное значение преверба прослеживается только в рутульском (в удинском обнаружен единственный приведенный пример), здесь же сохранилась локативная частица *са'* 'вниз'. Из падежных формантов к сопоставлению привлекают показатель датива *-с* (<**-с̄*).

ПЛ **гь-* 'впереди': Т *гь-* (*гьитуз* 'посадить перед', *гьубкIуб* 'быть достаточным'); А *гь-* (*гьихьас* 'положить перед', *гьаmивас* 'убрать спереди'); Ц *гь-* (*гьас̄арас* 'оставить', *гьогьарас* 'продвигаться', *гьувохьарас* 'бросать').

В цахурском префиксальный *гь-* не обнаруживает конкретной пространственной семантики, так что его связь с другими приведенными формами довольно сомнительна. На пралезгинский характер преверба указывают сохранившиеся в большинстве лезгинских языков рефлексы пространственного наречия.

ПЛ **хъ-* 'сзади': Л *-х-* (*къахчун* 'взять снова', *ехвичІун* 'еще раз спускаться'); Т *хъ-* (*хъитуз* 'посадить позади', *хъахъуз* 'насыпать сзади'); А *хъ-* (*хъацас* 'надеть (пальто)', *хъахъас* 'взять на спину'); Р *хъ-* (*хъывыс* 'возвратить', *хъихес* 'отнести назад'); Ц *хъ-* (*хъелес* 'отдать', *хъахъес* 'отойти').

В ряде языков развилось вторичное значение повторности, при этом в лезгинском первичное значение утратилось. Ср. также рут. *хъу'* 'назад', агул. *хъара* 'вновь', арч. *хир* 'после' и соответствующий показатель локализации в именах.

ПЛ**къI-* 'между; в заполненном пространстве': Т *къI-* (сев.), *гъI-* (юж.) (*гъипуз* 'положить между', *гъерхуз* 'повесить между'); А *гъI-* (*гъIихъас* 'положить между, среди').

Префикс увязывается с соответствующим показателем локализации. Очевидно, его вытеснение в других языках было обусловлено расширением функций преверба **к-*.

Восстановление других пралезгинских префиксов в настоящее время проблематично, хотя как будто обнаруживаются некоторые соответствия: крыз., буд. *й-* 'через' находит параллели в агул. *-й-*, выражающем направление движения вниз (*ала-й-чIвас* 'спуститься' и т.п.) и лезг. *-й*, падежном аффиксе, указывающем удаление,и соответственно с другими рефлексами восстанавливаемого в настоящей работе пралезгинского префикса исходного падежа **-ай*. Не исключена возможность функционирования уже на пралезгинском уровне префикса **т-*, соотносимого с показателем направительного падежа. Отражение этого префикса можно усмотреть в таб. *д-* (перфективный префикс) и таб., агул. *-д-* (*-т̄-*), префиксе обратного действия. Опять же не исключена возможность связи с названными аффиксами арчинского анлаутного *д-* в некоторых глаголах.

Поскольку в арчинском языке практически отсутствуют следы префиксального способа глагольного словообразования, это, естественно, ставит под сомнение правомерность возведения ее к пралезгинскому уровню. Однако, учитывая хронологию распада общелезгинского языка-основы, первым этапом которого было выделение удинского языка, а также наличие в последнем определенных указаний на былое существование превербов, мы склоняемся к точке зрения, согласно которой превербы были характерны уже для пралезгинского уровня. Функционирование их было, однако, ограниченным. При этом более адекватной может оказаться их характеристика не как превербов, а как препозитивных частиц.

Такое решение находит определенные основания и в структуре арчинского глагола: в ряде лексем можно усмотреть сложение глагольного и именного корней, ср., например, *цокIас* 'мочиться (физиол.)' < *цор* 'моча' + *акIас* 'гнать' (ср. рус. *мочегонный*); *л̄ъохIас* 'смешиваться, растворяться' < *л̄ъва* 'вместе' + *ахIас* 'таснуть'; *гвак̄ъас* 'собираться' < *гви-* 'все' + *ак̄ъас* 'оставлять'.

Особую группу общелезгинских глагольных префиксов составляют "экспрессивные" превербы. Достаточно хорошо выделяются рефлексы следующих общелезгинских префиксов:

ПЛ**mI-*: Л *mI-*, Т *mI-*, А *mI-*, Р *mI-*, Ц *mI-*, К *mI-*, Б *mI-*.

В лезгинском языке анлаутный *mI-* встречается лишь в глаголе *mIакьаз* 'замерзать'. Кроме того, можно предполагать процесс диссимиляции *m-* < *mI-* в *mукIваз* 'резать (животное', *mуькьуьнун* 'глотать' и *mуькIуьн* 'ладиться'. Достаточно широко представлен префикс *mI-* в табасаранском, ср. *mIауз* 'открывать', *mIирхуз* 'лететь', *mIиршуз* 'месить, тереть', *mIурӣвуз* 'болтать', *mIуркIуз* 'трескаться'. Ср. также агул. *mIах-ас* 'опухать', бурщ. *mIулкьанас* 'лопаться', кур. *mIишас* 'тереть'; рут. *mIубкьвас* 'лопаться', *mIахIас* 'опухать', *mIубджес* 'сосать'; цах. *cumIикьIанас* 'драться', *гьumIебхас* 'копать', *гъуmIокIалес* 'треснуть'; крыз. *mIудхуридж* 'скрести', *mIушнидж* 'топтать', *mIудкьулидж* 'лопнуть'; буд. *cармIарх-ар* 'бежать', *вomIонку* 'месить (тесто)', *cemIергIu* 'сыпать', *къomIоншу* 'топтать'.

Как видно из примеров, имеется ряд межлезгинских соответствий с префиксом *mI-*, ср. 'лопаться, трескаться' (в этот же ряд следует добавить уд. *т̆ой* с тем же значением), 'месить, тереть; топтать' (ср. беспрефиксные глаголы — лезг. *ишиниз*, арч. *шуIммус* 'месить (тесто)'), 'опухать' (ср. с другим префиксом — крыз. *сaьх-аьдж*, а также таб. *аргъIуз*, арч. *бабх̄Iас*, уд. *бехI* 'опухоль').

ПЛ **чI-*: Л *чI-*, Т *чI-*, А *чI-*, Р *чI-*, Ц *чI-*, К *чI-*, Б *чI-*.

Данный ряд соответствий можно проиллюстрировать следующими примерами: лезг. *чIагуз* 'замерзать', *чIугваз* 'тянуть' (в других языках *чI-* отсутствует: арч. *лIуммус*, крыз. *йиӷнидж*, буд. *йуну*), возможно, *чкIиз* 'рассыпаться' с диссимиляцией; таб. *чIархьуз* 'давить', *чIиргуз* 'замерзать', *чIурхуз* 'морщиться', *чIургъIуз* 'царапать', *чIуркьIуз* 'давить', *чIурхIуз* 'волочить', *чIаргъIуз* 'рвать, колоть'; агул. *чIилкьвас* 'грызть, жевать', тп. *чIиргъвас* 'рваться', *чIирх̣ас* 'тащить, волочить'; рут. *чIибхес* 'рваться', *лачIибхас* 'скользить', *чIукIас* 'кривиться', *хъIычIибхас* 'ползти', *чIаркIвас* 'грызть, жевать', цах. *ачIик̆вас* 'хватать, грабить', *кIичIик̆вас* 'кинуться, загребать', *квичIокарас* 'кружить', *гьичIокарас* 'бороться'; крыз. *чIукIадж* 'разрушать', *чIохъадж* 'жевать', буд. *вочIонху* 'сжимать', *чIахъу* 'грызть, жевать'.

Как и в предыдущем случае, отмечаются межлезгинские параллели, ср. 'грызть, жевать' (в этот же ряд следует включить лезг. *жакьваз* с нерегулярным развитием **чI-*), 'рваться'.

ПЛ **цI-*: Л *цI-*, Т *цI-*, А *цI-*, Р *цI-*, Ц *цI-*, К *цI-*.

В лезгинском языке префикс *цI-* как будто вычленяется в существительном *цIарх* 'царапина', сопоставимом с таб. *цIабхуз* 'чесать' (ср. *кцIахуз* 'скоблить', *алцIахуз* 'царапать'), ср. также агул. *цIуфас* 'сосать', *цIурхас* 'глодать'; рут. *цIурхвас* 'скользить', *цIиркьас* пугаться; цах. *ацIакIванас* 'кусать', *гъацIакIванас* 'пилить', *гицIебхас* 'просеивать'; крыз. *цIыӷнидж* 'скользить'.

По-видимому, в число экспрессивных превербов можно было бы включить также анлаутные *ч-*, *ч̆-*, *ж-*, *дж-*, *ц-*, и т.п. На это указывают, например, следующие соотношения:

таб. *ул-чв-ухуз* при агул. *чIархвас*, рут. *чIубхвас* 'поскользнуться',

лезг. *ел-ч-уьхиз*, таб. *ч-урхуз* при агул. тп. *mIухас*, рут. *дж-ыбгъас*, арч. *m-ух* 'вянуть';

таб *ж-икIуз* 'мыть', агул. *дж-икIанас* 'совершать омовение' при арч. *eльI мус* (то же);

лезг. *ч-уьхуьз* 'мыть', таб. *к-ч-ахIуз* 'мазать, тереть', арч. *ч-ахI бос* 'течь' при цах. *ги-жа-бхIас* 'совершать омовение', крыз. *аьбх.аьдж* 'пачкаться' и др.

Хотя значение перечисленных префиксов достаточно неопределенно, все же его можно сформулировать как "придание глагольному значению оттенка интенсивности, резкости или неприятного ощущения". Во всяком случае нельзя не заметить, что подавляющее большинство глаголов, имеющих экспрессивный префикс, — это глаголы деформации: *скоблить, мять, тереть, царапать, рваться, лопаться, рассыпаться.*

По поводу рассматриваемых префиксов Б.Б. Талибов (1980а, 91) пишет: «,,... здесь мы имеем дело со значимым инфиксом, являющимся продуктом распада в определенных фонетических условиях инфикса "обратного" действия *д*"». Как будто подкрепляют этот вывод примеры аффрикатизации (по Б Б. Талибову, в ударном слоге в позиции перед гласными) в хивском говоре: *фрчIим* 'путы' при дюб. *фуртIим, ачIин* 'носок' при дюб. *атIин, джив* 'облако' при *диф* (см. Магометов 1965, 62—64). Семантика приводимых глаголов, содержащих префиксы *-тI-*, *-чI-* и др., также в целом не противоречит подобной трактовке (во всяком случае, имеющиеся ныне исключения могут быть результатом семантического развития.

Все же на некоторые вопросы эта гипотеза не отвечает. Нет объяснения, например, такому факту: в практически идентичных фонетических условиях имеем и *-чI-*, и *-цI-*, и *-тI-*, в то время как ожидалось бы их единообразное изменение. Кроме того, префикс обратного действия имеется лишь в табасаранском и агульском языках, а префиксы *-чI-, цI-* и др. — почти во всех лезгинских языках, что затрудняет объяснение последних через первый.

Исходя из изложенных фактов, можно считать предлагаемую в настоящей работе трактовку более приемлемой.

Г.Х. Ибрагимов (1980а, 183), рассматривая крызские глаголы *тIуркьулуз* 'лопнуть' и *чIогъаз* 'жевать', выделяет в них по два корня: с одной стороны, *тI-* и *кь-* и, с другой стороны, *чI-* и *гъ-*. Не отрицая возможности сложения глагольных корней в лезгинских и в том числе шахдагских языках (см., например, буд. *хосу* 'рожать', где *х-* *'рожать', а *-ос-* — 'класть'), мы не можем принять подобное допущение, поскольку, во-первых, анлаутные элементы не поддаются этимологизации как корневые и, во-вторых, отсутствует соответствующая словообразовательная модель (в будухском примере мы имеем дело не со словообразованием, а с контаминацией).

Рассматривая экспрессивные превербы с точки зрения их генезиса, нельзя не указать на их материальную и функциональную близость к экспрессивным именным суффиксам. Вместе с тем, судя по внешним данным, эти префиксы могли возникнуть в результате переинтерпретации на общелезгинском уровне анлаутных корневых согласных, ср. таб *жикIуз* 'мыть' ~ цез. *чоклIа* 'полоскать', таб *чурхуз* 'вянуть' ~ гунз. *чогъа* 'вянуть', таб. *ал-цIахуз* 'царапать' ~ цез. *цахва* 'писать' < *'скрести', агул. *цIуфас* 'сосать' ~ ав. *хьуўIузе* 'цедить'.

СТРУКТУРА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Современные лезгинские языки характеризуются в целом едиными принципами построения простого предложения, различая эргативную, аффективную (= дативную) и абсолютную конструкции предложения, обусловленные лексическим качеством глагола-сказуемого. Эргативную конструкцию составляют переходный глагол-сказуемое и два именных члена предложения: имя деятеля (агенс) в эргативе и имя объекта (пациенс) в абсолютиве. Аффективная конструкция включает аффективный глагол-сказуемое и его актанты: имя субъекта (экспириенцер) в дативе и имя объекта в абсолютиве. Абсолютная конструкция предложения характеризуется наличием у непереходного глагола-сказуемого единственного обязательного актанта в абсолютиве. Поскольку эти три конструкции выделяются во всех лезгинских языках, это состояние может быть легко спроецировано в общелезгинскую эпоху. При этом с учетом опять-таки единых правил порядка слов в современных лезгинских языках схема расположения членов предложения в пралезгинском языке может быть представлена в виде "субъект — (объект —) глагол". Приведем примеры функционирования охарактеризованных выше конструкций предложения в современных лезгинских языках

Эргативная конструкция: лезг. *па̄па̄ к̄вар къачуна* 'женщина кувшин взяла'; таб. *хIурчабни лукьI гъибисну* 'охотник орла поймал', агул *ха̄па̄хъанди х̣уб рук̄уне* 'чабан барана зарезал'; рут. *нины йак гьухьвара* 'мать мясо варит'; цах. *дек̄ē балк̄ан алившуна* 'отец лошадь купил'; арч. *хIелми накьв чIаIр ав* 'дождь землю намочил'; крыз. *фирар х·аьнийаьр куьтIулджи* 'мужчина волов запряг'; буд. *сокулдур джибджибер саъалджи* 'лиса цыплят съела'.

Эргативное построение наблюдается также при глаголах типа *качать, махать*:ср. рут. *ришер гъукьул субды ва'ара* 'девушка головой качает'; буд. *къил къумотIу* 'ногой не топай'.

Аффективная конструкция: лезг. *рушаз к̄ац ак̄уна* 'девушка кошку увидела'; таб. *шубариз нимкъар гъидихъну* 'девочки землянику нашли'; агул. *зус ве т̄ур х·уйе* 'я твое имя знаю'; рут. *хынимешис йималаьлаь лулчес бала гьыгар* 'дети на осле кататься очень любят'; цах. *йедис джена дих ык̄ан* 'мать своего сына любит'; арч. *без йамуб цIай бак̄уршиби* 'я эту козу вижу'; крыз. *заьс хор саьс ихьаьджи* 'я лай собаки услышал', буд *зәз вын инджитми си'и йикәдәд* 'я тебя беспокоить не хочу'. Для некоторых аффективных глаголов характерно употребление в качестве объекта инфинитива (ср. рутульский и крызский примеры).

В современных лезгинских языках класс глаголов, обусловливающих аффективную модель предложения, достаточно непродуктивен. В него обычно входят такие глаголы, как *любить, хотеть, видеть, слышать, знать, забывать, находить, бояться*. В пралезгинском, по-видимому, круг подобных глаголов был несколько шире (ср., например, глагольные дублеты: **'ацIа ~*'ахIа* 'знать', **'ак̄ва ~*'ирк̄ьIаьр* 'видеть').

Абсолютная конструкция: лезг. *буба фена* 'отец ушел'; таб. *хьадукар улубкьу* 'весна наступила'; агул. *шиникв ит̄архьуне* 'ребенок заболел', рут. *хьаьд лархыра* 'вода помутнела'; цах. *зербы хьадымы* 'коровы вернулись'; арч. *дийа вирхвиншиви* 'отец работает'; крыз. *лиф ухварадж* 'голубь воркует'; буд. *вирагъ дых къоьчIуьри* 'солнце рано всходит'.

Разновидностью абсолютной конструкции предложения можно считать также безличные предложения типа буд. *фейи ви* 'жарко' и экwативные типа рут. *изды нин лап гьыхды ри'и* 'моя мать очень хорошая'.

Судя по данным языков, сохранивших классное словоизменение, пралезгинский глагол согласовывался в классе с именем в абсолютиве, ср. таб. *риш жа-р-гъура* 'девочка бежит' ~ *дажи жа-б-гъура* 'осел бежит' (абс. конструкция), арч. *без цIай б-ак̄урши б-и* 'я козу вижу' ~ *вез бошор в-ак̄урши в-и* 'я мужчину вижу' (афф. конструкция).

Целесообразно рассмотреть в данной главе принципы классного распределения субстантивов (соответствующие показатели реконструируются в гл. "Морфология").

Современные лезгинские языки с точки зрения представленных в них систем именной классификации объединяются в три группы: в лезгинском, агульском и удинском языках классная дифференциация имен ныне отсутствует; табасаранский язык дает двухклассную систему с противопоставлением личного (названия людей) и неличного (названия животных, предметов и др.) классов; в остальных языках — рутульском, цахурском, арчинском, крызском, будухском и хиналугском — обнаруживается система из четырех именных классов[1], причем логические основания зафиксированных в этих языках классных систем совпадают. Так, здесь практически без исключений противопоставлены:

1. Имена, обозначающие лиц мужского пола (первый грамматический класс), ср. рут. *едеми* 'мужчина', *баба* 'дедушка', цах. *цума* 'жених', *дих* 'сын', арч. *дийа* 'отец', *бошор* 'муж, мужчина', крыз. *млаьй* 'дядя (со стороны отца)', *дайси* 'дядя (со стороны матери)', буд. *фури* 'мужчина', *шид* 'брат' и т.п. В этот же класс включаются, как правило, имена типа цах. г̆ыниш, крыз. къог 'бог'.

2. Имена, обозначающие лиц женского пола (второй грамматический класс), ср. рут. *хьыдылды* 'женщина', *бабай* 'бабушка', цах. *абай* 'теща, свекровь', *йед* 'мать', арч. *бува* 'мать', *дозба* 'бабушка', крыз. *хаьлаьй* 'тетя (со стороны матери', *кьев* 'одномужница (сомужница)', буд. *риж* 'дочь', *шидыр* 'сестра' и т.п. В данный класс могут быть включены также имена типа рут. аьлбесди 'ведьма', цах. *цуццций* 'кукла' и др.

3. Имена, обозначающие животных, а также некоторые неоду-

[1]Если рассматривать систему именной классификации с чисто согласовательных критериев, то классов может оказаться больше, ср., например, Кибрик 1972

шевленные предметы и явления (третий грамматический класс), ср. рут. *кьарг* 'баран (двух лет)', *хьIад* 'ворона', *джар* 'сметана', цах. *зaьр* 'корова', *ваз* 'луна', арч. *гвацци* 'кобыла', *жыра* 'бедро', крыз *заьли* 'пиявка', *кIаьдыр* 'котел', буд. *купаьл* 'петух', *вис* 'родник' и т.п

4 Имена, обозначающие неодушевленные предметы и явления (четвертый грамматический класс), ср. рут. *кьан* 'дно', *шыдыкь* 'мята', цах. *кIакI* 'ресница', *хьура* 'малина', арч. *лагум* 'песня', *оIрхи* 'соль', крыз. *рух* 'палас', *мыкIраьтI* 'ножницы', буд. *рах·адж* 'мука', *черх* 'колесо' и т.п. В этом же классе могут оказаться также и названия животных, чаще мелких, насекомых и птиц.

Как видно, принцип распределения именной лексики по соответствующим классам выдерживается достаточно строго лишь в случае названий людей, которые без колебаний причисляются соответственно к первому или второму классу. Менее очевидным является обособление в третий класс названий животных — здесь уже достаточно частыми оказываются исключения. Наконец, в высшей степени противоречивую картину представляет собой классная дифференциация неодушевленных субстантивов. Приведем некоторые примеры из крызского языка:

III класс		IV класс	
кIватIин	'щека'	*бел*	'лоб'
джимел	'кизил'	*зырищ*	'барбарис'
тыр	'ложка'	*каьнтI*	'нож'

В ряде работ, посвященных классным системам отдельных лезгинских языков, предлагались некоторые критерии, позволяющие с большей или меньшей степенью достоверности распределить неодушевленные имена по III и IV классам. Б.Б. Талибов (1961, 219), полагающий, что "в основе первоначальной классификации имен по грамматическим классам в цахурском языке также лежал семасиологический принцип", отмечает, в частности, что названия жидкостей (*хьан* 'вода', *чахыр* 'вино', *буза* 'брага', *вухIана* 'вид браги'), металлов (*йува* 'железо', *гьалдан* 'сталь', *накьра* 'серебро'), осадков (*гегьуй* 'дождь', *йиз* 'снег', *долу* 'град', *чий* 'роса') включаются в IV класс, хотя имеется несколько исключений.

Логический принцип, лежащий в основе классификации имен в цахурском языке, пытались выявить Г.П. Мельников и А.И. Курбанов (1964, 161). Ими была предложена схема дифференциации четырехклассной системы по двум признакам — активности/пассивности и разумности/неразумности:

	Разумность	Активность
I гр кл	+	+
II гр кл	+	—
III гр кл	—	+
IV гр кл	—	—

Аналогичная попытка была предпринята на материале арчинского языка Д.С. Самедовым (1975, 19—21), выявляющим следующие критерии распределения субстантивов по III и IV классам: производность, признак величины, семантическая аналогия и характер значения (абстрактность, конкретность).

Тем не менее, картина продолжает оставаться неясной Не даст, по-видимому, сколько-нибудь заметных результатов для прояснения вопроса и типологическое исследование: например, привлечение материалов африканских языков (банту), известных развитой системой согласовательных классов, или индоевропейских с их грамматическим родом, ср., в частности, замечание Л.И. Жиркова (1961, 198) о том, что "самые принципы классификации всех вещей и явлений, составляющих вместе всю окружающую человека природу, в обоих сравниваемых группах языков (дагестанских и банту. — М.А.) различны".

Из вышеизложенного становится очевидной необходимость поиска решения данного вопроса путем сравнительно-исторического анализа· лишь реконструировав систему именной классификации пралезгинского языка (и далее — прадагестанского) на базе сравнения современных языков, выявив принципы, лежащие в основе этой системы и проследив динамику ее развития, можно будет с большей или меньшей степенью уверенности указать те критерии, по которым осуществлялось классное распределение имен. При таком условии, на наш взгляд, более корректным окажется и типологическое исследование.

Остановимся на характеристике лексического состава III и IV именных классов, основываясь на показаниях генетически родственных лексем рутульского, цахурского, арчинского, крызского и будухского языков. Заметим попутно, что непосредственное сравнение слов тождественной семантики не может дать положительного результата, поскольку у сравниваемых лексем может оказаться различное этимологическое значение, что отразится и на их классной принадлежности.

Подавляющее большинство лексем, восходящих к общелезгинскому состоянию, обнаруживают полное сходство с точки зрения их вхождения в тот или иной класс (здесь мы рассматриваем только III и IV классы). На основании этого и для пралезгинского языка можно предположить наличие соответствующих именных классов. Третий именной класс пралезгинского языка включал следующие семантические группы существительных:

а) названия животных, птиц и насекомых:

**вaьIл̄ъIв* 'свинья, кабан' > РХх *вак* 'старый хрыч (бран.)', Ц *вок*, Ар *боIлъI*, К *вак* Б *вэк* (также Л *вак*, АФ *вак̄*, У *бокьI*);

**викьар* 'ягненок (от 1 до 2-х лет)' > Ар *бакьари*, К *викьэр*, Б *викьер* (также Л *кьар*, АБк *укьар* 'баран');

**выс* 'тур' > Р *васи* 'самка тура', Ц *вис*, Ар *бос;*

**гигу-* 'кукушка' > Р *гиггу*, Ц *гук̄ы*, Ар *гик̄* К *гугу*, Б *гугу-тI* (также Л *к̄ук̄у-пI*, Т *к̄ук̄у-м*, А *к̄ек̄у*);

**кьIвел* 'мышь' > Р *кьIул*, Ц *кьIов*, Ар *но-кьIон*, К *кьал*, Б *кьэл* (тж Т *кьIул*, А *кьIул*, У *мeIл*);

**кьона* 'козел' > Р *кьын*, Ц *кьына*, Ар *кьон* (тж. Л *кьун*, Т *кьун*, А *кьун*),

**къIора* 'заяц' > Р *гъIыр*, Ц *гъIыйе*, К *кьур*, Б *къур* (тж. Л *къуьр*, Т *гъIур*, А *гуьр*, У *гъу*);

**c̄ol га*'лиса' > Р *сикI*, Ц *сыIвaI*, Ар *c̄ол*, К *сакул*, Б *сакул* (тж. Л *сикI*, Т *сул*, А *сул*. УВ *шул*);

**лоль(в)* 'вошь' > Р *лихь*, Ц *вихь*, К *лиш*, Б *лиш*;

**(му)с̄ваьл* 'улар' > Ар *мус̄ал*, К *сел*, Ц *соле* (тж. АК *улусум*); в эту же группу включаются лексемы **чIуй̄* 'блоха', **ц̄аьр* 'корова', **йамц* 'бык, вол', **цIегь* 'коза', **к̄ату* 'кошка', **с̄ве'* 'медведь', **'Iам̄-* 'волк', **кьIогьIор* 'еж', **мулахьIв* 'червь', **л̄Iар* 'змея', **лучIа* 'телка', **ликьIв* 'орел' и др.

б) названия деревьев и плодов:

**лъытIа* 'ячмень' > Р *хьытI*, Ц *хьытIа*, Б *фитI* 'ячмень в глазу' (тж. Л *гитI* 'вареная пшеница');

**махъIва* 'дуб, желудь' > Р *махIв*, Ц *мохьI*, К *мегь* (тж. Л *мегъв*, Т *махьIв*, А *махъI-*, У *махъI*//*махI*);

**херт̄* 'липа' > Ц *хид*, К *хир* (тж. Т *хIард*, А *хирд* 'береза, тополь');

**хвей̄* 'алыча' > Р *хаьд*, Ц *хон*, К *хэд*, Б *хед* (тж. Л *хват*, Т *хут*, А *хут*) и нек. др.

в) названия небесных тел:

**виракъ* 'солнце' > Р *виригъ*, Ц *вирыгъ*, Ар *бархь*, К *вирагъ*, Б *вирагъ* (тж. Л *ригъ*, Т *ригъ*, А *рагъ*);

**вац̄* 'луна' > Р *ваз*, Ц *ваз*, Ар *бац*, К *ваьз*, Б *вэз* (тж. Л *варз*, Т *ваз*, А *ваз*);

**х̄Iай̄а* 'звезда' > Р *хIадей*, Ц *хIане*, Ар *х̄Iолош-хьIан*, К *х·аьчI*, Б *х·ачI* (тж. Л *гъед*, Т *хIад*, А х̮ад);

г) некоторые названия частей тела:

**мохор* 'грудь' > Р *мыхыр*, Ц *муху*, Ар *мохор* 'грудинка', К *махар*, Б *махар* (тж. Л *хур*, Т *мухур*, А *мухур*);

**мочIор* 'борода' > Р *мычIри*, Ц *мучIру* 'ус', Ар *мочIор*, Б *мичIер* (тж. ТХ *мучIур* 'острие сохи', А *мучIур* 'подбородок');

**'вил* 'глаз' > Р *ул*, Ц *ул*, Ар *лур*, К *гIуьл*, Б *гIуьл*, (тж. Л *вил*, Т *ул*, А *ул*, У *пул*);

**'Iам̄* 'ухо' > Р *убур*, Ар *ой*, К *ибр*, Б *ибир* (тж. Л *йаб*, Т *иб*, А *йабур*); в эту же группу включаются лексемы **мам* 'грудь (ж.)', **мелц̄* 'язык', **му'ел* 'нос', **йак̄в* 'бок', **пыIмп* 'колено', **тап̄* 'сухожилие';

д) прочие лексико-тематические группы:

**мол̄Iор* 'лестница' > Р *мыг̃ыр* 'носилки для покойника', К *мыг̃ыр*, Б *йумур* (тж. Л *гур-ар*);

**морл̄бол* 'столб, опора' > Р *мыхьыл*, Ар *мол̄бол* 'нога' (тж. Л *гул*, Т *мурхьул*);

**мосол* 'надгробный камень' > Р *сыл*, Ар *мосол* (тж. У *ол* 'столб, колонна');

**цIвирт̄* 'каменный столбик' > РХх *цIуд*, Ар *цIут* (тж. Т *чIвурд*, А *цIуд*);

**раьк̄̄I* 'дорога' > Р *рахьI*, Ц *йахьI*, Ар *декьI* (тж. Л *рехь*, Т *ракьI*, А *ракьI*, У *йакь*);

ср. также **(мо)ц̄Iвир* 'ложка', **л̄баьл̄* 'след', **мурк̄ул* 'веник', **сыва* 'гора', **к̄аша* 'голод' и др.

В четвертый именной класс пралезгинского языка входили следующие лексемы:

а) названия веществ:

**л̄баьй̄* 'вода' > Р *хьаьд*, Ц *хь,ан*, Ар *л̄бан*, К *хьаьд*, Б *хьэд* (тж. Л *йад*, Т *шид*, А *хьед*, У *хе*);

**цвера* 'моча' > Р *зур*, Ц *зей*, Ар *цор*, К *зыр*, Б *зире* (тж. Л *цвар*, ТК *джвур*, А *зур*);

**л̅ъвирт̅* 'навоз' > Р *хьид*, Ц *хьид*, Ар *л̅ъвит*, К *хьид*, Б *хьид* (тж. Л *фид*, А *фурд*);

в эту же группу включаются лексемы **мирк̅ъв* 'ржавчина', **йал̅ъI* 'мясо', **йимх̅* 'масло', **йиц* 'снег', **маʼI* 'жир, сало', **наьхв* 'солома, мякина', **ʼимц̅I* 'мед', **рук̅* 'пыль', **гьIамльI* 'пот';

б) названия отрезков времени:

**йикь* 'день' > Р *йигь*, Ц *йыгь*, Ар *ихъ*, К *йигь*, Б *йигь* (тж. Л *йугь*, Т *йигь*, А *йагь*, У *гьи*);

**ьийв* 'ночь' > Р *выш*, Ар *иш*, К *йиф* (тж. Л *йиф*, Т *йиив*, А *гIуьш*, У *уьше*);

**с̅аьн* 'год' > Р *саьн*, Ц *сен*, Ар *с̅ан*, К *саьн*, Б *сан* (тж. У *усен*);

в эту же группу включаются лексемы **кьIорт̅а* 'зима', **кьIол̅* 'лето', **л̅ъан* 'весна';

в) имена абстрактного содержания:

**йимльI* 'аршин' > Р *йукь*, Ар *имкI*, К *йукь*, Б *йукь* (тж. Л *йукI*, Т *йукI*, А *йукI*);

**льIин* 'клятва' > Р *кьин*, Ц *кIын*, К *кьын*, Б *кьын* (тж. Л *кьин*);

**наьвльI* 'сон' > Р *накь*, Ц *накI*, Ар *набкI*, К *нэкьир*, Б *некьир* (тж. Т *нивкI*, А *емкI*, У *неп̅*);

**ниʼ* 'запах' > Ц *ниʼи*//*ни̅* 'мята', Ар *ди*, К *нэгI*, Б *негI* (тж. Л *ни*, Т *ниʼ*, АТ *ниʼ*);

**цIвер* 'имя' > Р *дур*, Ц *до*, Ар *цIор*, К *тыр*, Б *тур* (тж. Л *тIвар*, Т *чвур*, А *т̅ур*, *уц̅и*);

сюда же (с некоторой долей условности) можно включить лексемы **кIацI* 'дыра', **л̅ъвир* 'трещина', **льIан* 'дно', **лIума* 'дым', **цIай* 'огонь', **чIал̅* 'слово, речь' и нек. др.

г) названия строений, их частей, предметов домашнего обихода и инструментов:

**рех̅Iва* 'мельница' > Р *рухI*, ЦГ *йох̅Iа*, Ар *дехIв* (тж. Л *регьв*, Т *рагъIин*, А *рах̂*);

**рал̅ъIа* 'дверь' > Р *рак*, Ц *ак̅а*, Ар *дальI*, К *раьк* (тж. Л *рак*, Т *ракин*, А *рак̅*);

**ракъIа* 'гребень' > Р *рагъI*, Ц *агъIа*, Ар *дахъI*, К *рагъ* (тж. Л *регъ*, Т *рагъI*, А *раг̧*);

**раьп̅* 'шило' > Р *раб*, Ц *раб*, Ар *даб*, К *реб*, Б *реб* (тж. Л *риб*, Т *риб*, А *реб*);

**ʼаьрл̅ъIв* 'ярмо' > Ц *оIк*, Ар *ольI*, К *укар* (тж. Л *вик*, Т *йурк̅агъ*, АБ *йарк̅вах*);

в эту же группу включаются лексемы **кьав* 'крыша', **кьвыртIа* 'ступенька', **йакIв* 'топор', **кантI* 'нож', **кьал̅I* 'ножны', **кьула* 'доска', **кIона* 'рукоятка' и др.

д) названия некоторых частей тела:

**сыл̅* 'зуб' > Ц *сили*, Ар *сот*, К *сил*, Б *сил* (тж. А *силеб*);

**с̅ыв* 'рот' > Ц *сив*, Ар *с̅об*, К *сив*, Б *сив* (тж. Л *сив*, Т *ушв*, А *сиб*, У *ошъ* 'конец');

**л̅ъIол* 'лопатка, передняя нога животного' > Р *гыл*, Ц *гывы*, Ар *льIол*, К *кыл* 'рука', Б *кыл* то же (тж. Л *кIул*, ТК *к̆уьл*, А *к̆ул*, У *къул* 'бедро');

**йикI* 'сердце' > Р *йикI*, Ц *йикI*, Ар *икIв*, К *йикI*, Б *йыкI* (тж. Л *рикI*, Т *йукIв*, Ар *иркIв*, У *ук̄*);
в эту же группу включаются лексемы **йикьIв* 'поясница, талия', **къел* 'нога', **х̄ыл* 'рука' и нек. др.

е) прочие лексико-тематические группы:

**неIл̄ъIв* 'поле, пашня' > Ц *нек*, К *ник*, Б *ник* (тж. Л *ник*);

**т̄ил̄ъв* 'облако' > Ар *дилъв*, К *джиф*, Б *джуф* (тж. Л *ц̆иф*, Т *диф*, А *диф*) и др.

Как видим, к третьему классу тяготеют не только одушевленные имена (т.е. названия животных), но и лексемы, обозначающие растения, небесные тела и нек. др. С другой стороны, в четвертый класс попадают имена с более абстрактным содержанием, при этом неодушевленные. Учитывая эти факторы, можно предположить, что "раздвоение" таких семантических групп как "Названия частей тела" (ср., с одной стороны, 'голова', 'глаз', 'борода' и т.п. и, с другой стороны, 'сердце', 'рука', 'рот' и т.п.) или "Названия предметов домашнего обихода" (с одной стороны, 'веник', 'игла', 'спица' и т.п. и, с другой стороны, 'нож', 'шило', 'гребень' и т.п.) вызвано именно подобным противопоставлением рассматриваемых классов. Кроме того, на такое распределение названных семантических групп не могли не повлиять, на наш взгляд, определенные этимологические факторы.

Вместе с тем далеко не вся исконная лексика современных лезгинских языков укладывается в вышеприведенную схему: значительный ее пласт обнаруживает колебания от языка к языку с точки зрения классной принадлежности сопоставляемых лексем. Наиболее системными оказываются расхождения с другими языками арчинского, в котором названия животных, птиц, насекомых, а также детенышей попадают, в отличие от других лезгинских языков,в четвертый класс, ср. арч. *мотол* (IV кл.) — рут. *мытыл*, буд. *тил* (III кл.) 'козленок', арч. *лъIал* (IV кл.) — рут. *гаьл*, цах. *гев*, крыз., буд. *кел* (III кл.) 'ягненок' и т.п.

Причиной подобного положения является, на наш взгляд, различная продуктивность III и IV классов в сопоставляемых языках. Так, на материале табасаранского языка можно показать, что в прошлом здесь возобладала тенденция к продуктивности III класса, которая привела к разрушению первоначальной четырехклассной системы: IV класс был поглощен третьим с одновременным слиянием с единый класс названий лиц на основе I и II классов. О подобной направленности процесса редукции системы именных классов в табасаранском языке свидетельствуют следующие факты: во-первых, нынешний показатель класса вещей *-б-* является историческим показателем третьего класса; во-вторых, здесь обнаруживаются реликты IV класса в виде особого согласования числительных с названиями отрезков времени, ср., с одной стороны, *са-д йигъ* 'один день', *са-д йис* 'один год', *са-д йиши* 'одна ночь' и, с другой стороны, *са-б гьяйван* 'одна лошадь', *са-б кIул* 'одна голова' и т.д. (см. Магометов 1965, 89—91).

Таким образом, можно предположить, что принадлежность названий мелких животных, детенышей и т.п. к IV классу,наблюдаемая в арчинском языке, — явление более древнее, в то время как в других лезгинских языках эти имена стали относиться к III классу уже в бо-

лее позднее время. Впрочем мы оставляем данный вопрос пока открытым.

При анализе других несовпадений можно заметить следующие тенденции: во-первых, включение имен с начальными губными в III класс (более последователен в этом отношении арчинский язык); во-вторых, включение названий злаковых и некоторых других видов растений в IV класс в крызском языке (реже в других языках). В связи с этим колебания класса в словах с начальными губными можно отнести за счет перехода этих слов в некоторых языках из IV класса в III класс, ср.:

*(*во*)*л̄ъIын* 'клин' IV > Р *выгын* III, К кын IV (также Л *кIун*, Т *к̄ум*, АК *к̄ун* 'щиколотка');

**вонц̄выр* 'горное пастбище' IV > Ар *моцор* III, Р *вызыр* IV 'хлев' (также Л *ц̄ур*);

**марлъв* 'дождь' IV > Ар *моль* III 'пена', РХх *маф* IV, Б *мәф* IV (также Л *марф*, Т *мархь*, АФ *марф*) и др.

Как инновацию следует, видимо, рассматривать и принадлежность к IV классу крызских лексем *хархар* 'горох' при Р *хар* III, Ц *хара* III (ср. также Л *хар*, Т *хар*, А *хур*) <**хара* III, *силсил* 'рожь' при Р *сыкIыл* III, Ц *сыкIыл*, III (ср. также Л *сил*, Т *сурсул*, АБ *с̄уьл*) <**с̄ол*(*-окI*) III, *къул* 'пшеница' при Р *гъыл* III, Ар *хъохъол* III (ср. также Л *къуьл*) < **къол* III и др.

Приведенными примерами, конечно, не ограничиваются колебания в классной принадлежности имен в современных лезгинских языках. Видимо, последующие исследования дадут ответ на вопросы, связанные с подобным явлением.

Характеризуя взаимоотношения эргативной и абсолютной конструкций предложения в лезгинских языках, нельзя не отметить в целом стабильности противопоставления глаголов по переходности~непереходности. Подавляющее большинство пралезгинских глаголов также может быть без колебания отнесено либо к переходному, либо к непереходному классу. Так, к переходным глаголам следует отнести:

**гьIеца* 'жарить (зерно)' > ТК *уцуз*, А *уцас*, Р *висас*, Ц *хьецас*, Ар *сесас*, К *гIайсаьдж*, Б *къасу*;

**йа'а* 'делать' > Л *ийиз*, Т *апIуз*, Р *ва'ас*, Ц *гьа'ас*, Ар *ас*, К *йериджс*// *йаь'аьдж*, Б *си'и*;

**йетIал* 'связывать, обвязывать' > Л *илитIиз*, Т *йитIуз*, А *итIас*, Р *сибтIас*, Ц *ӣтIалас*, Ар *ебтIмус*, К *йубтIулидж*, Б *волтIу*;

**чIалкI*(//*къ*)*в* Λ 'грызть, жевать' > Л *жакьваз*, Т *чIвуркьуз*, А *чIилкьвас*, Р *чIавыркIвас*, К *чIохъаьдж*, Б *чIахъу*;

**ьийаьн* 'месить (тесто)' > Л *тIушуниз*, Т *тIиршуз*, А *тIишас*, Ар *ш̄уIммус*, К *тIубшунидж* 'топтать', Б *гIутIоншу*;

**'ак̄ъаьр* 'брать, держать' > Л *къаз*, Т *гьадагъуз* 'извлечь', АБ *акъас*, Р *гьавкъас*, Ц *авкъас*, Ар *бак̄ъас* 'оставлять', К *йихърдж*, Б *сурхъу*, У *акъсун* и мн. др., в т.ч **'Iаьгъы* 'бросать', **'IахъIва* 'копать', **'ΛкъIΛр* 'пить', **'охIвы* 'беречь, охранять' **'охъва* 'сосать', **'от̄в*[*ы*] 'рвать', 'срывать', **'и'ваьл* 'есть, кушать', **'иш̄ваь* 'брать, покупать', **'ич̄ва* 'лизать', **'ицIа*[*н*] 'давать', **'их̄е* 'нести', **'ихар* 'ткать', **'ирл̄ъIваьр* 'зарезать (животное)'.

Класс непереходных глаголов включал, в частности, следующие лексемы:

**йицIвар* 'таять' > Л *цIураз*, Т *йерцIуз*, А *ицIвас*, Р *вицIас*, Ар *цIас*, К *йубцIуридж;*

**тIокI(//в)аьл* 'лопаться' > Т *тIуркIуз*, АБ *тIулкьанас*, Р *тIубкьвас*, Ц *гьытIойкIалас*, Б *сотIолкьол*, У *т̄ой;*

**ъахъIа* 'гаснуть' > Л *елуъхъиз*, Р *сабхъIас*, Ц *қIабахъIас*, Ар *абхIас*,

**ъаьшаь* 'плакать' > Т *ишуз*, А *гIашас*, Р *йешес*, ЦЦ *гешес*, К *вишаьдж;*

**ъичаь* 'гнить' > Р *сивчес*, Ц *хъIывчес*, Ар *шеIс*, К *саьбчаьдж*, Б *серчер* и ряд других глаголов, в том числе *'*окъва* 'идти (о дожде)', *'*ичIваь* 'входить', *'*исван* 'гаснуть', *'*иркъе(р)* 'мерзнуть', *'*илъве* 'идти', *'*илъы* 'быть', *'*илхъIар* 'смеяться', *'*ахаьр* 'спать'.

В ряде случаев можно обнаружить и лексическое противопоставление переходных и непереходных значений, ср. *'*йатаьр* 'оставить, отпустить' (> Л *таз*, Т *гьитуз*, А *атас*, Р *сабтас*, Ар *абтис*, К *йабтыридж*, У *бартесун*)~*'*ех̄ва* 'остаться' (> Р *хьигьибхвас* 'отстать', Ц *ахвас*, Ар *бех̄ас*). Более детальное исследование лексики лезгинских языков в сравнительно-историческом аспекте, несомненно, выявит целый ряд пар глаголов с подобным противопоставлением.

Вместе с тем нельзя не заметить существования в современных лезгинских языках "остаточного" класса глаголов, способных в одной и той же форме выступать как в роли переходных , так и в роли непереходных. Количество такого рода глаголов, получивших в литературе наименование лабильных, или диффузных, в современных языках невелико. В лезгинском, например, сюда можно отнести *кьин* 'умереть, убить', *хун* 'разбить(ся)', 'родить(ся)', *ч̄урун* 'печь(ся)', *к̄ун* 'гореть, жечь', *кьурун* 'сохнуть, сушить', *атIун* 'оборвать(ся)', *ругун* 'кипеть, кипятить', *къазунун* 'порвать(ся)' (Гаджиев 1954, 98—100). В арчинском языке насчитывают до 23 лабильных глаголов (см. Кибрик и др 1977а, т. 1, 75—76), в т.ч. *акIас* 'откалываться, гнать', *ахъIас* 'разбивать(ся)', *ас* 'создавать(ся)', *ах̄ас* 'пачкаться, штукатурить', *ецас* 'горько плакать, наливать', *ехас* 'проливаться, выливать', *ех̄ас* 'оставаться, причесывать', *ел̄ъас* 'лежать, класть', *герк̄ә-бос* 'свисать, качать', *гвак̄ъас* 'собирать(ся)', *гьаIрш-бос* 'кипеть, кипятить', *лIур-бос* 'натираться, тереть', *олIас* 'продавать(ся)', *ок̄ъIас* 'тонуть, глотать', *кьIас* 'делить(ся)', *ц̄ас* 'попадать, трогать', *ц̄убус* 'варить(ся)', *цахас* 'падать, кидать', *цIур-бос* 'ныть (о боли), сосать', *чарас* 'печь(ся)', 'жарить(ся)', *чваргъI-бос* 'выливать(ся)', *ук̄ас* 'гореть, жечь', *хашас* 'рвать(ся)'.

Как видно, способность выступать в переходном и непереходном значениях сохраняют рефлексы таких пралезгинских глаголов, как *'*ок̄вы* 'гореть, жечь', *'*орл̄ъар* 'варить(ся), кипеть, кипятить', *'*ич̄ар* 'жарить(ся)', *'*ихва* 'родить(ся)', *'*илъIе* 'умирать, убивать' и нек. др.

Реконструкция пралезгинского глагольного словаря позволяет предположить, что в общелезгинскую эпоху число лабильных глаголов было бóльшим. Прежде всего на это указывает наличие лексических соответствий между переходными глаголами одних языков и непереходными глаголами других:

Ц *гитиганас*, К *цIыгнидж* 'скользить'~Л *чIугвас*, Т *зигуз*, АТ *дивас*, Ар *ıIуммус* (ср. *олIмус* 'выходить наружу'), К *йигнидж*, Б *йун* 'тянуть' < ПЛ **йилIвaьн* 'тянуть(ся)';

Л *алцифиз* 'отстаиваться (о воде)'~АБ *цIуфис* 'сосать', Ц *гьыцIерахьвас* 'просеивать'< ПЛ **цIельвы;*

Ц *алйкIарас* 'крутиться'~Т *аркIуз* 'катать (тесто)', РХх *ывыркIас* 'заворачивать'< ПЛ *' *акIΛр;*

Ар *чахI-бос* 'течь', *чахIар* 'быть очень мокрым', К *аьбх'аьдж* 'пачкаться'~Л *чуьхуьз* 'мыть, стирать', Т *кчахIуз* 'мазать, тереть'< ПЛ **ӣх̄Iы,*

У *арцесун* 'сидеть, садиться'~Т *урсуз* 'сажать'< ПЛ *[*о*] č̄ Λ;

Т *утIукьуз* 'сажать'~Л *ацукьиз*, А *икьвас*, Р *сувкьвас*, Ар *окьис*, Б *акьол* 'сидеть, садиться'< ПЛ **'икьваь;*

А *алгъадаркас* 'опрокинуть', У *саксун* 'валить, ронять'~Т *алдакуз*, ЦЦ *гьигьIайкарас*, Ар *ебкас*, Б *гIашки* 'падать'< ПЛ **'еркыр* и т.п.

Подобные колебания легко объясняются, если принять в качестве исходной "лабильную" семантику вышеперечисленных глаголов с последующей лексикализацией в переходном или непереходном значении. Во всяком случае гораздо сложнее объяснить переход глагола из одного разряда в другой при уже сложившейся оппозиции по переходности~непереходности.

На исконную лабильность глагольной лексемы может указывать также и то, что имеющиеся в некоторых языках лексемные противопоставления переходных и непереходных значений являются новообразованиями: один из членов такой пары, как правило, по крайней мере в своем нынешнем значении не обнаруживает общелезгинских параллелей. В качестве примера можно привести арч. *ачас*, буд *аратIу* 'убивать' при объединении в других лезгинских языках значений 'убивать' и 'умирать' в единой лексеме (<**'ильIе*). Относительно новый характер противопоставления показывает и цахурский язык, где эти значения дифференцировались с помощью различных превербов, ср. *хьикIас* 'умирать'~*гикIас* 'убивать'.

Новообразования в сфере синтаксиса простого предложения в основном касаются согласования. С одной стороны, лезгинский, агульский и удинский языки, утратив категорию класса, следуют нормам эргативности лишь с точки зрения падежного оформления именных членов предложения (об удинском см. ниже). С другой стороны, в табасаранском и удинском языках возникло личное согласование глагола с именными членами предложения. В обоих языках становление системы личного согласования проходило путем повтора личного местоимения при глагольной форме. При этом в табасаранском языке и поныне при глаголе может выступать в качестве личного показателя практически любая падежная форма соответствующего местоимения, ср. *йиз бай гъIура-йиз* 'мой сын идет', *узугьна риш гъIура-зугьна* 'ко мне девочка идет' и т.п. (Ханмагомедов 1970, 71). Однако систематически подобное "вклинивание" личного местоимения в глагольную форму наблюдается лишь в сфере выражения главных членов предложения. Исконная система личных показателей табасаранского языка может

быть представлена в следующем виде:

	I л ед	II л ед
Абсолютный ряд	*-зу*	*-ву*
Эргативный ряд	*-за*	*-ва*
Аффективный ряд	*-зуз*	*-вуз*

В настоящее время аффиксы эргативного ряда практически выполняют функции субъектиых, оставляя за абсолютным выражение объекта переходного глагола и субъекта при незначительном количестве непереходных глаголов, обозначающих непроизвольное состояние субъекта: *сарун гъаври' гъахьун-зу* 'теперь я понял', *уву рякъди'ан гъапIуз адахьна-ву?* 'ты почему с дороги сбился?' и т.п. (Ханмагомедов 1970, 68). Подобное противопоставление аффиксов субъектного (<эргативного) и объектного (<абсолютного) рядов квалифицируется как признак активного строя (Кибрик 1979б, 23). Если же учесть переходный характер табасаранской схемы, вряд ли можно согласиться с такой интерпретацией.

В удинском языке личные показатели выполняют лишь субъектные функции. При этом противопоставлены личные суффиксы переходных и непереходных глаголов, с одной стороны, и аффективных глаголов, с другой: *бу-з(у)* 'я есмь', *бе-з(у)* 'я сделал', но *аба-за(х)* 'я знаю'. Особый ряд личных аффиксов имеет также глагол 'быть (иметь)', *бу-без(и)* 'я имею' (Джейранишвили 1971, 295—296).

Факты личного субъектного согласования, построенного на тех же принципах, отмечаются и в крызском языке: *зын карджаьн тезпаьчаь шер-зын* 'я на работу спешу', *зын марка конвертджуь къуькоду-зын* 'я марку на конверт наклеил', но *аьныр зын аьтаьджи* 'он меня побил'. В будухском такие показатели выступают в качестве префиксов при дополнении — личном местоимении: *зын зә-вәз су'ал йывәджи* 'я тебе вопрос задал'.

Второй особенностью синтаксической структуры некоторых лезгинских языков, относящейся к числу инноваций, является наличие переходных предложеиий с двойным абсолютивом: в цахурском и арчинском языках аналитическая форма переходного глагола-сказуемого допускает параллельиое употребление имени субъекта в эргативе и абсолютиве, ср. цах. *дакē зер тIалабā во-б* (эрг.)~*дак, зер тIалабā во-р* (абс.) 'отец корову ищет' (Кибрик 1980, 3); арч. *бошорму кIос арши и* (эрг.)~*бошор кIос арши в-и* (абс.) 'мужчина нож делает'. Ограниченность употребления вариантов с абсолютным падежом субъекта позволяет сделать вывод об их вторичиости. Можно полагать, что их наличие обусловлено логическим выделением различных частей предложения (Кибрик 1975).

Третьим существенным моментом, характеризующим изменение синтаксической структуры лезгинских языков, является формирование в удинском языке аккузатива (Дирр 1904, 16). Как показали специальные исследования (Панчвидзе 1940а), аккузатив в удинском языке имеет инновационный характер и восходит к одному из локативов. Дальнейшая трансформация в удинском языке системы оформления

субъектно-объектных отношений охватывает уже и способы выражения субъекта: в мирзабейлинском говоре эргатив субъекта при переходном глаголе заменяется абсолютивом (>номинативом), ср. *баба ушIе каце* 'отец дрова колет', *вичи оне цапе* 'брат сено косит' и т.п. (Гукасян 1977, 289).

Наконец, новообразованием представляется использование специального аффективного падежа для оформления имени субъекта аффективной конструкции в цахурском языке, ср. *закIле ацIан йыгьын до* 'я знаю твое имя' и др. На инновационный характер подобной модели может указывать, с одной стороны, единообразие построения аффективной конструкции в остальных языках и, с другой стороны, отсутствие этимологических коррелятов аффиксу аффектива *-кIле*. Учитывая, однако, возможность нейтрализации противопоставления датива и пространственных падежей, можно полагать, что цахурский аффектив является по происхождению локативным.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Дополнение

Среди различных видов косвенных дополнений в лезгинских языках наиболее отчетливо выражены адресатное и инструментальное. Первое, как правило, оформляется дативом, ср "Одно из самых распространенных значений дательного падежа — это указывать лицо или предмет, к которому направлено действие. В данном значении дательный падеж выражает объект, в интересах которого, в пользу или во вред которому совершается действие, и отвечает на вопросы: кому, для кого, ради кого" (Мейланова 1960, 67). Употребление датива при косвенном дополнении глагола 'давать' и подобных ему можно проиллюстрировать следующими примерами: лезг *за чукIул стхадиз гана* 'я нож брату дал', таб. *дадайи шураз жакIул багьиш гьапIну* 'мать дочери куклу подарила', агул. *кумак акье ми инсандис* 'помоги этому человеку', крыз. *гаьдаьр шийис фу вуйидж* 'мальчик брату хлеб дал', буд. *зын зәвәз су'ал йывәджи* 'я тебе вопрос задал'.

Как адресат обычно трактуется в языках лезгинской группы объект внешнего воздействия: лезг. *ада вичин тупIуз раб акьадарна* 'он свой палец уколол', агул. *ми гадайс х'айванин лак киркьуне* 'этого мальчика лошадь лягнула', рут. *гьановы зас гъIун ыхIыр* 'он меня плечом задел', крыз. *даьйир риши ижинджис кIуф вуйидж* 'мать девочку в лицо поцеловала'. Как видно из примеров, в качестве прямого дополнения в такого рода предложениях выступает инструмент.

Однотипность выражения адресатного дополнения в лезгинских языках позволяет говорить о пралезгинском характере данного явления. Вместе с тем довольно последовательно здесь прослеживаются признаки противопоставления в данной функции датива локативным падежам. Последние, употребляясь для выражения адресатного дополнения, придают ему конкретно-пространственный оттенок, ср крыз. *аьну ли китаб муцIу* 'ему эту книгу не давай', где использование формы локатива *аьну* вместо *аьныз* 'ему' придает действию оттенок конк-

ретности: "дать на конкретное время". Нейтрализация этого противопоставления в современных лезгинских языках приводит к закреплению употребления локативов в функции адресата при некоторых глаголах

Инструментальное дополнение оформляется в рассматриваемых языках различными средствами. В восточно-лезгинских языках оно, как правило, выражается одним из направительных падежей, ср. лезг. хл. *за бушкадай крушкадилди йад кьуна* 'я из бочки кружкой воду зачерпнул' и т.п. В остальных языках в этой функции используются комитативы: рут. *къумшийир кантlыкван хьыв ратlура* 'сосед ножом хлеб режет', арч. *буваму мук̄уллил̄ъу нолъl ерлъlурши и* 'мать веником док подметает', крыз. *гlайаьлджир дагьараькьван шушаь хвалаьдж* 'ребенок камнем стекло разбил', буд. *гьеджир ведреджизын вис чуладж суь' уьрджи* 'женщина ведром родник замутила'.

Поскольку приведенные формы в целом различны по происхождению, естественно предположить относительно поздний характер их употребления в данной функции. Исконным же средством оформления инструментального дополнения, видимо, служил эргативный падеж. Его функционирование наряду с комитативом в данном значении и в настоящее время наблюдается в некоторых языках, ср. арч *мук̄улли* 'веником', рут. *кантlыр* 'ножом', являющиеся равновозможными с комитативными формами *мук̄уллил̄ъу* и *кантlыкван* в приведенных выше предложениях. В более ограниченном числе конструкций факты использования эргатива для обозначения инструментального дополнения обнаруживаются и в крызском языке, ср. *чугун йитар гlацlуь* 'котел медом наполнен' при *гереки чухур некьвакьан гlацlваьридж* 'нужно ему землей наполнить (засыпать)'.

Что касается восточно-лезгинских языков, то здесь эргатив в данной функции практически не выступает, хотя, например, в некоторых говорах табасаранского языка встречаются предложения типа *гагайи йакlу кlакlвлар гьиритlуда* 'отец топором дрова рубит' (см. Магометов 1965, 132). Интересно отметить, что, по мнению У.А. Мейлановой (1960, 51) "лезгинский эргативный падеж исторически сужает свои значения, постепенно сохраняя за собой только функцию подлежащего при переходных глаголах. Подтверждением этому предположению служит не столько тот факт, что эргативный падеж в орудном и иных значениях в современном лезгинском языке встречается сравнительно редко, столько то, что для такого употребления эргативного падежа не чувствуется в языке тенденции к дальнейшему развитию".

При значительном разнообразии падежных форм, выражающих другие виды косвенных дополнений, все же можно выделить общелезгинские модели для оформления по крайней мере некоторых из них. Так, косвенное дополнение при глаголах информации 'рассказать, разговаривать, спрашивать' и т.п. выражалось исходным падежом локальной серии 'на горизонтальной поверхности' (ср. рут. *гьановы зада̄ гьайик-ла худкур* 'он меня об этом спросил'). Исходный падеж локальной серии 'на поверхности' оформлял дополнение в сравнительных конструкциях (лезг. *гадади-л-ай руша хъсан кlелзавай* 'девушка училась лучше юноши'). Глагол *бояться* требовал дополнения

в исходном падеже серии *под* (крыз. *вулбес ебил-к-ир кичIи* 'овцы волка боятся') Дополнение глагола 'смотреть' и ему подобных оформлялось направительным падежом локальной серии 'за' (рут. *едеми хынхы-х-ды гаркъара* 'мужчина на мальчика смотрит'). Из-за слабой изученности данного вопроса в синхронном плане выявление общелезгинских моделей управления при других глаголах пока не представляется возможным.

Обстоятельство

Как и в современных языках, обстоятельство места в пралезгинском выражалось с помощью локативных падежей имен, а также пространственных наречий, образованных от местоименных основ по модели "основа + показатель адъектива + пространственный падежный аффикс". Как справедливо отмечает Б.Г.-К.Ханмагомедов, "направительное значение датива в лезгинском языке, как и в табасаранском, явление позднейшее, связанное с вытеснением в языках лезгинской группы дательным падежом направительного падежа I серии" (1970, 93).

Обстоятельство причины уже в пралезгинскую эпоху выражалось исходными пространственными падежами, на что указывает их широкое употребление в данной функции и в настоящее время: арч. *кинолитиш зон мах' рун евти* 'из-за кино я опечалился', крыз. *къаьйикир гIайаьлби баьсаьрагIаьджиб* 'от холода дети дрожали', буд. *ал лаха кIул бархудасызувəлджикир гIохуджи* 'тот верхний дом от бесхозности развалился'. Видимо, и эргатив употреблялся в данном значении (ср. арч. *товмун шуштIили ез нацI котIу* 'из-за его шепота я ничего не слышал').

Основным средством оформления обстоятельства цели являлся датив, сохранивший эту функцию и в современных языках: рут. *зад йак кьIыйис сихьыр* 'я мясо на зиму заготовил', агул. *ми инсанди цIекIинис баIрш хуб рукуне* 'этот человек к свадьбе сто баранов зарезал', крыз. *колхозджир гIайаьлбес цIийаь маьктаьб къухду* 'колхоз для детей новую школу построил' и др. В этой же функции может выступать и форма инфинитива: рут. *хынимаьр дамы ус гьа'ас гьадхIыр* 'дети в лес дрова собирать (букв. 'делать') пошли'.

Наконец, на пралезгинский уровень может быть спроецировано и широкое употребление в обстоятельственной функции различных деепричастий. Естественно, наиболее типичным значением деепричастных форм является временное (ср. функции деепричастий на *-*на*, *-*ка*(*на*), *-*ла*). Помимо деепричастий средством выражения обстоятельства времени служили, во-первых, имена временной семантики типа *день, лето, весна* в различных падежных формах (в этом отношении современные языки дают довольно пеструю картину: временное значение может выражаться генитивом, дативом, эргативом и локативами, т.е. практически всеми падежами, что затрудняет восстановление исходных моделей), и, во-вторых, некоторые первообразные наречия времени типа **кьи*//**къаь* 'днем, сегодня', **моса* 'когда', **накь*(*а*) 'вчера', **шваI* [*с*] 'в прошлом году' и др.

Определение

В пралезгинским языке существовали два вида определений: именное, выраженное именем в генитиве, и адъективное, представленное широким классом адъективов (местоимений, числительных, причастий). Круг значений генитива в пралезгинском в целом, по-видимому, сохранился в современных языках лезгинской группы:

1) принадлежность: лезг. *сикIрен тIеквен* 'лисья нора', таб. *бабан шал* 'мамина шаль', агул. *къуншийин тула* 'собака соседа', арч. *дийан нольI* 'дом отца';

2) отношение "часть — целое": лезг. *тарцин пун* 'корень дерева', таб. *стулин лик* 'ножка стула', агул. *цIармарин йарӣ* 'ось арбы', арч. *хашнан халацIи* 'рукав рубахи';

3) отношение "предмет — материал": лезг. *цурун квар* 'медный кувшин', таб. *гъвандин хулар* 'каменный дом', агул. *кIуранин къас* 'деревянная кровать', арч. *лацутен багъижа* 'железное кольцо';

4) отношение "группа — состав": лезг. *инсанрин кIапIал* 'толпа людей', таб. *нагълярин гъварч* 'сборник сказок', арч. *ноцIорчен хан* 'стая птиц';

5) пространственное отношение: лезг. *суван цуьквер* 'горные цветы', таб. *гъулан духтир* 'сельский врач', арч. *хваклин хˈелеку* 'песная курочка';

6) временное отношение: лезг. *йифен ахвар* 'ночной сон';

7) определительные отношения: лезг. *ичин тар* 'яблоня', арч. *лацутен уста* 'кузнец'.

Аналогичными значениями обладают генитивы других языков, не восходящие непосредственно к пралезгинскому *-н, ср. крыз. *ший тIаьтIаьх* 'папаха брата', *бегъраьмджи халхадж* 'рукав рубахи', *кIынадж къов* 'деревянный мост', *дагъарбе тупа* 'куча камней'.

Пожалуй, наиболее существенный сдвиг в значении генитива в современных языках — появление у него субъектно-объектных значений. В целом лезгинские языки сохраняют падежное управление глаголов в отглагольных именах, ср. таб. *бай ишуб* 'плач ребенка', *инсан ктIерцуб* 'болезнь человека'. Однако в некоторых случаях возможно и употребление генитивного определения при отглагольных именах. В арчинском, например, такое определение характеризует имена, образованные от прилагательных (стативных глаголов): *еймин бухIакул* 'доброта матери', *гьалмахмун бахˈарчикул* 'храбрость друга' и т.п. Менее последовательно употребление генитивного определения при именах, образованных от активных глаголов (переходных и непереходных). Во всяком случае здесь довольно частым оказывается параллельное употребление генитива и абсолютива, ср. цах. *карбы||карбышын гьодгъулы* 'стирка белья', *йыв/йывын къацIабкIуни* 'рубка дерева', *китаб||китабын къаткъIи* 'чтение книги'.

К факторам, регламентирующим употребление генитива и абсолютива в подобных конструкциях, можно отнести, например, семантику имени. Так, при генитивном оформлении одушевленных имен (ср. *балканджи гIаьбхырыдж* 'ходьба лошади', *гIайаьлджи ишаьдж* 'плач ребенка', *шидры хъуридж* 'смех сестры') в крызском языке неодушевленные имена сохраняют форму абсолютива: *вирагъ къаьбчIидж* 'восход солнца', *витIил гIаькьлидж* 'падение капли', *йемхидж къидфыдж* 'наступление осени' и др. При этом, по-видимому, не допускается упот-

ребление генитива субъекта при именах, образованных от переходных глаголов. Не допускается и употребление генитива объекта при неопущенном имени субъекта: цах. *иче карбы гьодгъулы* 'стирка белья девушкой', но не *иче карбышын гьодгъулы*.

К адъективным определениям, как мы говорили, относятся определения, выраженные местоимениями, числительными и причастиями В настоящее время с уверенностью можно сказать пока, что определения-числительные согласовывались с определяемым с помощью суффиксального классного показателя сильной серии, а определяемое при этом имело форму ед. числа, поскольку подобная ситуация сохранилась и в современных лезгинских языках. Что же касается других видов адъективных определений, то показания различных языков с точки зрения классного согласования адъективов весьма противоречивы. Единственное утверждение, не вызывающее сомнения, касается согласования посредством префиксального (инфиксального) классного экспонента причастия со своим объектом, который может совпадать или не совпадать с определяемым.

Отличительной чертой общелезгинской модели определительных словосочетаний с зависимым числительным является употребление стержневого слова в форме единственного числа, что отражается и в согласовании с данным словосочетанием глагола (ср крыз. *самалугъджи далыджаьр фы-р адми къа-р-фыд* 'из-за сарая пять человек вышли').

Распространенная в лезгинских языках модель количественных сочетаний с неисчисляемыми существительными ("числительное + нумератив + неисчисляемое имя") типа крыз. *саьб истаькан хьаьд* 'один стакан воды', видимо, является заимствованной, ср. азерб. *бир финҹан су* 'одна чашка воды'. Исконной же могла быть конструкция с неисчисляемым именем в генитиве (арч. *л̄ъенен истакан* 'стакан воды' и т.п.).

СЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Под сложными конструкциями здесь понимаются предложения, имеющие дополнительное модальное значение, выражаемое вспомогательным глаголом. Данные современных языков позволяют говорить по крайней мере о двух таких конструкциях, имеющих общелезгинский характер. Так, при помощи вспомогательного глагола *быть* выражается значение возможности: лезг. *адавай и кар ийиз хьана* 'он это дело сделать смог', таб. *жара саягъниинди ухьхьан ихъ фикрар ачухъ апIуз шулдар* 'другим способом мы свои мысли выразить не можем'; агул. *завас хьед уха байада* 'я воду пить не могу'; рут. *гадийеда халы хъикьас гьыкыс* 'мальчик домой прийти может' (Кибрик 1980, 27); буд. *гьанувор футбол суьʼуьр йухьори* 'кто в футбол играть может?'.

Структура подобных предложений достаточно однотипна: Имя субъекта в исходном падеже (по-видимому, серии *-л̄ъв- 'у, около') + Целевая форма смыслового глагола (в случае его переходности с препозитивным именем объекта) + Глагол 'быть'. Видоизменения в различных языках могут касаться оформления как имени субъекта (в рутульском и арчинском), так и смыслового глагола (в будухском).

Тем не менее следует подчеркнуть значительную устойчивость данной модели при том, что в лезгинских языках имеются и другие способы выражения сходных значений — полнозначные глаголы *знать* и *уметь*

Надо полагать, конструкции предложения, выражающие в восточнолезгинских языках непроизвольность действия (ср лезг. *рушавай къаб хана* 'у девушки тарелка разбилась/девушка нечаянно тарелку разбила'), восходят к охарактеризованной модели.

Значение долженствования передается вспомогательными глаголами *любить, хотеть*, ср. таб. *дугъу мес'ела гьІал дапІну кунду* 'он задачу решить должен', рут. *улик накьв сыв'ыр гьыгар* 'сначала землю привезти надо' и др В отличие от предложений со значением возможности здесь модель управления смыслового глагола сохраняется. Последний при этом получает форму деепричастия терминатива (в цахурском — целевую форму). В последнее время эта конструкция вытесняется заимствованиями: *герек, лазим, маджбур* 'надо, нужно, должен'

Условно к сложным конструкциям можно отнести и каузативные предложения, строящиеся в большинстве случаев с помощью глагола *делать*: рут *зад цІай ликІы гьы'ыр* 'я огонь разжег', арч. *чІиши-ли ло елІас ав* 'шум мальчика разбудил'. При сохранении абсолютного падежа субъекта (или объекта в случае переходного глагола) исходного предложения, эргативный падеж субъекта смыслового глагола трансформируется в один из локативных падежей· лезг *чІугваз тамир на зав и агь* 'не заставляй меня рыдать'. Трудно сказать, какова в каузативных предложениях исконная форма смыслового глагола — инфинитив (арч.) или основа терминатива (рут.).

Выделение собственно сложного предложения в современных лезгинских языках представляет довольно тяжелую задачу. Видимо, об этой синтаксической категории можно говорить лишь в случае употребления специальных сочинительных и подчинительных союзов, являющихся либо заимствованиями, либо очевидными новообразованиями Общелезгинским же способом построения "сложных" предложений оказывается использование различных деепричастных, причастных и масдарных конструкций

Что касается сочинительных связей (однородности), то они выражались посредством союзных частиц **на* и **ра*, употреблявшихся при этом только для соединения именных групп. Аналогом сочинения глагольных сочетаний являлись опять же деепричастные обороты, ср. рут *сийеныбиши магьІнибыр гьа'ар дулхьерай* 'все песни пели и плясали' (букв. 'песни делая, плясали').

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей монографии предпринята попытка воссоздать облик пралезгинского языка-основы на двух его структурных уровнях морфологическом и синтаксическом. Вместе с тем подобная процедура не может быть независимой от фонологической и лексической реконструкции. Комплексный подход к реконструкции праязыковых явлений представляется, на наш взгляд, одним из наиболее необходимых условий адекватного толкования истории отдельных компонентов грамматического строя пралезгинского языка Справедливость подобного утверждения подтверждается не только хорошо известным тезисом о системном характере звуковых изменений, но и довольно рельефно проявляется при сопоставлении показаний различных уровней.

По-видимому, наибольшая зависимость в этом отношении обнаруживается между фонетикой и морфологией, хотя можно привести примеры взаимодействия морфологии и синтаксиса (ср., например, зависимость реконструкции синтаксической модели от реконструкции морфологических элементов, обслуживающих эту модель), синтаксиса и лексики (ср. обусловленность конструкций простого предложения лексическим качеством глагола-сказуемого) и т.п. Эта зависимость проявляется прежде всего в том, что сравниваемые грамматические показатели должны укладываться в рамки уже установленных формул звукосоответствий. Так, сопоставление арч. -*хъI* 'в заполненном пространстве' с лезг., таб., агул. -*хъ* 'за, позади' и др. противоречит данным исторической фонетики, поскольку ожидалось бы ПЛ *-*хъ*>арч. -*х* (Бокарев 1961), и должно быть отклонено. Более правомерным следует признать привлечение к сопоставлению таб , агул -*гъI* 'между, среди' (Кахадзе 1973) и реконструкцию ПЛ *-*къI*. Непосредственным подтверждением подобной зависимости может служить и решение вопроса о морфологической структуре пралезгинского имени, когда во внимание принимается не только тот факт, что анлаутные *н*-, *р*-, *л*-, *м*-, *й*-, традиционно причисляемые к окаменелым классным формантам, не показывают соотнесенности с категорией класса, но и возможность установления регулярных фонетических соответствий между этимн элементами и реконструкции начальных корневых согласных **в*, **р*, **й*, **л*, **н* и др Нельзя не заметить также, что понимание морфологической роли аблаута как в имени, так и в глаголе, целиком опирается

на соответствующую реконструкцию именного и глагольного вокализма

Конечно, нельзя не признать за морфологическим уровнем и известного права на автономию. С одной стороны, в аффиксальном материале могут происходить изменения, выходящие за рамки регулярных звукосоответствий (ср., например, арчинский показатель отрицания *-mI-*, который трудно отделить от тождественных аффиксов других лезгинских языков, восходящих к ПЛ **-m̄-*), что бывает обусловлено, как правило, расширением по аналогии функций одного из фонетических вариантов той или иной морфемы. С другой стороны, даже безупречное с фонетической точки зрения сопоставление не гарантирует успеха без должной интерпретации функциональных изменений (ср. отождествление показателей эргатива *-р* и косвенной основы **-ра-* и др.).

Вторым аспектом целостного подхода является учет данных всех членов рассматриваемой языковой группы. Такое обстоятельство оказывается особенно важным при соблазнительной с первого взгляда возможности этимологизировать грамматические показатели уже на материале одного языка. Допустим, можно считать, что рутульские диалектные формы *лашус* 'брать' и *лайшис* 'прыгать' являются однокоренными и этимологизировать их следующим образом: 'брать' <* 'поднять'; 'прыгать' <* 'многократно//повторно подниматься' (Ибрагимов 1978, 185). В то же время достаточно обратиться к материалу других рутульских диалектов, чтобы понять произвольность подобной трактовки: ср. мух. *лешус* 'брать' и *лейчаьс* 'лететь, прыгать' (Ибрагимов 1978, 119). О том, что обе лексемы генетически не связаны друг с другом, говорят и сопоставления их с данными других лезгинских языков: для 'брать' можно привлечь агул. *гъушас*, цах. *илешес*, арч. *ӣубус*, для 'прыгать' — лексему буд. *сехчи*

В использовании диалектного материала лезгинских языков в полном объеме у автора, естественно, имелись определенные ограничения, вызванные недостаточностью литературных источников (во многих случаях приходилось опираться на собственные материалы, собранные в полевых условиях). В силу этого из поля зрения настоящего исследования не могли не выпасть некоторые морфологические и другие особенности отдельных языков лезгинской группы. Дальнейший прогресс в синхронном изучении лезгинских языков, надо полагать, приведет к ликвидации "белых пятен" и в их истории

Тем не менее, хотелось бы подчеркнуть, что для достоверного восстановления общелезгинского состояния во многих случаях достаточно опереться на данные не всех, а лишь некоторых "опорных" языков. Это тем более верно в таких ситуациях, когда остальные языки утратили реконструируемое явление. Трудно, например, рассчитывать на получение дополнительной информации о пралезгинской категории класса на основе лезгинских или агульских данных.

В качестве еще одного возможного недостатка данной моно-

графии можно считать отказ от использования метода внешней реконструкции: общедагестанские параллели в работе носят вспомогательный характер и не являются опорой для реконструкции Такое решение было обусловлено, во-первых, тем, что последовательное использование внешних данных требует соответствующей изученности остальных групп дагестанских языков и, во-вторых, упор на общедагестанские параллели неизбежно ведет к "превращению" исторической грамматики лезгинских языков в историческую грамматику дагестанских. Наконец, в ряде случаев чрезмерное увлечение сопоставлениями общедагестанского характера может привести к смешению двух уровней реконструкции: пралезгинского и прадагестанского (ср., например, неоднозначную рефлексацию пралезгинских *ц, *х и др. в аваро-андо-цезских языках и т.п.).

Последовательное применение охарактеризованных принципов позволяет прийти к ряду выводов о структуре пралезгинского языка-основы, которые представляют ее в ином свете, нежели это делалось в предшествующей литературе. Так, вопреки весьма распространенному мнению о первичности для лезгинских языков показателя косвенной основы (в терминологии ряда авторов "эргатива") *-ди*, в настоящей работе обосновывается утверждение о множественности общелезгинских формантов косвенной основы, к числу которых можно отнести **-ра-*, **-ли-*, **-ни-*, **-йе-*, **-т̄и-* По-иному представлена здесь и структура пралезгинского именного корня, в состав которого включены анлаутные согласные, рассматривавшиеся в целом ряде исследований в качестве окаменелых классных экспонентов. Наличие подобных элементов допускается лишь для небольшого количества имен. Как показывает анализ глагольной морфологии лезгинских языков, пралезгинскому глаголу были присущи категории вида и класса. В систему средств выражения первой входили противопоставление Ø~*-з-*, аблаут и редупликация. Вторая характеризуется наличием двух наборов классных показателей — сильной и слабой серии.

Наряду с этим в настоящей работе, во многих отношениях обобщающей опыт исследования истории морфологической системы лезгинских языков целым рядом отечественных дагестановедов, не могли не найти отражения достижения современного лезгиноведения, касающиеся реконструкции падежной системы, местоимений, глагольных префиксов и др.

Хотя настоящая работа имеет сугубо сравнительно-генетическую направленность, думается, что некоторые ее результаты могут быть полезными и для других областей языкознания, основывающихся на сравнении различных языков. В настоящее время вряд ли кто-либо возьмется оспаривать распространенный в языкознании тезис о важности данных типологии для сравнительно-исторического языкознания Вместе с тем должно быть очевидно, что полученные в результате сравнительно-исторических исследований факты в свою очередь необходимы для успешных типологических построений. Осознание подобное зависимости становится все более актуальным

в связи с переходом типологии от сугубо формальных классификаций к обращению к наиболее глубинным принципам организации языковой структуры. Такой подход к целям и задачам типологии, развиваемый в рамках контенсивной типологии, открывает широкие перспективы для выявления внутренних стимулов изменения языка, его типологического строя. Обоснование исторической иерархии языковых типов (от активного строя к эргативному и номинативному), опирающееся главным образом на логическую выводимость одного языкового типа из другого, не может обойтись и без фактов конкретных структурных языковых изменений, наблюдаемых в различных лингвистических ареалах. В силу этого эмпирические свидетельства об истории языков различных семей, способные подтвердить или опровергнуть вышеназванный принцип типологической иерархии, приобретают особенно важное значение

Учитывая временную глубину предпринятой в настоящей монографии реконструкции общелезгинского языка-основы, нельзя не надеяться на то, что в таком исследовании удастся уловить отдельные структурные изменения, затрагивающие существенные признаки языкового типа. Естественно, в этом отношении наиболее очевидными являются новообразования отдельных лезгинских языков, отчетливо выделяющиеся на фоне общелезгинских языковых черт, представляющих собой целостную эргативную систему. При этом показателен факт, что такого рода новообразования сближают лезгинские языки с представителями номинативного строя.

Так, об определенном сдвиге в сторону номинативности свидетельствует функционирование в цахурском и арчинском языках конструкции переходного предложения с двойным абсолютивом, снимающей противопоставление эргатива и абсолютива. В этом же ряду находит место развитие личного согласования в табасаранском и удинском языках; а также зачатки его в крызском: здесь противопоставляются уже не эргативный и абсолютный ряды личных показателей, а субъектиый и объектный. Существенным отклонением от норм эргативности представляется и сужение сферы функционирования эргативного падежа, закрепление за ним лишь функции выражения субъекта переходного глагола, говорящее о возрастании в лезгинских языках роли субъектно-объектной дихотомии, характерной для номинативной структуры. Об этом же свидетельствует и приобретение субъектного и объектного значений генитивом в отдельных языках лезгинской группы. Относительно поздний характер имеет также становление удинского аккузатива, представляющее один из самых существенных шагов в процессе номинативизации удинского языка.

Перечисленные особенности современных лезгинских языков позволяют охарактеризовать их состояние в целом как позднеэргативное. Этот вывод может быть подкреплен тем обстоятельством, что профилирующие черты реконструированного пралезгинского языка-основы достаточно однозначно определяют его эргативный

тип В частности, здесь хорошо прослеживается исконное противопоставление эргативной и абсолютной конструкций предложения, сохранившееся в большей или меньшей степени во всех современных языках. Довольно показательными в этом отношении являются функции реконструируемых в глаголе классно-числовых показателей, отражающих имя в абсолютиве независимо от его субъектной или объектной роли. Небезынтересным оказывается и факт субъектно-объектной диффузности пралезгинского эргатива, оформляющего помимо субъекта переходного глагола и инструментальное дополнение.

Чем глубже мы проникаем в историю лезгинских языков, тем многочисленнее становятся указания на былую соотнесенность их структуры с активным строем (в связи с этим не исключена, например, возможность реконструкции активного строя на общедагестанском уровне). Естественно, наиболее релевантны в этом отношении следы соответствующих принципов структурной организации глагольной лексики, обусловливающие целый ряд импликаций на других языковых уровнях. Следует отметить, что при имеющейся в различных языках тенденции к структурному обособлению переходных и непереходных глаголов, выражающейся, с одной стороны, в появлении оппозиции по признаку переходности ~ непереходности разнокорневых лексем (например, арч. *кlис* 'умирать' ~ *ачас* 'убивать', буд. *саркъар* 'умирать' ~ *аротIу* 'убивать'), с другой — в развитии специальных морфологических средств выражения подобной оппозиции (буд. *алсал* 'возвращаться' ~ *алси* 'возвращать'), исконная картина характеризовалась несколько большим удельным весом так называемых лабильных глаголов, нейтральных по отношению к данному противопоставлению.

Относительно поздний характер категории прилагательного в лезгинских языках и возможность интерпретации этого лексико-грамматического класса в качестве исторически стативных глаголов позволяет не только усомниться в исконности оппозиции глагольных лексем по признаку переходности ~ непереходности, но и говорить о том, что последняя сменила предшествующую ей оппозицию глаголов по признаку активности ~ инактивности.

Этот вывод отчасти подтверждается и достаточной устойчивостью (хотя и непродуктивностью) класса аффективных глаголов, находящего свою мотивацию именно в рамках названной оппозиции.

Признак активности ~ инактивности оказывается ведущим и в сфере именной лексики: ср. противопоставление, во-первых, личных (resp. активных) и неличных (resp. инактивных) классов, во-вторых, третьего (активного) и четвертого (инактивного) классов среди неличных. В последнем случае противопоставление по активности ~ инактивности нетрудно продемонстрировать указанием типичных лексем, входящих в соответствующие классы: к третьему классу здесь принадлежат названия животных, растений, небесных тел, к четвертому — абстрактные понятия, большинство артефактов, названия веществ.

Уже перечисление названных типологических характеристик, составляющих структурную доминанту активной типологии, дает одно-

значный ответ на вопрос об исходном типологическом статусе исследуемых языков. Тем более мы вправе ожидать наличия в них и сопутствующих характеристик, фреквенталий активного строя. К числу последних можно отнести, например, случаи противопоставления сингулярных и плюральных глагольных лексем типа **ильIе* (ед.) ~ **илхве* (мн.) 'умирать', 'убивать'; одушевленных и неодушевленных лексем типа **кьIа̄сы* (од.) ~ **йиc̄* (неод.) 'старый (быть старым)'. Хотя подобные примеры немногочисленны, их существование в свете вышеперечисленных профилирующих черт активного строя оказывается весьма показательным. Это же можно сказать и об исконном для лезгинских языков противопоставлении инклюзивной и эксклюзивной форм среди личных местоимений, о первичности аспектуальности по сравнению с темпоральностью в глагольном словоизменении и др.

Важно заметить, что структурные черты, сближающие лезгинские языки, на первый взгляд, с представителями активного строя, не всегда могут быть отнесены к реликтовым характеристикам этого языкового типа. В частности, хотя схема личного согласования в табасаранском языке и имеет ряд точек соприкосновения с согласовательным механизмом активных языков, генезис ее увязывается с другими факторами: переходом от эргативной схемы к номинативной. Очевидной инновацией является также противопоставление отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в будухском языке. Думается, что исследование истории подобных явлений позволит прийти к более точным типологическим характеристикам.

Создание сравнительно-исторической грамматики лезгинских и впоследствии дагестанских языков не может, на наш взгляд, не отразиться и на состоянии ареальных исследований языков Восточного Кавказа. Нетрудно заметить, что до последнего времени дагестанское языкознание было ориентировано на изучение относительно поздних языковых контактов. Подобное ограничение предмета исследования обусловливается объективными причинами: утверждение о более древних процессах ареального характера сдерживаются отсутствием сколько-нибудь полных этимологических словарей, содержащих свод исконной лексики изучаемых языков. Генетическое отождествление исконной лексики, равно как и установление звуковых соответствий, является непременным условием решения таких проблем ареальной лингвистики как определение ареалов распространения архаизмов и инноваций, установления степени интенсивности внутригрупповых языковых контактов и др. Необходимо подчеркнуть, что именно неразработанностью данных проблем обусловливалась неоднозначность генетической классификации языков лезгинской группы. Учет влияния, с одной стороны, лезгинского, крызского и будухского языков на хиналугский и, с другой — аварского и лакского на арчинский позволяет прийти к следующему выводу: черты, сближающие хиналугский язык с лезгинскими имеют ареальный характер, в то время как в арчинском они имеют генетическую природу при позднейшем характере аварских и лакских заимствований.

Большое значение имеет также ареальная интерпретация лезгинско-крызских, лезгинско-рутульских, будухско-рутульских и табасаранско-

агульско-арчинских изоглосс, которая, естественно, может привести к существенному уточнению общепринятой классификации лезгинских языков. С иной точки зрения можно подойти и к некоторым вопросам контактирования дагестанских языков с языками других семей. Если до настоящего времени в их исследовании упор делался на процесс заимствования иноязычной лексики в дагестанские языки, то с обоснованием исконного характера некоторых лексем получает подтверждение тезис о двустороннем характере ареальных связей дагестанских языков (отсюда вытекает возможность выявления дагестанских заимствований в тюркских, армянском и других языках Кавказа).

ЛИТЕРАТУРА

Абдулжамалов Н.А. Фийский диалект лезгинского языка: (Особенности консонантизма. Система глагола). Махачкала, 1965.

Абдулжамалов Н.А. Имя существительное в фийском диалекте. — В кн.: Сборник научных сообщений: Филология. Махачкала, 1967.

Абдуллаев И.Х. Некоторые итоги изучения дагестанской топонимики. — В кн.: Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.

Абдуллаев И.Х. Словообразование табасаранских названий аулов. — В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976а.

Абдуллаев И.Х. Об исследованиях по дагестанской ономастике. В кн.: Языки Дагестана, Махачкала, 1976б, вып. III.

Абрамян А.Г. Дешифровка надписей кавказских албанцев. Ереван, 1964.

Абуладзе И.В. К открытию алфавита кавказских албанцев. — Изв. ИЯИМК, Тбилиси, 1938, т. IV(I).

Алексеев М.Е. Функции эргативного падежа в арчинском языке. — В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

Алексеев М.Е. Палатализация согласных в рутульском языке. — В кн.: Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала, 1981.

Алипулатов М.А. К вопросу о строении имен числительных в языках лезгинской группы. — В кн.: Сборник работ аспирантов кафедр гуманитарных наук. Махачкала, 1964.

Алипулатов М.А. Имя числительное в языках лезгинской группы: Автореф. канд. дис. Махачкала, 1965.

Алипулатов М.А. Категория грамматического класса в языках лезгинской группы. — Ежегодник. Тбилиси, 1974, т. I.

Асланов А.М. Из истории изучения цахурского языка. — Учен. зап. Азерб. ун-та. Сер. яз. и лит., Баку, 1964, N 5.

Асланов А.М. Термины овцеводства у цахур. — Ежегодник. Тбилиси, 1975, т. II.

Асланов А.М. Функция азербайджанских послелогов в закатальских диалектах аварского и цахурского языков. — В кн.: Восьмая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков: (Тез. докл.). Черкесск, 1979.

Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. — В кн.: Язык и мышление. М., — Л., 1948, т. XI.

Бокарев Е.А. Эргативный падеж в языках цезской группы. — В кн.: Языки Дагестана. Махачкала, 1954, вып. 2.

Бокарев Е.А. Смычно-гортанные аффрикаты прадагестанского языка. — ВЯ, 1958, N 4.

Бокарев Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.

Бокарев Е.А. К реконструкции падежной системы пралезгинского языка. — В кн.: Вопросы грамматики. М., — Л., 1960а.

Бокарев Е.А. Основные вопросы исторической фонетики дагестанских языков. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Докл. делегации СССР. М., 1960б.

Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Бокарев Е.А. Опыт реконструкции вокализма общелезгинского языка. — В кн.: Тезисы докладов на научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа. Махачкала, 1965.

Бокарев Е.А. Лезгинские языки: Введение. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967, т. IV. Иберийско-кавказские языки.

Бокарев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М., 1981.

Bouda K. [Боуда К.] Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. III. Das Tabassaranische. Leipzig, 1939.

Бурчуладзе Г.Т. Об одном лакско-даргинском послеложном форманте. — В кн

Восьмая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков: Система превербов и послелогов. (Тез. докл.). Черкесск, 1979.

Виноградова О.И. Древние лексические заимствования в дагестанских языках: Автореф. канд. дис. М., 1982.

Виноградова О.И., Климов Г.А. Об арменизмах в дагестанских языках. — В кн.: Этимология, 1977. М., 1979.

Гаджиев М.М. Русско-лезгинский словарь. Махачкала, 1950.

Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка. I. Простое предложение. Махачкала, 1954.

Гаджиев М.М. О некоторых особенностях аныхского говора лезгинского языка. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1957, т. 2.

Гаджиев М.М. Следы грамматических классов в лезгинском языке. — Учен. зап. ИИЯЛ, 1958, т. 5.

Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка. II. Сложное предложение. Махачкала, 1963.

Гаджиева Э. Общедагестанский лексический фонд в рутульском языке. — В кн.: Проблемы лингвистического анализа. М., 1968.

Гайдаров Р.И. К вопросу о т.н. "геминатах" в лезгинском языке. — Учен. зап. ДГУ, Махачкала, 1957а, вып. 1.

Гайдаров Р.И. Об одном фонетическом явлении в лезгинском языке. — Учен. зап. ДГУ, Махачкала, 1957б, вып. 1.

Гайдаров Р.И. Лезгинский язык: Фонетика, графика и орфография. Махачкала, 1959. На лезг. яз.

Гайдаров Р.И. Ахтынский диалект лезгинского языка. Махачкала, 1961.

Гайдаров Р.И. О названиях лезгинских аулов: (К вопросу о топонимике лезгин). — Учен. зап. ДГУ, Махачкала, 1963, т. XIII.

Гайдаров Р.И. Лезгинская диалектология. Махачкала, 1966а. На лезг. яз.

Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1966б.

Гайдаров Р.И. О некоторых общих моментах в словообразовании дагестанских языков. — В кн.: Материалы первой научной сессии по сравнительно-историческому изучению языков Северного Кавказа. Махачкала, 1969.

Ганиева Ф.А. Некоторые особенности падежной системы джабинского диалекта лезгинского языка. — В кн.: Сборник статей по вопросам дагестанских и вейнахских языков. Махачкала, 1972а.

Ганиева Ф.А. Основные фонетические особенности джабинского диалекта лезгинского языка. — В кн.: Сборник статей по вопросам дагестанских и вейнахских языков. Махачкала, 1972б.

Ганиева Ф.А. Джабинский диалект лезгинского языка: Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1980.

Генко А.Н. Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие. — Изв. АН СССР. Отд-ние гуманитар. наук. Сер. VIII, 1929, N 4.

Генко А.Н. Цахурский (цахский) алфавит. Баку, 1934.

Гигинейшвили Б.К. О категории аспекта в удинском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1934, т. XI.

Гигинейшвили Б.К. Сравнительная реконструкция и вопрос о вариабельности в языке-основе. — ВЯ, N 4, 1972.

Гигинейшвили Б.К. Падежная система общедагестанского языка в свете общей теории эргативности. — ВЯ, 1976, N 1.

Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.

Гукасян В.Л. Фонетические и морфологические особенности ниджского диалекта удинского языка: Автореф. канд. дис. Баку, 1966.

Гукасян—Ворошил Г. К дешифровке албанских надписей Азербайджана. — В кн.: Этимология, 1966. М., 1968.

Гукасян—Ворошил Г. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.

Гукасян—Ворошил Г. О некоторых культовых терминах в удинском языке. — Ежегодник. Тбилиси, 1975, т. 2.

Гукасян—Ворошил Г. Об одном случае замены эргативного падежа при переходном глаголе именительным падежом в ниджском диалекте удинского языка. — В кн.: Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977.

Гулыга О.А. Инклюзив и эксклюзив в дагестанских языках: Автореф. канд. дис. М., 1979.

Гюльмагомедов А.Г. Куткашенские говоры лезгинского языка: Автореф. канд. дис. Махачкала, 1966.

Гюльмагомедов А.Г. Основные особенности лазинского говора лезгинского языка. — В кн.: Сборник научных сообщений. Филология. Махачкала, 1967.

Гюльмагомедов А.Г. Об основных особенностях дуружинского говора лезгинского языка. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1968, т. XVIII. Сер. филол.

Гюльмагомедов А.Г. О некоторых общих моментах изменения лабиализованных согласных в лезгинском и других дагестанских языках. — Ежегодник. Тбилиси, 1974, т. I.

Гюльмагомедов А.Г. Фразеологический словарь лезгинского языка. Махачкала, 1975. На лезг. яз.

Гюльмагомедов А.Г. Основы фразеологии лезгинского языка. Махачкала, 1978.

Дешериев Ю.Д. Специфика проявления абстрагирующей роли грамматики в системе грамматических классов. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1955, вып. VII.

Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналугского языка. М., 1959.

Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения горских кавказских народов. Грозный, 1963.

Дешериев Ю.Д. Будухский язык. — В кн.: Языки народов СССР, М., 1967, т. IV. Иберийско-кавказские языки.

Дешериев Ю.Д. Хиналугский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967а, т. V.

Дешериева Т.И. Исследование видо-временной системы в нахских языках (с привлечением материала иносистемных языков). М., 1979.

Джейранишвили Е.Ф. Случаи pluralia tantum в удинском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1948, т. II.

Джейранишвили Е.Ф. Грамматические классы в цахурском и рутульском языках — ИКЯ, Тбилиси, 1953, т. V.

Джейранишвили Е.Ф. Вопросительные местоимения в языках лезгинской (кюринской) группы. — ИКЯ, Тбилиси, 1955, т. VII.

Джейранишвили Е.Ф. Окаменелые элементы грамматических классов в глагольных основах и отглагольных именах удинского языка. — ИКЯ, Тбилиси, 1956, т. VIII.

Джейранишвили Е.Ф. Общие основы имен в цахурско-рутульском, удинском и других иберийско-кавказских языках. — ИКЯ, Тбилиси, 1958, т. IX—X.

Джейранишвили Е.Ф. Фарингализованные гласные в цахурско-рутульском и удинском языках. — ИКЯ, Тбилиси, 1959, т. XI.

Джейранишвили Е.Ф. Склонение в цахурском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1960, т. XII.

Джейранишвили Е.Ф. О первоначальном значении географического названия kurmux — ИКЯ, Тбилиси, 1962, т. XIII.

Джейранишвили Е.Ф. Ударение и связанные с ним некоторые фонетическо-морфологические процессы в цахурском и рутульском языках. — ИКЯ, Тбилиси, 1964, т. XIV.

Джейранишвили Е.Ф. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков: Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1966а.

Джейранишвили Е.Ф. Лабиализованные согласные и их изменения в цахско-мухадском (рутульском) и других языках лезгинской группы. — ИКЯ, Тбилиси, 1966б, т. XV.

Джейранишвили Е.Ф. Рутульский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967, т. IV. Иберийско-кавказские языки.

Джейранишвили Е.Ф. Удийский язык. Тбилиси, 1971. На груз. яз.

Джейранишвили Е.Ф. Динамика развития некоторых согласных в удийском, цахском и мухадском (рутульском) языках. — Ежегодник, Тбилиси, 1974, т. I.

Дирр А.М. Грамматика удинского языка. — СМОМПК, Тифлис, 1904, вып. 33.

Дирр А.М. Грамматический очерк табасаранского языка. — СМОМПК, Тифлис, 1905, вып. 35.

Дирр А.М. О классах (родах) в кавказских языках. — СМОМПК, Тифлис, 1907а, вып. 37.

Дирр А.М. Агульский язык. — СМОМПК, Тифлис, 1907б, вып. 37.

Дирр А.М. Арчинский язык. — СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. 39.

Дирр А.М. Рутульский язык. — СМОМПК, Тифлис, 1911, вып. 42.

Дирр А.М. Цахурский язык. — СМОМПК, Тифлис, 1913, вып. 43.

Жирков Л.И. Законы лезгинского ударения. — В кн.: Язык и мышление. М., — Л., 1940, т. X.

Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941.

Жирков Л.И. Табасаранский язык. М., Л., 1948.

Жирков Л.И. Система классного согласования в даргинском языке. — В кн.: Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961.

Загиров В.М. Некоторые вопросы лексики табасаранского языка. Махачкала, 1977.

Загиров В.М. Лексика табасаранского языка: Автореф. канд. дис. Махачкала, 1978.

Загиров В.М. Лексика табасаранского языка. Махачкала, 1981.

Ибрагимов Г.Х. Фонетика цахурского языка. Махачкала, 1968.

Ибрагимов Г.Х. Вокализм рутульского языка. — В кн.: Сборник статей по вопросам дагестанских и вейнахских языков. Махачкала, 1972а.

Ибрагимов Г.Х. Названия цахурских и рутульских аулов. — В кн.: Сборник статей по вопросам дагестанских и вейнахских языков. Махачкала, 1972б.

Ибрагимов Г.Х. О многоформантности множественного числа имен существительных в восточнокавказских языках. — ВЯ, 1974а, N 3.

Ибрагимов Г.Х. Фарингализованные звуки в цахурском и рутульском языках. — Ежегодник. Тбилиси, 1974б, т. I.

Ибрагимов Г.Х. К этимологии гидронима Самур. — В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976а.

Ибрагимов Г.Х. Изучение фонетики дагестанских языков. — В кн.: Языки Дагестана. Махачкала, 1976б, вып. 3.

Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. М., 1978.

Ибрагимов Г.Х. Склонение имен существительных в рутульском языке. — В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

Ибрагимов Г.Х. Корень глагола в рутульском, цахурском, крызском и будухском языках. — В кн.: Материалы шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1980.

Ибрагимов Г.Х. — Фономорфологический анализ структуры слова в цахурском языке. — В кн.: Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала, 1981а.

Ибрагимов Г.Х. — Общности в склонении имен существительных в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках. — В кн.. Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: IX региональная научная сессия. (Тез. докл.). Махачкала, 1981б.

Иллич-Свитыч В.М. Caucasica. — В кн.: Этимология, 1964. М., 1965.

Исаев Н.Г. Фонетика рутульского языка: Автореф. канд. дис. М., 1973.

Караев А.Г. Идиоматические выражения в цахурском языке: Автореф. канд. дис. Баку, 1969

Карбелашвили Д. К фонетике удинского языка. — В кн.: Язык и мышление. М.; Л., 1935, т. III—IV.

Кахадзе О.И. Латеральные согласные в арчибском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1958, т. IX—X.

Кахадзе О.И. К вопросу о суффиксах эргатива в арчибском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1962, т. XIII.

Кахадзе О.И. Об инклюзивном и эксклюзивном местоимениях в арчибском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1964, т. XIV.

Кахадзе О.И. О совпадении двух падежей в арчибском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1966, т. XV.

Кахадзе О.И. О грамматических классах в арчибском языке. — Сообщ. АН ГССР, 1967, т. XV, N 3.

Кахадзе О.И. О некоторых вопросах глагольной основы в арчибском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1970, т. XVII.

Кахадзе О.И. Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков: Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1973а.

Кахадзе О.И. Некоторые вопросы строения и склонения личных местоимений в арчибском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1973б, т. XVIII.

Кахадзе О.И. Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков. Тбилиси, 1979. На груз. яз.

Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков). — В кн.: Язык и человек. М., 1970.

Кибрик А.Е. О формальном выделении согласовательных классов в арчинском языке. — ВЯ, 1972, N 1.

Кибрик А.Е. Номинативная/эргативная конструкции и логическое ударение в арчинском языке. — В кн.: Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.

Кибрик А.Е. Структурное описание арчинского языка методами полевой лингвистики: Автореф. докт. дис. М., 1976.

Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности: 0. Теоретическое введение. 1. Арчинский язык. М., 1979а.

Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности: 4. Табасаранский язык. 5. Агульский язык. М., 1979б.

Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности: 6. Цахурский язык. 7. Рутульский язык. 8. Лезгинский язык. М., 1980

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С. Опыт структурного описания арчинского языка. М., 1977а. Т. I—III.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С. Арчинский язык. Тексты и словарь. М., 1977б.

Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

Климов Г.А. Кавказские этимологии (1—8). — В кн.: Этимология, 1968. М., 1971а.

Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. М., 1971б.

Климов Г.А. О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков. — В кн.: Этимология, 1970. М., 1972а.

Климов Г.А. Заметки по дешифровке агванской кавказско-албанской письменности. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1972б, вып. 1.

Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980.

Климов Г.А., Талибов Б.Б. К вопросу о сравнительно-историческом изучении лезгинских языков. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1964, т. XIII.

Кодзасов С.В. Фонетика арчинского языка. Опыт структурного описания: Автореф. канд. дис. М., 1977.

Курбанов А.И. Система склонения в цахурском языке: Автореф. канд. дис. Баку, 1966.

Курбанов А.И. Эргативный падеж и его функции в цахурском языке. — В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.

Курбанов К.К. Структура глагольной основы в табасаранском литературном языке: Автореф. канд. дис. Махачкала, 1981.

Курбанов А.И., Мельников Г.П. Логические основания именной классификации в цахурском языке. — В кн.: Вопросы структуры языка. М., 1964.

Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М., 1981.

Лексика — Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.

Магомедбекова З.М. Ахвахский язык. Тбилиси, 1967.

Магомедова П.Т. Основные вопросы склонения в андийских языках в сравнительном аспекте. — В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

Магометов А.А. Превербы в табасаранском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1956, т. VIII.

Магометов А.А. Краткий обзор фонетики табасаранского языка. — ИКЯ, Тбилиси, 1959, т. XI.

Магометов А.А. К спряжению глагола табасаранского языка. — ИКЯ, Тбилиси, 1960, т. XII.

Магометов А.А. О строе глаголов в табасаранском языке. — В кн.: Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961.

Магометов А.А. Реликты грамматических классов в агульском языке. — Мацне, Тбилиси, 1962, N 3.

Магометов А.А. Личные местоимения лезгинских языков. — Мацне, Тбилиси, 1963, N 4.

Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.

Магометов А.А. Рефлексы фарингализованных согласных в агульском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1966, т. XV.

Магометов А.А. Агульский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967. т. IV. Иберийско-кавказские языки.

Магометов А.А. Агульский язык. Тбилиси, 1970.

Мейланова У.А. Типы образования повелительного наклонения глагола в лезгинском языке. — В кн.: Языки Дагестана. Махачкала, 1954, вып. 2.

Мейланова У.А. Гилиярский смешанный говор и его место в системе лезгинских диалектов. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1957, т. V.

Мейланова У.А. Стальский говор лезгинского языка. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1957, т. VI.

Мейланова У.А. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960.

Мейланова У.А. О категории грамматического класса в лезгинском языке. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1962, т. X.

Мейланова У.А. Об отражении категории класса в именах существительных дагестанских языков. — Учен. зап. ИИЯЛ. Сер. филол. Махачкала, 1964а, т. XIII.

Мейланова У.А. Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964б.

Мейланова У.А. Лезгинский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967, т. IV. Иберийско-кавказские языки.

Мейланова У.А. О генетическом единстве дагестанских языков. — В кн.: Материалы I научной сессии по сравнительно-историческому изучению языков Северного Кавказа. Махачкала, 1969.

Мейланова У.А. Гюнейский диалект — основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970.

Мейланова У.А. К истории терминов

животного мира в лезгинском языке. — Ежегодник. Тбилиси, 1975, т. II.

Мейланова У.А. Диалектологическое изучение дагестанских языков. — В кн.: Языки Дагестана, Махачкала, 1976, вып. 3.

Мейланова У.А. О строе глагола в будухском языке. — Ежегодник. Тбилиси, 1977, т. IV.

Мейланова У.А. Функционироаание и развитие некоторых послелогов лезгинского и будухского языков. — В кн.: 8-я региональная научная сессия по изучению иберийско-кавказских языков: Система превербов и послелогов. Тез. докл. Черкесск, 1979.

Мейланова У.А. Исторические сдвиги в падежной системе лезгинского языка. — В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: IX региональная научная сессия. (Тез. докл.). Махачкала, 1981.

Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Дагестанская лексикология и лексикография. — В кн.: Языки Дагестана. Махачкала, 1976, вып. 3.

Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Динамика затухания категории грамматических классов в лезгинских языках – В кн.: Седьмая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: (Тез. докл.). Сухуми, 1977.

Микаилов К.Ш. Арчинский язык. Махачкала, 1967.

Микаилов К.Ш. Рефлексы аварских абруптивных аффрикат в арчинском языке. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1968, т. XVIII.

Микаилов К.Ш. Об арчинских соответствиях аварским шумным спирантам. — В кн.: Сборник статей по вопросам дагестанских и вейнахских языков. Махачкала. 1972.

Назаров В.П. Разыскания в области исторической морфологии восточнокавказских языков. Махачкала, 1974.

Панек Л.В. О некоторых терминах родства и грамматических классах в дагестанских языках. — В кн.: Языки Дагестана. Махачкала, 1954, вып 2.

Панчвидзе В.Н. К генезису аккузатива в удинском языке. — Изв. ИЯИМК, 1940а, т. V—VI.

Панчвидзе В.Н. Суффикс каузативности (resp. переходности в удинском языке. — Сообщ. Груз. фил. АН СССР, 1940б, т. I, N 56.

Панчвидзе В.Н. Глаголы с дательным падежом субъекта в удинском языке. — Изв ИЯИМК, 1942а, т. XII.

Панчвидзе В.Н. Образование и значение форм "инфинитива" в удинском языке. — Сообщ. Груз. фил. АН СССР, 1942б, т. III, N 2, 4.

Панчвидзе В.Н. О принципах образования времен и наклонений в удинском языке. — Сообщ. АН ГССР, 1943, т. IV, N 2.

Панчвидзе В.Н. Указательные местоимения в удинском языке. — Сообщ. АН ГССР, 1944, т. V, N 8.

Панчвидзе В.Н. Грамматические классы в будухском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1953, т. V.

Панчвидзе В.Н. Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1974а.

Панчвидзе В.Н. Образование и функции основных падежей в будухском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1974б, т. XIX.

Панчвидзе В.Н., Джейранишвили Е.Ф. Удинский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967, т. IV. Иберийско-кавказские языки.

Саадиев Ш.М. Склонение существительных в крызском языке: Автореф. канд. дис. М., 1953.

Саадиев Ш.М. К изучению словарного состава крызского языка. — Изв. АН АССР, 1954, N 8.

Саадиев Ш.М. Об устойчивых элементах словарного состава крызского языка. — Изв. АН АССР. Сер. обществ. наук, 1959, N 5.

Саадиев Ш.М. Кимильский говор лезгинского языка. — Изв. АН АзССР. Сер. обществ. наук, 1961а, N 4.

Саадиев Ш.М. Склонение имен существительных в крызском языке. — В кн.: Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961б.

Саадиев Ш.М. Крызский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. IV. М., 1967. Иберийско-кавказские языки.

Саадиев Ш.М. Звукосоответствия в крызском и лезгинском языках. — В кн.: Материалы I научной сессии по сравнительно-историческому изучению языков Северного Кавказа. Махачкала. 1969

Саадиев Ш.М. Опыт исследования крызского языка: Автореф. докт. дис. Баку, 1972.

Саадиев Ш.М. Система послелогов и послеложных конструкций в крызском языке. — В кн.: 8-я региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков: Система превербов и послелогов. (Тез. докл.) Черкесск, 1979.

Самедов Д.С. Некоторые вопросы лек-

сики арчинского языка: Автореф. канд. дис. М., 1975.

Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974

Старостин С.А. О реконструкции пралезгинской фонологической системы (консонантизм). — В кн.: Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников: Литературоведение, текстология, лингвистика. М., 1975а.

Старостин С.А. О реконструкции пралезгинской системы гласных. — Там же, 1975б.

Старостин С.А. Реконструкция пралезгинских именных основ на гласный. — В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: IX региональная научная сессия. (Тез. докл.). Махачкала, 1981

Сулейманов Н.Д. Склонение имен существительных в керенском диалекте агульского языка. — В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

Сулейманов Н.Д Направительные превербы агульского языка в их связи с направительными превербами группы лезгинских языков. — В кн.: Материалы шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1980.

Талибов Б.Б Система глагола в цахурском языке: Автореф. канд. дис. М., 1955.

Талибов Б.Б. Превербы в системе лезгинского глагольного корня. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1958, т. V.

Талибов Б.Б. Место хиналугского языка в системе языков лезгинской группы — Учен. зап. ИИЯЛ, 1960а, т. VII.

Талибов Б.Б. О некоторых окаменелых и полуокаменелых элементах в структуре лезгинского языка. — В кн.: Вопросы грамматики. М.; Л., 1960б.

Талибов Б.Б. Система грамматических классов в цахурском языке. — В кн.: Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961.

Талибов Б.Б. О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке. — Учен зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1962, т. XI.

Талибов Б.Б. Способы выражения глагольного отрицания в цахурском языке. — Учен. зап. ИИЯЛ, 1964, т. XII.

Талибов Б.Б. Цахурский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967, т. IV. Иберийско-кавказские языки.

Талибов Б.Б. К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках. — В кн Материалы I научной сессии по сравнительно-историческому изучению языков Северного Кавказа. Махачкала, 1969.

Талибов Б.Б. О процессе делабиализации лабиализованных согласных в лезгинских языках. — В кн.: Сборник статей по вопросам дагестанских и вейнахских языков. Махачкала, 1972.

Талибов Б.Б. К вопросу об абруптивных согласных в удинском языке. — Ежегодник. Тбилиси, 1974, т. I

Талибов Б.Б. Редукция согласных в лезгинских языках. — ВЯ, 1976, N 6.

Талибов Б.Б. О процессе оглушения звонких согласных в лезгинских языках. — Ежегодник. Тбилиси, 1977, т IV

Талибов Б.Б. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей цахурского языка. — В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980

Талибов Б.Б. Об одном инфиксальном элементе в структуре табасаранской глагольной основы. — В кн.: Материалы шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1980а.

Талибов Б.Б., Гаджиев М.М Лезгинско-русский словарь. М., 1966.

Топуриа Г.В. К вопросу об образовании повелительного наклонения в лезгинском языке. — Сообщ. АН ГССР, 1957, т. XVIII, N 3.

Топуриа Г.В. Основные грамматические категории лезгинского глагола. Тбилиси, 1959.

Топуриа Г.В. О взаимоотношении эргативного и местного IV падежей в лезгинском языке. — В кн: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.

Топуриа Г.В. О категории инклюзива — эксклюзива в лезгинских языках. — В кн.: Материалы I научной сессии по сравнительно-историческому изучению языков Северного Кавказа. Махачкала, 1969.

Топуриа Г.В. Об отрицательном повелительном и образующей его основе в лезгинских языках. — Тр. Тбил. ун-та. В3 (142). Тбилиси, 1972.

Топуриа Г.В. К образованию множественного числа в лезгинских языках. — ИКЯ, Тбилиси, 1973, т. XVIII.

Топуриа Г.В. Об одной закономерности в системе преруптивов лезгинского

языка. — Ежегодник. Тбилиси, 1974, т. I.

Топуриа Г.В. К истории некоторых глагольных основ в лезгинском языке. — Ежегодник Тбилиси, 1976, т. III.

Топуриа Г.В. Некоторые вопросы истории вспомогательного глагола "есть, имеется" в лезгинском языке. — В кн.: Арнольду Степановичу Чикобава. Тбилиси, 1979.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Кюринский язык. Тифлис, 1896.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.

Fähnrich H. [Фенрих Х.]. Innerdaghestanische Sparachbeziehungen. — In: Bedi Kartlisa. Revue de kartvelologie, v. XXXIV. Paris, 1976.

Хайдаков С.М. Падежная система арчинского языка. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1965, т. XXIV, вып. 2.

Хайдаков С.М. Арчинский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1967, т. IV. Иберийско-кавказские языки.

Хайдаков С.М. Топонимы арчинской языковой территории. — В кн.: Топонимика Востока. М., 1969.

Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.

Хайдаков С.М. Система глагола в дагестанских языках. М., 1975.

Хайдаков С.М. Принципы именной классификации в дагестанских языках. М., 1980

Ханмагомедов Б.Г.-К. Происхождение активного падежа в табасаранском языке. — В кн.: В помощь учителям табасаранского языка. Махачкала, 1958а. На таб. яз.

Ханмагомедов Б.Г.-К. Система местных падежей в табасаранском языке. Махачкала, 1958б.

Ханмагомедов Б.Г.-К. Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков: Автореф. канд. дис. Махачкала, 1958в.

Ханмагомедов Б.Г.-К. К истории образования эргатива в языках восточнолезгинской подгруппы. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1958г, т. IV.

Ханмагомедов Б.Г.-К. Табасаранский язык Учебник для педучилища. Махачкала 1966 На таб яз.

Ханмагомедов Б.Г.-К. Табасаранский язык. — В кн.. Языки народов СССР. М., 1967, т. IV. Иберийско-кавказские языки.

Ханмагомедов Б.Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970.

Хидиров В.С. Основные грамматические категории глагола в крызском языке: Автореф. канд. дис. Баку, 1964.

Хидиров В.С. Историко-типологический анализ глагольных основ крызского языка. — Ежегодник. Тбилиси, 1974, т. I.

Хидиров В.С. Термины гужевого транспорта в крызском языке. — Ежегодник Тбилиси, 1975, т. II.

Хидиров В.С. Сравнительно-типологическая характеристика превербов в языках лезгинской группы. — Ежегодник. Тбилиси, 1976, т III.

Церцвадзе И.И. К соответствиям пятого латерального в удинском языке. — ИКЯ, Тбилиси, 1964, т. XIV.

Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: А — Н; П — I М., 1977.

Шалбузов К.Т. Категория грамматического класса в табасаранском языке. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1964, т. XII.

Шалбузов К.Т. К вопросу о классификации диалектов табасаранского языка. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1968, т. XVIII.

Шанидзе А.Г. Язык и письмо кавказских албанцев. — Вестн. Отд-ния обществ. наук. ГССР. Тбилиси, 1960.

Шаумян Р.М. Armenica-Lesgica. — В кн.: Академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935, т. XLV.

Шаумян Р.М. Следы грамматических классов в агульском языке. — В кн.: Язык и мышление. М., — Л., 1936, т. VI/VII.

Шаумян Р.М. К анализу лезгинского числительного jaxcur. — В кн.: Памяти акад. Н.Я. Марра (1864—1934). М.; Л., 1939.

Шаумян Р.М. Яфетические языки "шахдагской подгруппы". — В кн.: Язык и мышление. М.; Л., 1940, т. X.

Шаумян Р.М. Грамматический очерк агульского языка. М., Л., 1941.

Эдельман Д.И. К генезису вигезимальной системы числительных. — ВЯ, 1975, N 5.

Dirr A. [Дирр А.]. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.

Dumézil G. [Дюмезиль Г.]. Recherches comparatives sur le verbe caucasien Paris, 1933.

Dumézil G. [Дюмезиль Г.]. Introduction á la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord. Paris, 1939.

Erkert R. [Эркерт Р.] Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.

Schiefner A. [Шифнер А.] Versuch über die Sprache der Uden. — In: Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg, VIIe série, t. VI, N 8, 1863.

Schiefner A. [Шифнер А.] Ausführlicher Bericht über Baron P. von Uslar's kürinische Studien. — Ibid., t. XX, N 2, 1873.

Troubetzkoy N. [Трубецкой Н.] Les consonnes latérales des langues caucasiques-septentrionales. — In: Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. XXIII, f. 3 (N 72). Paris, 1922.

Troubetzkoy N. [Трубецкой Н.] Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchétchénolesghiennes (caucasiques orientales). — Ibid., t. XXIX, f. 3 (N 88). Paris, 1929.

Trubetzkoy N. [Трубецкой Н.]. Nordkaukasische Wortgleichungen In: Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes. Wien, 1930, Bd. XXXVII, H. 1—2.

Trubetzkoy N. [Трубецкой Н.] Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen. — In: Caucasica, f. 8. Leipzit, 1931.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ

Ежегодник — Ежегодник иберийско-кавказского языкознания.
ИКЯ — Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

ЯЗЫКИ, ДИАЛЕКТЫ, ГОВОРЫ

А (агул.) — агульский яз. (говор с. Рича)
АБ (бурщ.) — бурщагский говор
АБк (бурк.) — буркиханский говор
АК (кур.) — говор с. Кураг
АТ (тп.) — тпигский говор
АУ (ус.) — усугский говор
АФ (фит.) — говор с Фите
Ав (ав.) — аварский яз.
ав. унт. — унтибский говор
аз. — азербайджанский яз.
анд. — андийский яз.
Ар (арч.) — арчинский яз.
арм. — армянский яз.
ахв. — ахвахский яз.
ахв. сев. — северный д-т
ахв цег. — цегобский говор
Б (буд.) — будухский яз.
багв. — багвалинский яз.
бежт. — бежтинский яз.
гин. — гинухский яз.
год. — годоберинский яз.
груз. — грузинский яз.
гунз. — гунзибский яз.
дарг. — даргинский яз.
дарг. ак. — акушинский д-т
дарг. кайт. — кайтагский д-т
дарг. куб. — кубачинский д-т
дарг. ур. — урахинский д-т
дарг. цуд. — цудахарский д-т
дарг. чир. — чирагский д-т
и.-е. — индоевропейские яз.
инг. — ингушский яз.
инх. — инхокваринский д-т хваршинского яз.
К (крыз.) — крызский яз. (говор с. Крыз)
КА (алык.) — алыкский д-т
кар. — каратинский яз.
Л (лезг.) — лезгинский яз. (литерат.)
ЛА (ахт.) — ахтынский д-т
ЛГ (гюн.) — гюнейский д-т
ЛД (док.) — докузпаринский д-т
ЛК (кур.) — курвхский д-т
ЛН (нют.) — нютюгский говор
ЛФ (фий.) — фийский д-т
ЛХ (хл.) — хлютский говор
ЛЯ (ярк.) — яркинский д-т
Лк (лак.) — лакский яз.
лак. арак. — аракульский д-т
лак. бартх. — бартхинский д-т
лат. — латинский яз.
лит. — литовский яз.
монг. — монгольский яз.
осет. — осетинский яз.
ПЛ — пралезгинский яз.
перс. — персидский яз.
Р (рут.) — рутульский яз. (говор с. Лучек)
РБ (борч.) — борчинский говор
РИ (ихр.) — ихрекский д-т
РМ (мух.) — мухадский д-т
РХ (хнов.) — хновский говор
РХх (хнюх.) — хнюхский говор
РШ (шин.) — шиназский д-т
слав. — общеславянский яз.
Т (таб.) — табасаранский яз. (литерат.)
ТД (дюб.) — дюбекский говор
ТК (канд.) — кандикский говор
ТКу (кум.) — говор с. Куми
ТУ (улз.) — улзигский говор
ТХ (хив.) — хивский говор
ТХан (хан.) — ханагский говор
ТХюр (хюр.) — хюригский говор
тат. — татарский яз.
тинд. — тиндинский яз.
У (уд.) — удинский яз.
УВ (варт.) —варташенский д-т
УН (индж.) — нинджский д-т
Х (хин.) — хиналугский яз.
хварш. — хваршинский яз.
Ц (цах.) — цахурский яз. (говор с. Микик)
ЦГ (гельм.) — гельмецкий д-т
ЦМш (мишл.) — мишлешский говор
ЦЦ — говор с. Цахур
цез. — цезский язык
чам. — чамалинский яз.
чеч. чеченский яз.

ОГЛАВЛЕНИЕ